

БАЙКИ

I. НИИГА - ВНИИОкеангеология

1948 – 2008

- II. В цветной композиции, представленной на обложке по мотивам известной картины В.Г.Перова «Охотники на привале»,
- III. соавторы баек (слева направо):
- IV. Белый Медведь, О.И.Супруненко, Е.А.Кораго, Б.И.Ким

*Посвящается 60-летию
Научно-исследовательского института
Геологии Арктики (НИИГА) –
ныне ВНИИОкеангеология*

БАЙКИ

НИИГА - ВНИИОКЕАНГЕОЛОГИЯ

(1948 – 2008)

Редакторы:

Аветисов Г.П.
Супруненко О.И. (отв. редактор)
Ушаков В.И.

Компьютерная обработка:

Медведева Т.Ю.
Прищепа Д.О.

© Отдел нефтегазоносности Арктики и Мирового океана
E-mail: onaimo@centurion.vniio.nw.ru

Санкт-Петербург
2008

От редакторов

Возникла идея – “байки”! Почему бы не попытаться собрать смешные (и не очень, но все же необычные) истории, случившиеся в долгой истории института и годами-десятилетиями сохранявшиеся в памяти непосредственных участников событий или тех, кто слышал рассказы участников? Первоначально предполагалось, что это будут короткие истории из жизни только НИИГА – ВНИИОкеангеологии. Но, по мере поступления материалов, выяснилось, что авторы мыслят шире, чем “отцы-соредакторы”, и, помимо коротких и смешных рассказов, представили и более объемистые произведения, в том числе включающие и до“НИИГА - ВНИИО”шный период их жизни, а то и вовсе описание чуть ли не всего жизненного пути. По долгом размышлении было решено, что народ в данном случае прав, и действующие специалисты института, а тем более ветераны, находящиеся на заслуженном отдыхе, имеют право опубликовать свои воспоминания в представленном (или слегка сокращенном) виде. Но это потребовало выделения в сборнике нескольких рубрик. Действительно, сложно в один раздел поместить мини-байку в несколько строк и мемуары объемом более одного печатного листа. Так появилась предлагаемая рубрикация. Наверное, кто-то из читателей с ней не согласится и будет в какой-то мере прав, ибо она, как и всякая классификация, сечет естественные связи между отдельными частями. С другой стороны, она помогла нам организовать весьма объемный и достаточно пестрый материал.

Когда этот материал был слегка систематизирован, оказалось, что воспоминания разных авторов об одном и том же событии освещают это событие не совсем одинаково. Кроме того, заведомо один и тот же источник (“думайте головой”) с годами перекочевал в различные контексты, а некоторые истории, известные еще до основания НИИГА (типа “вашу сестру беспокоит отсутствие денег тчк вашу мать почта не принимает”), были воспроизведены и в долгой жизни юбиляра.

По долгом размышлении мы включили в сборник и несколько стихотворений, и подборку уже исторических фотографий, на которых присутствуют наши коллеги, ковавшие славу института в 1950 – 1980-е и более поздние годы. Многих из них, к глубокому сожалению, уже нет с нами. Но сами эти люди, их быт, их шутки, “запах” жизни института второй половины XX века сохраняются в представленных байках и воспоминаниях.

Тем самым, наш сборник – это своеобразная дань уважения, памяти и благодарность нашим предшественникам и современникам – геологам и геофизикам НИИГА – ВНИИОкеангеологии – НПО “Севморгео” – ПГО “Севморгеология”, усилиями которых создавался и рос институт, познавалась геология Арктики, Антарктики и Мирового океана, изучался и расширялся их минерально-сырьевой потенциал – наследие наших детей, внуков и правнуков.

Г.П.Аветисов

О.И.Супруненко

В.И.Ушаков

Содержание

V. Байки

<i><u>АНДРЕЕВ С.И.</u></i>	<i>6</i>
<u>На всякого мудреца довольно простоты</u>	
<u>Подготовка ВПП в РД</u>	
<u>Полярник, однако</u>	
<u>Начальнику – наш респект и уважуха</u>	
<i><u>БОРДУКОВ Ю.К.</u></i>	<i>8</i>
<u>О роли профорга в коллективе</u>	
<u>Все еще осваивают?</u>	
<u>Севморг</u>	
<u>Ты же горный инженер, Коля!</u>	
<i><u>ЗАХАРОВ В.И.</u></i>	<i>10</i>
<u>Прискорбные приключения двух кандидатов</u>	
<i><u>ИВАНОВ В.Л.</u></i>	<i>12</i>
<u>Первые уроки</u>	
<u>Рыбный бизнес</u>	
<u>Речка имени Резникова</u>	
<u>Два рассказа об одном и том же</u>	
<u>Лошади в воздухе</u>	
<u>Наказ партии</u>	
<u>По-ли – миктовый</u>	
<u>Главное – подняться на поверхность</u>	
<i><u>ИВАНОВА Т.К.</u></i>	<i>17</i>
<u>Кучум</u>	
<u>Как я спасала от голодной смерти знаменитого в будущем поэта</u>	
<u>Чтоб там речей не тратить по-пустому</u>	
<i><u>КЕН М.А.</u></i>	<i>23</i>
<u>Крик души</u>	
<i><u>КИМ Б.И.</u></i>	<i>23</i>
<u>На театральную премьеру – в рабочий полдень</u>	
<i><u>КОРАГО Е.А.</u></i>	<i>24</i>
<u>Две сеймчанских истории</u>	
<u>Были и байки об И. Соловьеве</u>	
<u>Идеалист - берклианец и материалист</u>	
<u>Весенние арктические походы</u>	
<u>Мне нравится</u>	
<i><u>КОСЬКО М.К.</u></i>	<i>40</i>
<u>Вечный лейтенант</u>	

<i>ЛАЙБА А.А.</i>	41
Мишка на севере	
В курилке	
Ледовитое слово	
Небрезгливая муза	
<i>МИЛАШЕВ В.А.</i>	63
Научный подход	
Гурманы и рационализаторы	
<i>МУСАТОВ Е.Е.</i>	64
Преступление и наказание	
<i>НЕПОМИЛУЕВ В.Ф.</i>	65
Три рассказа об интуиции	
<i>ПИСКАРЕВ А.Л.</i>	76
Арктическая Геофизическая партия	
<i>СИРОТКИН А.Н.</i>	78
Проруха	
Заблудившиеся во времени	
<i>СОРОКОВ Д.С.</i>	83
Любовь и кровь	
<i>СТОЛБОВ Н.М.</i>	84
Инаугурация	
<i>СУДАРИКОВ С.М.</i>	84
Первая трубка Краснова	
<i>СУПРУНЕНКО О.И.</i>	88
О Б.Х. Егиазарове	
Морская капуста с кукумарией	
Мы попали в г...!	
<i>УСТРИЦКИЙ В.И.</i>	90
Зайцы!	
Гусенок	
Мамонтенок	
Укрощение строптивого	
<i>УШАКОВ В.И.</i>	98
Да, были люди в наше время!	

<u>ЮДОВНЫЙ Е.Г.</u>	100
Две байки о Н.И. Шульгиной	
VI. <u>Байки – воспоминания</u>	
<u>АВETИCOB Г.П.</u>	103
Материалы празднования 10-летия сейсмологического отряда НИИГА	
<u>ЕВДOKИМОВ А.Н.</u>	110
Путевые заметки о поездке во Францию	
VII. <u>Воспоминания</u>	
<u>АВETИCOB Г.П.</u>	119
Поход НЭС “Академик Федоров” в район полюса недоступности	
<u>БЕЛОУCOB К.Н.</u>	131
Глобус крутится, вертится	
<u>БОНДАРЕВ В.И.</u>	164
На Новой Земле	
<u>КУКЛИН Л.В.</u>	173
Умка – белый медведь	
<u>РОНКИНА З.З.</u>	180
Немного из прошлого НИИГА	
VIII. <u>Эссе</u>	
<u>АНДРЕЕВ С.И.</u>	184
О возрасте руководителей института	
IX. <u>Стихи</u>	
<u>ГРАМБЕРГ И.С.</u>	186
На внешней орбите	
Река Оленек	
Ветеран	
<u>ЛАЙБА А.А.</u>	204
Защита Крутоярского	
Перелет	
Лед	

І. Байки

Андреев С.И.

На всякого мудреца довольно простоты

Речь пойдет об одной из самых самобытных личностей, ходивших по слабоосвещенным мрачноватым коридорам здания НИИГА на Мойке 120, о втором человеке в иерархическом административном табеле о рангах во времена первого и второго директоров института – заместителе директора по науке Михаиле Григорьевиче Равиче. Это, несомненно, один из самых незаурядных людей, работавших в стенах нашего института. По уму, знаниям, умению говорить и темпераменту ему не было равных вплоть до прихода к «власти» в 1972 г. Игоря Сергеевича Грамберга. Мало кто отваживался вступать с ним в полемическую дуэль, и еще меньше было сотрудников, которые хотя бы в чем-то ее выигрывали. Владея острым и критичным языком, будучи хорошо осведомленным о кулуарных тайнах, тонким психологом и большим артистом, М.Г. Равич мог позволять себе рискованные вольности, не сомневаясь, что последнее слово и верх всегда останутся за ним.

Кстати, он был единственный заместитель директора по науке, который досконально знал каждую тему, ведущуюся в институте; тщательно, по «косточкам» с исполнителем «разбирал» программу и самолично устраивал ежегодные проверки состояния работ у себя в кабинете, не считаясь со временем.

Чем более грозной представлялась фигура Михаила Григорьевича, тем привлекательнее оказывались и выше ценились его оплошности и приключавшиеся с ним казусы. Рассказы о них приобретали широкую известность и, со временем, превращались в маленькие легенды. Ниже пойдет речь об одной из таких миниатюрных баек. Как и все геологи, в те времена М.Г. Равич ездил в поле, проводил там обычные исследования, погружаясь в быт полевой жизни. В больших поисковых партиях было много народу. В них работали теперь забытые прорабы, коллекторы и проходчики. Прораб – это младший геологический командир над проходчиками. Коллекторы (особенно, старшие) – это особо значимая фигура в геологии. Старший коллектор должен был уметь и знать в поле все: поставить палатку на венцы, соорудить печь, вывести трубу; испечь хлеб в земле, поймать рыбу, добыть дичь или зверья, освежевать его, сварить быстро и вкусно еду, завести бражку и гнать самогон; управляться с лошадьми или оленями, если таковые есть; быть первым помощником и носильщиком образцов в маршруте, неплохо соображать в геологии. При этом, когда нужно, быть воспитанным, ненавязчивым, временами симпатичным интересным сотоварищем, имеющим собственный духовный мир и пристрастия. Коллекторы ни в коем случае не должны были дать понять интеллигентам – геологам, что они, в общем, типичные неудобники, требующие глаз да глаз. В НИИГА сложился целый штат коллекторов самого высокого класса. Проходчики – это те, кто проходили канавы и шурфы вручную или со взрывчаткой. Среди них были люди самого разного калибра: бывшие правонарушители, неудачники, просто не определившиеся, но вполне интеллектуально развитые и образованные. В частности, в летний каникулярный сезон, в качестве проходчиков, часто работали рабочие сцены из Мариинки.

Однако приблизимся к теме. Проходка канавы – дело святое. Сначала нужно вынуть грунт и породу на заданную длину и глубину. Затем стенки необходимо тщательно зачистить и замывать, чтобы все было видно четко. После этих процедур канава документировалась, делались зарисовки, отбирались штурфовые и бороздовые пробы. Эта работа лежала обычно на плечах коллектора или младшего геолога.

Окончательный просмотр и выборочное описание ключевых мест входили в обязанности главного геолога или начальника партии. Тут мы подходим к кульминационному моменту. Описание канавы – дело увлекательное, чем-то напоминающее работу патологоанатома, ставящего окончательный диагноз. М.Г. Равич оказался именно в такой ситуации. Ему попался интересный геологический объект, и он погрузился в его созерцание. Рядом стоял проходчик, готовый выполнить по мановению большого начальства любое действие. Михаил Григорьевич вслух излагал свои мысли и заметил, что помощник не равнодушен к его словам. Чем черт не шутит: может в нем, в этом проходчике, скрыта душа геолога, и его можно обратить в геологическую веру? К своим устным рассуждениям он поддал вдохновения. Заговорил о магматических сериях, рудогенезе, метаморфической зональности и других тонкостях петрологии. Лицо слушателя излучало полное внимание и резонировало в такт умным словам. Монолог протекал легко и непринужденно, но, наконец, иссяк. Семена разума были посеяны, хотелось бы увидеть всходы. Ожидание было недолгим. Канавокопатель встрепетнулся и несколько смущенно спросил: «Михаил Григорьевич, скажите, пожалуйста, что такое внематочная беременность?». В воздухе повисла тишина. Сложные, до остолбенения, противоречивые чувства обуяли Равича. И ребенку ясно, что он клюнул на дохлого червяка. История умалчивает о последующих мгновениях всей этой сцены. Можно лишь догадаться, что в этот момент Михаилу Григорьевичу пригодились знания второго языка, манипулирующего ненормативной лексикой.

Увы, на всякого мудреца довольно простоты. Даже очень умные и проницательные люди иногда обманываются в своих самых лучших ожиданиях.

Подготовка ВПП (взлетно-посадочной полосы) в РД (радиограммах)

- Ваши неумные распоряжения срывают мой план и держат меня в одном месте. Начальник партии.
- Вашу РД получил, вторично рекомендую проверить ВПП. Результаты сообщить мне. Начальник экспедиции.
- Дождь проходит, проверить состояние ВПП думаю бревном. Начальник партии.
- С Вашим решением согласен. Пробуйте бревном. Думайте головой. До встречи. Начальник экспедиции.

Полярник, однако

В салоне самолета «ИЛ-14», рейс Москва – Красноярск. За иллюминатором – апрель. Второй час полета.

«Пора» - сказал геолог-полярник лет тридцати своим молодым спутникам, направляясь в хвост самолета – «Пошел надевать кальсоны. Север шуток не любит».

Начальнику – наш респект и уважуха

Позднее вечернее время. Лагерь полевой партии глубокой осенью. Палатки. Идет редкий снежок. Тихо. Вдруг раздается отчетливый звук упругой струи, падающей на растяжки палатки. Ее обитатель, очнувшись от легкой дремы, возмущенно говорит: «Какая сволочь на мою палатку!». Затем выходит и видит начальника экспедиции Михаила Никитича Злобина. Слегка обалдев, произносит уже приветливым, даже нежным, голосом: «Писайте, писайте, Михаил Никитич, писайте, пожалуйста!».

О роли профорга в коллективе

Юрий Константинович Бордуков, в будущем начальник ЦАГРЭ, зав. отделом в ПГО “Севморгеология” (ныне – мудрый руководитель одноименной ассоциации), попал на производственную практику в буровую партию в среднеазиатской пустыне. Прилично выпив, буровая бригада прямо на буровом станке, смонтированном на автомобиле, поехала ночью охотиться на сайгаков «на фару». Водитель не справился с управлением, установка рухнула на склоне бархана, полная темнота... Участники охоты приходят в себя, ощупывают, целы ли сами, пытаются понять, где и живы ли окружающие. Бордукова касается чья-то рука, он откликается и слышит голос буровика-профорга: - “Юрка, сынок, держись меня. Профорг на буровой – это большая сила...” Произнеся это, он, похоже, уткнулся лицом в песок и надолго умолк...

Обошлось в итоге без жертв.

“Все еще осваивают?”

В 1972 г. молодой специалист Ю.К. Бордуков, только что отслуживший в армии, пришел устраиваться на работу во ВНИИОкеангеологию. Его радушно встретил Габриэль Гинсбург, представил И.С. Грамбергу (кабинет директора тогда был на Мойке, 120, где сейчас, кстати, работает и руководит сам Ю.К.) и по переходу между зданиями повел в лабораторный корпус. По переходу вдоль стены осторожно шел первооткрыватель норильских руд (1920 год!) Николай Николаевич Урванцев. Габи обрадовался этой встрече и с восторгом обратился к Н.Н.: “Н.Н., вот – молодой специалист, едет осваивать Норильск!” Подняв очки и строго поглядев на Габриэля, Н.Н. удивился: “Как, все еще осваивают?” и медленно двинулся дальше.

“Севморг”

Уже работая в Норильске в Центрально-Арктической ГРЭ НПО “Севморгео”, Ю.К. Бордуков вынужден был заниматься подбором рабочих, обеспечивать их спецодеждой, деньгами на питание до выезда в поле и т.д. Естественно, что в Норильске, как и вообще на Севере и Дальнем Востоке, большинство “кадров” имело достаточно непростую биографию. Один из них, Леха, оформляясь, представил кучу удостоверений и справок, подтверждающих его многие умения и сложный жизненный путь. Главным из документов была справка об освобождении из лагеря, заменявшая паспорт. Как следует экипировавшись (рабочий костюм, бушлат, валенки и пр.) и получив аванс, Леха направился к любимому месту сбора норильских “бичей”[†] – кафе “Спорт”, чтобы отметить удачное зачисление на работу. Немного спустя по тому же маршруту, но на комплексный обед в ресторан “Таймыр” двинулся и Ю.К. У кафе “Спорт” он увидел толпу работяг, окружавших Леху. Его преуспевающий вид вызвал

* Бордуков Юрий Константинович – генеральный директор ассоциации “Севморгеология”, типичный образец успешного российского менеджера эпохи первоначального накопления капитала. Талантливый рассказчик, наследник Ираклия Андронникова, которому гигантская повседневная текучка не оставляет ни минуты свободного времени в рабочие дни, а редкие эпизоды отдыха в субботу – воскресенье поглощаются раздумьями о судьбе геологоразведочной отрасли России. Поэтому его блестящие устные рассказы пришлось записывать О.И. Супруненко, от чего они, конечно, много потеряли.

[†] Считается, что русское “бич” происходит от английского “beach” – (1. пляж, взморье; 2. вытащить на берег, посадить на мель), означавшего моряка, списанного на берег, ждущего своего судна и т.п. Есть и другое толкование аббревиатуры “БИЧ” – бывший интеллигентный человек (ред.).

неподдельный интерес у менее удачливых товарищей. “Леха, ты где так прибахлился? – Слушай, повезло, взяли в “Севморг” какой-то, трупы возить, что ли...” “ – Я тебе сейчас покажу трупы...!” – вынужден был одернуть оратора Ю.К. “ – Во, сам начальник пришел!” – неискренне обрадовался Леха и постарался быстренько загладить свой очевидный прокол с перевозкой трупов.

В партии он потом работал отлично.

“Ты же горный инженер, Коля!”

В Норильске в 70^е годы часто, особенно перед полем и после него, собирались большие компании молодых естествоиспытателей. Отдыхали, спорили, выпивали. В одной из таких компаний оказались будущий член – корреспондент АН СССР Юлиан Евгеньевич Погребицкий и его однокашник по Горному институту, будущий выдающийся металлогенист Н.К.Ш. И случилось так, что, войдя в туалет, Н.К. заперся и долго не выходил. Злые языки судачили потом, что он неудачно сел и стульчак не хотел его отпускать. Стучали, долго издевались над неудачником, но скоро стало не до шуток: время шло к полуночи, а запертую дверь открыть не удавалось. И тут Юлиан Евгеньевич гаркнул: “Коля, ты же горный инженер! Думай, Коля, думай!” Вняв совету и успокоившись, Коля подумал, освободился и отпер злополучную дверь...

Прискорбные приключения двух кандидатов**

Ой, опять!...Ой, масляты!...
Раз, не чуя злой судьбы,
Уходили кандидаты
В лес по разные грибы...

По листве желтевшей, бурой
Шли тропинкой луговой –
Одного-то звали Юрой,
Шурой кликался другой.

Помаленьку, тихой сапой,
Шли они в лесной рассвет,
Был накрывшись Шура шляпой,
А на Юре был берет.

То лужайкой, то низинкой,
За болото напрямиком –
Юра шел с большой корзинкой,
Шура топал с кузовком.

Перелезли через речку
Возле рощицы дубов
И добрались до местечка
Всяких полное грибов.

Здесь маслята, и козлята,
Сыроежки, валуи...
И набили кандидаты
Скоро емкости свои!

И пошли они обратно,
А душа у них поет,
Потому, как всем понятно,
Что теперь их дома ждет.

Вот до Громова добрались,
Юра дачку там имел.
/Он ее, друзьям на зависть.
За семьсот схватить сумел!/.

Дома их не ждет помеха –
Нет ни деток, ни жены,
А друзья, сюда поехав,
Были вооружены –

Есть сардельки, есть баранки,
Два яйца, три огурца,
Захватили по полбанки
Да полдюжинки пивца.

Дров в сених нашлась вязанка,
Полчаса - и будь здоров –
На плите шкварчит солянка
Из трофейных из грибов!

И уселись кандидаты,
Чарки хлопнули до дна
И застольные дебаты
Затянулись допоздна...

Четвертичку помянули,
В ней, мол, главный интерес
И друг другу лили пули
И с цитатами и без...

И про шельфы дуги гнули
И про свой авторитет
И начальство критиковали
/Соблюдая пиетет!/.

Словом, сил пока хватало,
Пили, пели и плели,
И когда почти светало,
Кандидаты спать легли...

Ночь была прозрачно-тихой –
Повернулся Юра вдруг
И затем фистулой дикой
Неприличный издал звук.

И помчался до уборной,
Всей кормой шумя окрест –
То тромбоном, то валторной
То вообще как весь оркестр!

Вслед, за ним сорвавшись с ложа,
Лишь запели петухи,
Устремился Шура тоже
Вдоль забора в лопухи,

На ходу гудя бандурой...
И, пока взошла заря,
Раз по восемь Шура с Юрой
Этак сбегали не зря.

Позабывши про культуру,
Посинев, позеленев,
Шура стал тогда на Юру
Изрыгать законный гнев:

- Это ты варил солянку,
Ты меня в нее втравил,
Очевидно, ты поганку
По небрежности ввалил!

Усмехнулся Юра криво
И сказал, судьбу кляня:
-Это ты прокисшим пивом
Напоил, видать, меня.

И друг друга так ругая,
Все припомнили грехи,
Объясненья прерывая,
Чтобы сбежать в лопухи...

Толку мало зря ругаться,
Надо шмутки собирать
Да до дому добираться,
К электричке поспевать.

Рюкзаки на плечи вздели,
Разгоняя грусть-тоску,
У забора.....
По последнему разку.

Но пока от деревеньки
Шли они среди полей,
Отпустило их маленько,
Сели в поезд веселей...

Быстро мчится электричка,
За окном мелькает бор
И опять про четвертичку
Завязался, разговор.

Но, увы, в разгаре спора,
В полемическом пылу,
Показалось Шуру скоро
Что сидит, как на колу,

Вдруг схватило, замутило
Аж до самой глубины,
Так его закоротило –
Хоть тотчас снимай штаны!

Заметался он проворно,
В тамбур выскочил стрелой,
Только в поезде уборной
Нет, к несчастью, ни одной.

- Вот бы мне сейчас забраться
В тот Раисин уголок
Я бы там вполне.....
И с запасом даже смог...!

Но мечте такой не сбьется,
Тут не сядешь даже в куст...
Поезд мчится, мчится, мчится...
Хорошо хоть тамбур пуст!

Смотрит влево, смотрит вправо,
Мы понять его- должны,
И решился Шура здраво -
Лучше в шляпу, чем в штаны!

Сняв с нее на память ленту,
Чтобы помнить о былом,
И, штаны спустив моментом,
Сел над шляпою орлом.

И вздохнул потом устало,
Наваливши до полей...
А зато на сердце стало
Сразу много веселей!

Только слез со шляпы Шура,
Вновь обретший бодрый вид,
Как ввалился в тамбур Юра
- Дай добавлю - говорит.

- Не проси меня напрасно, -
Шура так проговорил,
- Чтоб ты после не нахвастал,
Что мне в шляпу навалил!

Юра в горе чешет темя,
Вместе с ним сказал бы я:
- Вот какие в наше время
Ненадежные друзья...

Друг ведь был и даже лапу
Часто Юре пожимал,
А в свою добавить шляпу
Разрешить не пожелал!

Посмотрев на Шуру хмуро,
- Раз такая благодать,
Черт с тобой! – промолвил Юра,
- Мне в берет придется!

Но берет - совсем не шляпа,
Неудобно в берет,
Очень можно пол заляпать
И вообще условий нет...

Бедный Юра, озираясь,
Дело черное творил
И, волнушкой подтираясь,
Шуру вредного корил...

Но всему конец бывает!
Я закончить сказку рад -
- Электричка прибывает
В славный город Ленинград!

А друзьям еще за это
Надо женам дать ответ
-Ведь на Юре нет берета,
А на Шуре шляпы нет...

Говорят, директор тоже
Думал с ними по грибы,
Спас его всевышний боже
От позорной от судьбы...

А не то б мы порезвились
И сказали б смело тут -
Ай, ай, ай, как вы ввалились,
- Весь институт!

Октябрь 1969

*Это замечательное произведение сохранил для потомков Устрицкий В.И.

**По слухам, это были Ю.Кулаков и А.Пуминов

Первые уроки

Первую студенческую практику я проходил от ВСЕГЕИ, под руководством Константина Николаевича Вифанского. Это был добрейший человек, геолог еще старого закала; зимой он ходил в сильно потертой бобровой шубе дореволюционного пошива.

Наши полевые работы в Горной Шории строились по следующей методике: мы ехали на грузовике по горной дороге (начальник в кабине, а я в кузове); увидев среди леса над дорогой обнажение, мы останавливались, и я должен был подняться и отбить образец. Не выходя из кабины, Вифанский долго рассматривал камень и возвращал его мне.

- Что написать на этикетке? - спрашивал я.

Иногда он диктовал мне, что написать, но чаще говорил: положи в кузов, я тебе потом скажу...

Вечерами в палатке я не раз напоминал ему про эти образцы, но в ответ слышал:

- Не приставай, Володя, я не забыл.

В результате, когда мы вернулись на «базу» - а она была в пригороде, в сельском доме, арендованном у хозяйки,- у меня накопилось полкузова неоформленных камней.

- Как быть, Константин Николаевич?

- Знаешь что, - сказал он после некоторого раздумья, - выброси ты их к чертовой бабушке...

Зимой, работая во ВСЕГЕИ над отчетом, Константин Николаевич вдруг начал проявлять некоторую озабоченность и, наконец, сказал:

- Что-то я не нахожу некоторых образцов, например...

- Так вы же велели их выбросить, что я и выполнил.

- Что ты говоришь, - поразился мой руководитель, - А где ты их выбросил?

- Да в городе, у хозяйки на огороде.

- Ну, Слава Богу. Значит, летом я их посмотрю.

Рыбный бизнес

Свой первый полевой сезон в НИИГА я работал в Енисейской экспедиции, на геологической съемке в бассейне реки Бахта. До этого три года провел в Туве, поэтому меня трудно было бы удивить видом хариуса или тайменя, но количество тайменей в Бахте и ее притоках превосходило самую дикую фантазию. Я не рыбак, но мои тогдашние коллеги Олег Шулятин и особенно покойный ныне Петр Сигунов, практически на пустой крючок и практически в любом месте вытаскивали красавцев по 10 и по 20 килограммов. Таймень изысканно вкусен, но при таком их изобилии предпочтительнее была простая гречневая каша с тушенкой.

Так вот, в один прекрасный момент ко мне подошел Петр Сигунов - впоследствии литератор-натуралист и знаменитый на весь Союз (через свои сочинения) рыболов - и с загадочным видом спросил на ухо:

- Хочешь заработать кучу денег?

Идея заключалась в следующем: мы вдвоем, втихаря, вылавливаем энное количество тайменей, коптим их (как коптить, Петр знает), самолетом за умеренную плату транспортируем товар в Красноярск и там оптом сдаем в торговую сеть (куда сдавать - тоже известно)...

Я уже тогда был реалистом, и комбинация сразу показалась мне более чем сомнительной, но кому не хочется заработать кучу денег?

Словно прослышав о нашем решении, таймени с наступлением холодов вдруг почти перестали ловиться. Мокрые, с красными от ледяной воды руками, мы каждое утро и вечер маялись по берегам со своими спиннингами, пока, наконец, нужное количество продукта не было заготовлено. После этого мы на большой лодке транспортировались в ближайший населенный пункт, где арендовали у хозяйки баню под коптильный цех. После этого у другого хозяина, также за деньги, мы арендовали лошадь с телегой, на которой навозили в баню сначала дров (обязательно ольховых!), а затем доставили туда нашу добычу. Кстати, все расходы были за мной, так как по молчаливому согласию вкладом моего компаньона считалась сама идея. Вбив в деревянный потолок несколько десятков гвоздей, П.Сигунов развешал на них, зацепив за жабры, наших тайменей, которые висели как сталактиты, иногда доставая хвостом до пола. Затем мы затопили баню по-черному и пошли спать.

Утром нас разбудили дикие крики хозяйки. Открыв дверь бани, мы увидели кошмарную картину: на гвоздях висели только головы и голые хребты с ребрами, а сварившееся в жару тайменье мясо стекло вниз и полуметровым слоем покрывало пол бани. Чтобы как-то замять конфликт, я вручил хозяйке сумму, примерно равную моему месячному окладу (без районного коэффициента) и мы срочно покинули этот населенный пункт, как Остап Бендер покидал шахматную столицу Васюки.

С этого момента я навсегда отошел от большого бизнеса.

Речка имени Резникова

Конец 60-х годов, Ленская экспедиция. Снимаем осевую зону Лено-Анабарского прогиба, сложенную угленосным мелом. Каркас карты составляет чередование угленосных и «пустых» свит. Мы с Игорем Школой последовательно составляем полевую карту, и к концу сезона она почти готова, кроме одной речки в углу, где, по нашим представлениям, выходит безугольная свита (не помню уже, как она называлась), которую можно бы и не посещать. Однако, выдалась пара свободных дней, и мы послали нашего более молодого коллегу Володю Резникова пройти эту речку маршрутом, подробно рассказав ему, какие именно безугольные горизонты он там увидит.

Резников вернулся из маршрута несколько смущенный.

- Не знаю,- неуверенно сказал он, - там угля полно,..

С напором, достойным лучшего применения, мы с Игорем стали доказывать ему, что угля там не может быть, потому что не может быть никогда. И Володя Резников сдался, сказав, что, вероятно, зашел не в ту речку: тундра, ориентиров нет...

Карта пошла в дело в нашей со Школой версии, а безымянная речка в экспедиции стала именоваться речкой имени Резникова.

А на следующее лето мы с Игорем Школой, проезжая на вездеходе через эти места, решили заскочить на памятную речку и взглянуть, что же там Резников напутал.

Боже, это был настоящий Кузбасс! Русло было черным от угольной крошки, а на крутых береговых склонах можно было хоть сейчас начинать добычу открытым способом...

Вот и судите, что более ценно: умная концепция или натурное наблюдение?

Два рассказа об одном и том же

Летом 1973-го или 74-го года я сидел на базе нашей экспедиции в Чокурдах, не имея возможности попасть на свои родные Новосибирские острова: почему-то в те дни нигде в округе не было свободной авиации, ни гражданской, ни военной. По этой же причине мой друг и коллега У. застрял на мысе Святой Нос.

Кто не знает, мыс Святой Нос в проливе Дмитрия Лаптева обладает очень интересным рельефом. Среди абсолютно плоской приморской тундры торчит, словно палец, сопка, а можно сказать - гора, высотой в несколько сот метров (если не ошибаюсь, гранитоидное тело раннемелового возраста). Склоны настолько крутые, что подняться наверх можно только по винтовой, как на Кавказе, дороге. На Святом Носу тогда стояла небольшая воинская часть, причем основные ее строения располагались на плоской вершине сопки, а полоса для авиации - непосредственно на морском пляже, в одном или двух километрах.

Так вот, я нервничаю на базе, набирая время от времени телефон авиаотряда, как вдруг открывается дверь балка и на пороге появляется У.

- Ты ли это? - я не верю своим глазам, - Как ты выбрался со Святого Носа?

- Очень просто,- с достоинством отвечает У., - Представь себе, я читаю лекцию в их офицерском клубе, как вдруг ко мне подходит командир части и на ухо докладывает, что мимо пролетает военный вертолет на Чокурдах. "Посадить немедленно!" - распоряджаюсь я. Посадили. Я закончил лекцию, спустился с сопки и вот я уже здесь...

Я выслушал рассказ и, наверняка, забыл бы о нем, если бы несколькими днями позже не встретился с командиром той самой воинской части.

- Ну и смеху тут было с вашим У.! - сказал майор, - От нечего делать предложил он сделать доклад в нашем клубе. Хорошо, давай. Читает доклад, как вдруг к нам на полосу плюхается военный вертолет не нашей подчиненности, чтобы по пути на Чокурдах забрать свою какую-то авиационную железяку. Вот, думаю, счастливый случай отправить У., который порядком нам уже поднадоел. Прошу ребят подождать полчаса, чтобы У. успел спуститься с горы. Ни в какую., каждая секунда на счету. Только когда я предложил им проверить на клипперботе сетку, поставленную недалеко от берега, они сказали: взлетаем ровно через 15 минут. Вижу, что командир не шутит, звоню наверх, У., бросает к черту свою лекцию. Как на зло, ни одной машины на ходу. Ты бы видел, как У. кувыркком катился с сопки вместе со своими двумя вьючными ящиками!...

Видите, как по-разному можно пересказать один и тот же сюжет.

Лошади в воздухе

Эту историю рассказывал мне мой ныне покойный друг Леонид Егоров. Где-то в 50-х или 60-х годах в Хатанге кому-то пришлось в голову забросить рабочих лошадей в полевую партию самолетом АН-2. Дело было весной, Хатанга переполнена геологами, еще не разъехавшимися по своим точкам, и посмотреть на погрузку первых двух животных собралась целая толпа. Напуганные шумом лошадки не хотели подниматься по доскам на борт; кто-то их толкал сзади, кто-то тянул, кто-то снимал сцену на фото- и даже на бывшие тогда в новинку киноаппараты.

Наконец, несчастных лошадей одну за другой затащили внутрь, надежно (как думалось добровольным помощникам) привязали, и АН-2 взлетел под крики и смех зрителей.

А дальше получилось не до смеха. В полете одна из лошадей развязалась и стала метаться по салону. Самолет потерял управление и почти уже начал падать. По счастью, великолепный летчик - представитель старой школы Полярной авиации чудом сумел посадить самолет на опять-таки чудом оказавшуюся внизу речную косу.

Заглушив двигатель, командир вылез наружу, несколько раз обошел вокруг машины и, наконец, произнес только одну фразу:

- Столько было м... –ов...

Наказ партии

В 1978 году, когда меня назначали заместителем генерального директора НПО «Севморгео» по науке, в качестве первой контрольной инстанции я должен был пройти Октябрьский райком КПСС. И.С.Грамберг позвонил в приемную первого секретаря и попросил назначить нас на прием. Ему ответили, что точное время пока сказать не могут, т.к. секретарь сейчас чрезвычайно занят, но нас записали и позвонят. Несколько дней никаких звонков не было, я расслабился и в один из дней пришел на работу без пиджака и без галстука, т.к. стояла жуткая жара. Естественно, как на грех, раздался звонок, и нам с Игорем Сергеевичем предложили немедленно приехать на прием.

Состоялась довольно долгая доброжелательная беседа, содержания которой я уже не помню. Говорили и первый секретарь, и И.С.Грамберг, а я, как новобранец, только кивал головой. Наконец, когда мы с Игорем Сергеевичем уже дошли до двери, хозяин кабинета окликнул: «Владимир Леонидович, хочу вам дать еще один совет. Понимаете, не полагается приходить в райком партии в одной рубашке, тем более, без рукавов, Я понимаю, что сегодня жарко. Поэтому следует всегда держать на работе, в шкафу, пиджак и галстук. И вы застрахованы от любых случайностей...»

В тот момент у меня на работе не было своего шкафа, но, когда шкаф появился, в нем был повешен пиджачок и галстук нейтральной расцветки. Правда, надевал я этот пиджак только в случае неожиданного похолодания.

По-ли – миктовый

Однажды, когда я жил еще в первом кооперативе геологов на Космонавтов, 15, ко мне подошел сосед по лестнице, молодой парень, и сказал, что он по специальности радист, но в геологии никогда не работал и хотел бы съездить в экспедицию от

знаменитого НИИГА. Не зная толком его, я не стал давать ему никаких рекомендаций, а просто посоветовал обратиться в отдел кадров.

При следующей встрече он сообщил, что все в порядке, его приняли, только выразил некоторое удивление:

- О чем только меня не спрашивали и отдел кадров, и начальник отряда, и начальник партии: что я ем, что я пью, ловлю ли рыбу и т.д. и т.п., но никто не поинтересовался, как я работаю на рации?

При встрече осенью я спросил, как ему работалось и как ему понравились наши ребята.

- Работалось хорошо, - ответил он, - и рыбалка великолепная. Охота – во!, и ребята отличные. Только сильно выпендриваются... (он употребил другой, более сильный синоним).

- В каком смысле? - удивился я.

- Подойдет к обнажению, камень обыкновенный возьмет, посмотрит долго и говорит: по-ли-миктовый... - с важностью протянул мой собеседник, пародируя кого-то из своих товарищей.

Несколько лет спустя я с огорчением узнал, что этот парень погиб. Работая где-то на побережье, уже не от нашего института, они нашли выброшенную морем емкость с какой-то пахнущей алкоголем жидкостью. Никто не стал пробовать, а мой знакомый рискнул...

Главное – подняться на поверхность

Царствие небесное, Раиса Михайловна Деменицкая.

Блестящий ученый и яркая, самобытная личность. Только один маленький штрих. Если не ошибаюсь, с Дальнего Востока приехала группа изобретателей с предложением вместе строить обитаемый глубоководный аппарат их оригинальной конструкции. На совещании в моем кабинете Р.М.Деменицкая неоднократно сбивала энтузиазм докладчика, задавая ему те или иные конкретные технические вопросы.

- Раиса Михайловна, - наконец, не выдержал раздосадованный докладчик, - это все мелочи. Главное - спуститься на дно...

- Нет, - серьезно сказала Р.М.Деменицкая. - Главное - подняться на поверхность!

Кучум

Рассказ-быль

Мы с подругой, недавно окончившие Университет молодые специалисты, я - геолог, а она - географ, отправлялись в составе геологической партии из Игарки, где находилась наша база, на полевые работы в район реки Ерачимо, правого притока Нижней Тунгуски. Плыли мы на барже, которую тянул маленький юркий катерок. Наши капитаны по дороге останавливались, причаливая к берегу у каждого поселка, чтобы «заправиться горючим», и с каждым часом становились все веселее, так что наша баржа вслед за катером выделывала самые немислимые виражи на воде.

На одной из вынужденных стоянок мы не выдержали и решили выйти на берег, чтобы сделать попытку обуздать легкомысленных водителей нашего транспорта. Своей цели мы не достигли, но по дороге назад обнаружили, что за нами следует маленький тощий серый щенок с обрывком веревки на шее, похожий на недоношенное дитя немецкой овчарки. Моя сердобольная подруга остановилась и погладила этого заморыша, однако, поскольку ничего съедобного у нас с собой не оказалось, мы были уверены, что дальше он за нами не пойдет. Но не тут-то было. Щенок продолжал сопровождать нас и тогда, когда мы переходили по узкой доске на свою баржу.

Конечно, первое что пришло в голову - покормить малыша мясными консервами, что мы тут же и постарались осуществить. Однако явно голодный, истощенный пес не подходил к еде, пока кому-то из нас не пришла в голову счастливая мысль оставить его наедине с миской. Крадучись и озираясь по сторонам, щенок подобрался к ней, схватил кусок мяса и кинулся с ним в дальний угол. В это время появились хозяева катера; вскоре баржа дернулась и мы двинулись в путь. Новый приятель остался у нас.

Все наши геологи очень радовались. Собака в геологической партии - и верный товарищ в маршруте, и ласковый друг на стоянке, а с малышом можно и поиграть в час отдыха и поучить его. Все наперебой старались приручить маленького найденыша, отдавая ему лучшие куски мяса и пытаясь приласкать. Однако никто из мужчин не добился успеха. Пес явно сам выбрал себе хозяев и, кроме нас с подругой, никого не признавал. Это было удивительно, потому что ни одна из нас ничуть не старалась расположить его к себе.

Ел он, по-прежнему, только тогда, когда вокруг никого не было, как бы воруя куски из собственной миски. Это казалось очень странным. А вот спать устраивался всегда в нашей палатке или возле нее, и только с нами отправлялся в маршрут.

Вскоре кто-то из мужчин убил зайца и с гордостью доставил его повару, а утром последний обнаружил, что заяц исчез. Все мужские взоры с негодованием обратились на нашего любимца, и не без основания. Отправившись по нужде, кто-то обнаружил в кустах обглоданные заячьи кости.

Мужчины решили, что пса необходимо воспитывать, и для начала попробовали притащить его к месту преступления и побить. Щенок, который к этому времени подрос и окреп, извернулся, прыгнул, клыками вонзился в руку обидчика и, тут же отскочив и поджав хвост, убежал и спрятался.

Нас обвинили в том, что мы избаловали собаку, а ее саму стали презирать, считая воров и трусом.

Кучум, как мы называли щенка, раньше не обращавший никакого внимания ни на одного сотрудника партии, кроме избранных им хозяек, теперь просто стал избегать всех, прячась в кустах, пока народ не расходился по своим палаткам.

Ночью он по-прежнему спал у нас в ногах, а утром уходил с нами в маршрут. Но если нас сопровождал рабочий, старался держаться от него подальше. Однажды, устав, мы присели под деревом, а наш рабочий в шутку стал пытаться за шиворот поднять мою подругу, и тут я заметила, что Кучум оскалил пасть, и шерсть поднялась у него дыбом.

- Володя, оставь Женю! - только и успела крикнуть я, как пес молниеносно метнулся к нему и вцепился в ногу.

К счастью, высокий резиновый сапог и толстые шерстяные портянки спасли его от острых клыков, но большая рваная дыра на сапоге весьма красноречиво свидетельствовала о силе нападения. С большим трудом нам удалось уговорить Володю не предпринимать ничего против Кучума и кое-как успокоить пса.

Кучум, по-прежнему, воровал мясо на кухне, если последнее не прятали так, чтобы он не мог его достать; по-прежнему подкрадывался к собственной миске с едой, и только тогда, когда вокруг никого не было. Мы не знали, что обо всем этом думать. У нас появилось подозрение, что наш питомец принадлежит к какой-то особой породе собак.

Вскоре мы стали находить другие подтверждения этому предположению.

Однажды, Женя отправилась в маршрут без меня. Их с рабочим на лодке перевезли на другой берег Нижней Тунгуски, а я осталась в лагере обрабатывать собранные материалы. Кучум бегал по берегу, не находя себе места. И вдруг он уселся у воды и завыл, жалобно и протяжно.

Никакими средствами невозможно было отвлечь его от этого занятия. Его вой надрывал душу, мешал работать. Хорошо, что в лагере никого не было, кроме меня и повара. И только когда солнце стало садиться, и мы услышали крик Жени с другого берега реки, Кучум перестал выть. Наш повар отправился на лодке за вернувшейся из маршрута Женей, а Кучум успокоился и стал тихо ждать ее приезда.

...Полевой сезон подходил к концу. Мы возвращались в маленький поселок на берегу Нижней Тунгуски, куда должна была прийти за нами самоходная баржа.

Мы с Женей мучились вопросом, что нам делать дальше с Кучумом. Везти его с собой в Ленинград казалось нам чистым безумием. Но мы решили, что другого выхода нет. В поселке местные собаки встретили Кучума настолько враждебно, что мы начали бояться, как бы свора псов, объединившихся в своей ненависти, не растерзала его. Однако опасения оказались напрасными. За лето щенок превратился в рослого, сильного зверя, который ничуть не боялся яростно лающих на него собак, гордо принимая вызов, и те, поджав хвост, прятались, боясь вступить с ним в бой. Тут-то стало очевидно, что напрасно мужчины нашей партии обвиняли Кучума в трусости.

Нам довольно долго пришлось ждать баржу, и мы стали часто наведываться в поселковый клуб, где киномеханик крутил старые фильмы. Кучум обычно сопровождал нас и тихо сидел или лежал в ногах во время сеанса.

Киномеханик - молодой, здоровый и спокойный парень - внимательно приглядывался к нашей собаке, а однажды обратился к нам с вопросом-предложением:

«Девочки, отдайте мне пса, что вы будете делать с ним в городе? Да и ему там будет плохо, он погибнет с тоски в городской квартире, а я сделаю из него охотника».

Мы с Женей переглянулись.

- А что, может быть, рискнем? — сказала я, обращаясь к подруге. — На следующий год мы должны вернуться в этот поселок, чтобы продолжить геологическую съемку. Только вот вам, Николай, вряд ли удастся его приручить. Он или сбежит от вас, или будет так выть, что вам захочется его пристрелить.

— Ничего, я выдержу и справлюсь. Опыт у меня уже есть, а он ведь еще маленький, всего-то месяцев четыре-пять от силы.

Николай не производил впечатления хвастуна и трепача, и мы решились в надежде, что будущим летом заберем Кучума с собой в тайгу. Так и договорились. Самое трудное, однако, было еще впереди. Нужно было заманить нашего друга в дом киномеханика, обмануть его и потихоньку сбежать. Это было невыносимо. Нам казалось, что мы собираемся совершить подлое, жуткое предательство, хоть, возможно, и во благо ничего не подозревавшего пса. Николай все подготовил, и отступить было поздно.

Я не буду описывать душераздирающую сцену, когда за Кучумом, вбежавшим передо мной в дом, дверь внезапно захлопнулась, и щелкнул замок. Мы бежали, как последние трусы, чтобы не слышать отчаянного лая и воя нашей несчастной собаки. К счастью, в тот же день за нами пришла баржа; надо было грузить снаряжение и образцы, и мы не имели возможности вернуться к дому, где оставили своего пса. Несколько дней мы ревели почти навзрыд, но время, как известно, лечит душевные раны. Повседневные заботы, отъезд из Игарки в Красноярск, а затем перелет домой в Ленинград, где нас ожидали маленькие дочки, притупили боль и заглушили совесть. Жизнь шла своим чередом.

И, наконец, снова пришла весна. Мы с мужем стали готовиться к отъезду «в поле», как говорят геологи. Засобиралась и Женя.

И вот мы с ней опять в знакомом поселке на берегу Нижней Тунгуски. Бежим в дом киномеханика. Выходит улыбающийся Николай и говорит, что все в порядке.

- Вы не узнаете Кучума, такой стал рослый, крепкий и ловкий. Сейчас бегают где-то по поселку. Собаки уже к нему привыкли, но все же еще побаиваются. Идите по дороге, может, встретите его, а нет, так приходите попозже. Он к вечеру всегда приходит домой.

Мы от радости даже расцеловали Николая, не обращая внимания на хмурое лицо его жены.

- Когда вы оставили его у нас, он целый месяц выл, я думала, что с ума сойду, - сказала она, - если бы не Николай, убила бы, наверное, его. -

Киномеханик усмехнулся.

- Это она так, не слушайте её. Сама не меньше моего старалась, чтобы Кучум успокоился, привык и полюбил нас. Детей ведь у нее нет. -

Как оказалось, Катерина больше всего боялась, что мы заберем у них собаку.

- Ну ладно, - сказала Женя, - пойдём, поищем его. Узнает ли он нас, простит ли?

Мы пошли по улице в сторону леса и неожиданно увидели его. Кучум бежал вперед, но вдруг остановился и стал принохиваться, потом повернулся и сел, пристально вглядываясь в две движущиеся фигуры. Мы остановились. С минуту он смотрел на нас. Внезапно сорвавшись с места, Кучум в несколько прыжков долетел до нас и чуть не сбил с ног. Он лизал наши лица, руки, сапоги, радостно взвизгивал и кружился на месте. «Узнал, простил!» - восклицали мы наперебой, обливаясь радостными слезами.

Мы вместе возвращались в дом Николая и Кати. Счастью Кучума не было границ... но он еще не знал, что впереди его ждет новое испытание.

Через пару дней мы должны были уходить на реку Некондокон, чтобы завершить начатые в прошлом году работы. Кучуму предстоял нелегкий выбор: уйти ли с нами - или остаться в поселке со своими новыми хозяевами и друзьями. Николай понимал, что пес все равно вернется к ним, даже если и уйдет сейчас, но Катя ни за что не хотела его отпускать. Кучум все же ушел с нами.

Сезон прошел удачно, мы открыли несколько проявлений меди и никеля, которые обещали быть перспективными. Лично мне посчастливилось обнаружить два источника, в которых содержание никеля оказалось невероятно высоким.

Кучум действительно стал охотником. Он специализировался по белкам. За зиму они с Николаем настреляли столько белок, что их хватило не только Кате на шубу, но и на продажу. Когда полевые работы были окончены, расставание с нами для Кучума уже не было трагедией. Он так радовался встрече с киномехаником и его женой, что они даже взяли его с собой на берег, когда прощались с нами, правда, на всякий случай Катя держала его на поводке.

Судьбе было угодно, чтобы мы на обратном пути снова остановились у того причала, где нашли Кучума. Мы громко и наперебой вспоминали, как он маленький, тощий, невзрачный привязался к нам и следовал по пятам. Смотритель причала, пожилой бородатый мужчина, вдруг прервал наши восклицанья и стал подробно расспрашивать о щенке и его дальнейшей судьбе. Мы рассказали ему все, и тогда Степаныч, так звали нашего нового знакомого, рассказал нам историю рождения этого щенка.

- У нас здесь есть один охотник - Кузьмич. Ему удалось поймать в капкан большого волка, которого он потом держал в сарае и кормил, пока у волка не зажила раненная лапа. Кузьмичу хотелось попробовать скрестить его со своей немецкой овчаркой. Когда у той была течка, хозяин на свой страх и риск запер ее в сарае с волком. Они, видно, понравились друг другу, потому что овчарка в урочное время родила трех маленьких щенят полукровок. Одного он оставил себе, а двух других отдал друзьям-охотникам. От одного из них щенок сбежал: перегрыз веревку и вылез через щель в сарае. Ох, и горевал же хозяин, бегал по поселку, искал щенка, думал, далеко ему не уйти. А он вот с вами уплыл...

Так мы узнали, что наши подозрения были не напрасны, и наш верный Кучум был действительно псом необычной породы.

Как я спасала от голодной смерти знаменитого в будущем поэта

(рассказ-быль)

По правде говоря, спасала я своего мужа М.К. Иванова, но он погибал от голода и холода не один. С ним вместе доедали последний пакет (один на всех) прессованной гречки без соли (может быть, овсянки) ещё несколько человек и среди них два геофизика, один из которых уже тогда готовился стать знаменитостью. Читатель, наверно, догадывается, что речь идет об Александре Городницком. Все геологи наши уже тогда распевали его песню

"Все перекаты, да перекаты,

Послать бы их по адресу..."

Была уже глубокая осень. В силу сложившихся, очень грустных обстоятельств (в начале сезона погиб молодой талантливый геолог С.Е. Погребницкий) геологоразведочной партии пришлось заканчивать работу в условиях свирепой непогоды. Небо было затянуто черными тучами, бушевали холодные ветры, и временами шел противный колючий снег. Последняя группа сотрудников партии сидела на речной косе в маленькой обледенелой палатке, ожидая очередного вертолета, а его все не было и не было. Уже давно кончилось курево, были съедены все продукты, каждая спичка была на счету, а в малопульке остался один-единственный патрон.

В Туруханск поступали отчаянные радиограммы, на которые следовал неизменный ответ: "Нет погоды. Ждите".

Я, работавшая в другой партии, давно уже завершившей свой полевой сезон, сидела в Туруханске и ждала мужа, который, как капитан терпящего бедствие корабля, должен был покинуть его последним. Я каждый день торчала на вертолетной площадке и приставала к пробегавшим мимо пилотам с одним и тем же вопросом. Наконец, мои нервы не выдержали, и я отправилась к начальнику авиаотряда, знаменитому на Севере ассу, о котором ходили легенды, но не оправдывавшему сейчас моих надежд. Разъяренная как раненая тигрица, я буквально ворвалась в его кабинет, стукнула кулаком по столу и наорала на него, обвиняя его в безделье и трусости. Козлов, а это был он, вытаращил на меня глаза и от гнева и обиды не мог вымолвить ни слова. Я кричала ему, что погибают люди, а он сидит здесь сложа руки в тепле и сытости и даже не делает попытки их спасти.

Наконец, он обрел дар речи, и тоже стукнув кулаком по столу, заорал, чтобы я немедленно убиралась из его кабинета. Он лично полетит сейчас, но и я полечу с ним, чтобы на собственном опыте убедиться в полной бесперспективности такого полета. Я, обрадованная, выскочила на улицу. Тяжелые тучи висели над городом, и ветер чуть не сбил меня с ног. Но я, как на крыльях, неслась к вертолетам. Не прошло и часа, как я уже сидела в одном из них, а Козлов и второй пилот заводили двигатель.

Я не знаю, сколько времени мы болтались в воздухе в кромешной темноте. Меня швыряло из стороны в сторону и выворачивало наизнанку все мое нутро. Наконец, вертолет где-то приземлился. Оказалось, что там же, откуда мы вылетели. Прорбиться к терпящему бедствие отряду нам не удалось. Полуживая, я буквально вывалилась из машины и с трудом поползла до ближайшего дома. Козлов неплохо проучил меня, получив некоторое моральное удовлетворенье.

Через несколько дней небо прояснилось. Мы снова полетели в отряд и на этот раз успешно приземлились на косу р. Колю, по которой к нам бежали и радостно махали руками похудевшие грязные, обросшие щетиной, но вполне здоровые и улыбающиеся люди.

Я, естественно, сразу бросилась на шею к мужу и только через некоторое время обратила внимание на остальных. Городничкий скромно стоял поблизости и молчал, чтобы не мешать нашей встрече.

Много лет спустя, он упомянул этот эпизод в своей книге "След в Океане", на мой взгляд, превратно истолковав причины, побудившие его и М.К. Иванова задержаться в поле сверх всякой меры, в то время как образцы и рабочие были уже отправлены раньше. Но в том-то и дело, что выбора у них не было. Если бы все люди были вывезены первыми, то плоды труда коллектива (образцы) могли бы остаться зимовать, а допустить такое ни один ответственный человек не мог.

Что касается Козлова, то я запомнила его на всю жизнь как человека не только мужественного и великолепно знавшего свое дело, но благородного и отзывчивого. Не раз он рисковал жизнью, прекрасно понимая, что идет на страшный риск ради спасения других.

“Чтоб там речей не тратить по-пустому, где нужно власть употребить”

(И.А. Крылов)

Мне вспоминается далекий 1963 год - по счету восьмой после окончания мной Ленинградского государственного университета. Я уже отработала три с половиной года в Туве, куда укатила вслед за мужем, который попал туда по распределению. Меня определили прорабом в его отряд. После отъезда из Кызыла (ТАО) мы оба оказались в НИИГА; его взяли на должность начальника партии, а меня опять же прорабом, да и то очень неохотно. Было обидно. У меня - диплом с отличием, а я вот уже четвертый год - только прораб, правда, теперь в другой партии. Работаем мы не вместе. Через год меня произвели, наконец, в геологи, а еще через пару лет мне предложили стать начальником съемочной партии. Я, конечно, была на седьмом небе от радости. Оказалось, что я изрядно честолюбива. Ура! Все ж меня оценили! Лучше уж поздно, чем никогда. В подчинении у меня 7 человек. Из них одна только женщина - жена каюра, которая никак не могла взять в толк, как и почему все мужчины, включая ее мужа, должны подчиняться бабе. Это было выше ее разуменья. Я вызывала у нее какое-то идолопоклонническое чувство. Она даже однажды, когда я сидела на ящике с образцами, пыталась поцеловать мои ноги в резиновых сапогах. Но ее муж - старый заслуженный каюр - депутат районного совета вовсе не разделял восторгов своей жены. Он полагал, что если женщина - начальник, она должна быть им в полной мере. И, видимо, решил меня испытать, узнать, гожусь ли я в настоящие начальники.

Мы как раз отработали участок с одного лагеря и должны были перебросить продукты и все снаряжение на другое место. Транспорт нам служили олени.

На следующий день встали ни свет, ни заря, все упаковали, ждем каюра - Васю со своим стадом, которое паслось неподалеку. Через час Вася приходит и объявляет: «Нет оленя, ушла оленья». Я ему говорю - «Плохо искал, иди и ищи. Чтоб через час олени были. Мы ждать не можем. У нас план, который надо выполнять». Каюр ушел, а вернулся только вечером и без стада. Разводит руками - «Нет оленя, ушла оленья». Я нервничаю, но стараюсь сохранять внешнее спокойствие. Ребятам говорю, «ну что же

делать? Надо все распаковать, ставить палатки и идти спать. А завтра с утра отправляться всем, кроме геологов на поиски оленей. Геологи пусть приводят в порядок дневники и карты».

На другой день все повторяется сначала. Вася - каюр с рабочими приходит поздно и докладывает, что оленей нет. Я не знаю, что делать, меня трясет, но я сдерживаю эмоции, стараюсь спокойным тоном отдать тот же приказ. А утром спозаранку опять собираем свой скарб и готовим вьюки. Вася ушел за оленями очень рано. Возвращается через час. И опять разводит руками. Я в отчаянии. Но тут подходит один из геологов и отзывает меня в сторону. «Слушай - говорит - чего ты с ним цацкаешься. Покрой, да покрепче, его матом». Я, вся взвинченная, мгновенно реагирую на предложение. Возвращаюсь к каюру и накидываюсь на него с нецензурной бранью. На лице каюра выражение удовлетворения. За кустами слышны всхлипывания. Там геологи катаются по траве. Их с трудом сдерживаемый хохот переходит почти в рыдания.

Несмотря на отсутствие у меня практического опыта, мое начальственное выступление возымело нужное действие. Вася удалился и через полчаса привел все стадо. Все эти дни он его где-то прятал.

Кен М.А.

Крик души

Группа геологов поселилась в гостинице в Саскылахе перед полевыми работами. Ожидают деньги из НИИГА. Деньги не шлют. Начальник партии посылает в дирекцию НИИГА телеграмму: «Вашу мать выселяют из гостиницы шлите деньги».

Ким Б.И.

На театральную премьеру – в рабочий полдень

История, о которой я хочу рассказать, связана с первыми днями, когда директором нашего института в 1972 г. стал Игорь Сергеевич Грамберг, а Валентин Николаевич Соколов (бывший его заместитель по отделу нефти и газа) возглавил отдел.

Рабочий день начинался с того, что Игорь Сергеевич по привычке приходил в каб. 76 на втором этаже лабораторного корпуса (где располагалась часть нефтяного отдела), раздевался и шел в кабинет директора на первом этаже основного здания института, который обживал и в котором начинал работать.

Также по привычке первый директор нашего института Борис Васильевич Ткаченко (которого все мы искренне любили) приходил утром в свой бывший кабинет, раздевался и шел работать на второй этаж лабораторного корпуса в каб. 69, где располагался его давний коллега – Геннадий Иванович Кавардин. Иногда они встречались в переходном корпусе, обменивались приветствиями и новостями и шли

каждый к новому “месту своей прописки”. Привычка (которую называют второй натурой) срабатывала безотказно в первые недели у обоих и вызывала улыбки коллег.

В один из таких дней, где-то около одиннадцати в нашем кабинете 67 раздался телефонный звонок. Звонил Георгий Штиль – актер БДТ, известный многим по фильмам и театральным спектаклям.

С Жорой мы жили много лет в одном кооперативном доме на Ланском шоссе, были хорошо знакомы, обменивались впечатлениями, спорили и при встречах обсуждали все: спектакли, спорт, политику, книги и многое другое. Жора сообщал, что в 12 часов будет просмотр нового спектакля в театре с апостолами из обкома, и я могу успеть, если “пошевельюсь”.

Не стоит объяснять, что, положив трубку, я уже снимал пальто, запихивал руку в рукав, а другой открывал дверь в коридор. В то же время из дверей кабинета 66 (по соседству) вышел Валентин Николаевич, с которым мы, естественно, столкнулись. Увидев, что я пытаюсь и другую руку всунуть в рукав пальто, Валентин Николаевич поинтересовался, куда я так спешу. И поскольку я был уже “в полете” и торопился, сходу “выпалил”, что опаздываю на просмотр спектакля в БДТ. Искренняя непосредственность, с которой я сообщил причину моей спешки, привела Валентина Николаевича в недоумение. Глаза добрейшего Валентина Николаевича стали увеличиваться в размерах и холодеть, а я увидел, что к нам навстречу идет Игорь Сергеевич, вышедший из своего кабинета.

Я, наконец, овладел вторым рукавом пальто и поздоровался с Игорем Сергеевичем, поравнявшимся с нами. “Что ты скажешь, Игорь?” – услышался голос Валентина Николаевича...-??? - “Я спрашиваю у Бориса Иннокентьевича, куда он так спешит, а он говорит, что опаздывает на просмотр спектакля в БДТ”.

Игорь Сергеевич слегка отстранился, потом поправил указательным пальцем правой руки очки на переносице и с легкой улыбкой сказал: “Я бы, Валя, на твоём месте, спросил у Бориса Иннокентьевича, нет ли у него лишнего билетика”

Услышав ответ директора, я “рванул” к выходу и не ведаю по сей день, что обсуждали еще два руководителя... Вот, собственно, и все. Вряд ли этот случай можно отнести к институтским байкам. Скорее, это штрихи к портрету Игоря Сергеевича, которому никогда не изменяло чувство юмора, даже в полдень рабочего дня. К чести Валентина Николаевича отмечу, что он никогда не напоминал мне об этом эпизоде нарушения трудовой дисциплины. Тактичность, достойная подражания.

Кораго Е.А.

Две сеймчанских истории

Две изложенные ниже историйки произошли в Сеймчане - замечательном (по крайней мере, в те далекие и «застойные» времена, о которых пойдет речь) маленьком заснеженном в течении семи (а то и более) месяцев поселке, уютно примостившемся в долине среди сопок в 7 км от р.Колымы. Здесь располагалась одноименная геологоразведочная экспедиция Северо-Восточного Геологического управления (СВГУ) бывшего знаменитого Дальстроя, где работали бесшабашные и подчас «безбашенные» молодые парни, для которых возраст сорок лет казался глубокой

старостью. От четырех до шести (если с «весновкой») месяцев проводили они в поле, то есть в тайге и лесотундре в центральных районах Колымы или Западной Чукотки, а остальное время - писали отчеты, отмечая по ходу дни рождения и прочие праздники (например, в декабре 1971 года 60-летие покорения Южного полюса и т.д.), главными из которых были День геолога и, конечно, вечер полевиков по окончании сезона и сдачи полевых отчетов. А поскольку большую часть года Сеймчан окружали глубокие снега, то, естественно, все катались на лыжах, чему, впрочем, не очень-то «споспешествовали» (как говорил крепыш Витя Половников) сильные морозы в период с середины ноября по февраль месяцы. Настоящий, то есть общепоселковый лыжный сезон начинался в марте, заканчиваясь в мае, но наиболее подвижные и «дерзкие» парни и даже девушки катались и в самые лютые (за 50°, при этом по Цельсию, а не по Фаренгейту!) морозы. Излюбленным местом катания была сопка Пионерская, примерно в 4 км от поселка с относительным превышением над долиной в 350 м. С нее открывался вид на весь поселок и Сеймчано-Буюндинскую впадину, к западу от которой возвышались величественные вершины хребта Черского, а также долину реки Колымы и ее противоположный правый берег.

Здесь, однако, поставим точку в предисловии, иначе неугомонные воспоминания уведут далеко от темы, и приступим к изложению обещанных историй.

История первая. Новогодний тотализатор

(или: Что нужно дарить любимым женам на Новый год)

Коллектив был сравнительно небольшой, но молодой и дружный, зима - длинная и темная с сильными морозами. Как-то надо было разнообразить жизнь - тестостерон тоже давал себя знать. Каждый развлекался как мог. Например, старший техник Олег Леонидов, имевший весьма аналитический склад ума и отличное чувство юмора, но по долгу службы вынужденный описывать минеральный состав шлихов, как-то, отвлекшись от бинокля и глядя на очередного таракана, выскочившего из-под стола с целью полакомиться крошками, оставшимися после чаепития, решил, что эти коричневенькие и шустрые создания являются вполне достойным объектом для изучения их миграции в пределах деревянного (из лиственницы) здания экспедиции. С этой целью он отлавливал тараканов, особым образом фосфоресцирующей краской, добытой у знакомых пилотов полярной авиации, помечал их, а потом отпускал, вылавливая в дальнейшем в разных кабинетах двухэтажного здания через определенные промежутки времени. С упоением Олег строил различные графики передвижения тараканов, каждый из которых, как и у Алексея Толстого в романе «Похождения графа Невзорова, или Ибикус», имел свое собственное весьма занятное имя.

Но ближе к теме. Приближался Новый год. И тут Витю Сдерягина осенило. Возможно, к этому его подтолкнули леонидовские графики миграции тараканов, а также наш общий довольно непонятный интерес к температуре наружного воздуха и особо стойкий даже для Сеймчана антициклон, надолго укутавший родимый поселок в белесый туман с «шепотом звезд» при каждом выдохе. За две недели до Нового года в понедельник в Красном уголке экспедиции, где еженедельно проводились политинформации для всего наличного состава, вне зависимости от партийной и расовой принадлежности, а также вероисповедания, Витя, обычно мирно дремавший под монотонный говор очередного докладчика, вдруг попросил молодых геологов остаться, чтобы прослушать его сообщение. А состоялось оно вот в чем. Всем предлагалось поучаствовать в метеототализаторе: нужно было угадать температуру воздуха, которая будет в 8-00 утра по-местному времени 31 декабря (в те годы 31

декабря было рабочим днем, если, конечно, не выпадало на воскресенье или субботу). Данные по температуре сообщит нам по телефону знакомая девушка из метеослужбы аэропорта. Заявки принимаются с этого дня, при этом первые десять суток проигрыш в четыре градуса по стоимости равен цене бутылки местного «Магаданского пива», т.е. 40 копейкам; затем он удваивается, а последние два дня возрастает сначала еще в два, а затем в четыре раза.

Народ почти сразу с энтузиазмом воспринял Витино предложение, кое-кто сразу же сделал заявки, но большинство не торопилось. Напомним, что эти районы Магаданской области характеризуются, как учили нас еще в 4^м классе школы, резко континентальным климатом, а это значит, что оттепели бывают зимой достаточно редко. Вместе с тем, погода подчас может круто измениться буквально в течение нескольких часов. Интрига, если можно так выразиться, состояла еще и в том, что в те «безинтернетные» времена все сведения о прогнозе погоды на более-менее долгосрочный период можно было почерпнуть исключительно из сообщений радио и газет; телевидение в Сеймчане только-только появлялось. К тому же на наши районы, удаленные от областного центра, прогноз часто не соответствовал реальному.

В общем, случилось так, что антициклон продержался вплоть до вечера 30 декабря, а в ночь на 31^е произошло резкое вторжение мощного циклона и температура воздуха поднялась на 22° (все того же доктора Цельсия), с чем, как говорится, Вас и поздравляем! Проигрыши были значительные (естественно, в масштабе цен и запросов того времени). Настоящую температуру не угадал никто. Я, лично, проиграл около семи рублей.

Таким образом, «общак» оказался не мал. Дальше каждый должен был идти в магазин и покупать на проигранную сумму кто выпивку, кто закуску для предновогоднего стола. Помимо экспедиционного молодняка, в тотализаторе приняли участие и более солидные (35-40 летние) люди, а также некоторые примкнувшие к нам пилоты и местные деятели физкультуры и спорта. Был и один представитель прессы по фамилии Шифнер, которого мы звали Шифоньером.

Следует сказать, что ассортимент (особенно винно-водочный) наших двух продовольственных магазинов, в значительной степени, зависел от Северного морского завоза и дальнейшей транспортировки сухопутным (по знаменитой Колымской трассе) либо (в гораздо меньшем объеме) воздушным путями. В том году алкогольная продукция была довольно разнообразна - помимо производимых местным пивобезалкогольным комбинатом (ПБК) темного «Магаданского пива» и «Черносмородиновой» (так называлось плодово-ягодное вино из крупной, до размера мелкого винограда ягоды охты с очень специфичным вкусом, вероятно, какой-то разновидности черной смородины, обильно произраставшей в пойме р. Колымы и ее притоков, т.е. вина удивительного фиолетово-индигового цвета, достойного полотен Чюрлениса, носившего у местных бичей название «марганцовка» либо «плодововыгодное»), на прилавках красовались «Московская водка» с криво наклеенными зелеными этикетками, вино «Агдам», произведенное на солнечном Кавказе, «Советское Шампанское», кубинский ром с полногрудой и толстогубой негритянкой на этикетке и болгарский напиток коньячного типа «Плиска» в пузатых бутылках. Последний стоил бр 70 коп. Мой цепкий взгляд остановился на нем. Выбивая чек, кассирша поинтересовалась, не возьму ли я вместо мелочи в качестве сдачи билет Новогодней лотереи, которая будет разыграна в первых числах грядущего года. Обычно я не брал лотерейных билетов, но тут, торопясь, согласился и сунул смятый билет в карман пилотской шубы из «чертовой кожи».

Потом было застолье, поздравления, дуракаваляние, братание с высшим начальством, которое было ненамного нас старше, песни и т.д. «Вино лилось рекой, сосед поил соседа»; набрались до зеленых(не будем уточнять чего) практически все. Такого ни до этого, ни после этого в экспедиции не бывало. В канун Нового года народ обычно алкоголем не злоупотреблял, тем более на работе. К концу застолья абсолютное большинство уже нетвердо ориентировалось в пространстве и времени. Когда было уже совсем темно, я, мой сокурсник по Горному институту Витя Половников и свердловчанин Лева Лушников отправились по моему приглашению к нам в гости, благо жили мы с женой и сыном, которому как раз сравнялось полтора месяца, в бараке совсем рядом с экспедицией. Впрочем, все сотрудники экспедиции жили недалеко друг от друга.

Я не очень хорошо помню наше появление на пороге комнаты в бараке, однако, это не помешало мне с самого порога оповестить супругу, вытаскивая лотерейный билет из кармана шубы: «Томочка, вот тебе подарок к Новому Году!». Жена говорила потом, что в первое мгновение у нее было большое желание разорвать этот билет на мелкие кусочки и бросить в мою нетрезвую, мягко говоря, морду. Но что-то остановило ее, может быть, природная практичность. Во всяком случае, через некоторое время был накрыт маленький стол, и мы попытались продолжить наше веселье. Но дневной кураж уже пропал. Вместе с тем, Витя через некоторое время предложил мне выйти и выяснить отношения (уж не помню по какому поводу). Повозившись и попадав в снег (и в результате несколько протрезвев), мы вернулись в помещение. Лева за это время успел ретироваться nach Hause. Жена поинтересовалась, не ждут ли дочки и жена Витю к Новому Году. Всегда порывистый, Витя резко вскочил, схватил свою верхнюю одежду и был таков. До Нового Года оставалось чуть больше четырех часов.

Оставшись в семейном кругу, я сделал попытку поучаствовать в подготовке новогоднего стола, но в один из моментов, когда супруга зачем-то вышла из комнаты, к нам заглянул сосед - водитель-дальнобойщик Езерский. Это был здоровенный, весь из мускулов, угрюмый детина с весьма уголовной внешностью. Он изредка заходил к нам «стрельнуть» рубля три. Обычно мы только кивали друг другу. Но сегодня он, вероятно, интуитивно почувствовал подходящий момент и поманил меня за собой. Я, как сомнамбула, отправился за ним. Мы очутились за столом на маленькой кухне; в соседней комнатке жена Езерского чистила перышки и наводила марафет для похода в кафе при кинотеатре «Колыма», где она работала заведующей.

Я встрепенулся около 11 часов вечера, когда появилась моя жена с вопросом, не соскучился ли я по дому. После некоторого провала в памяти я осознал себя, открывающим бутылку шампанского. Пробка резко выстрелила в потолок, струя шампанского пересекла комнату по диагонали, а бутылка выпала из моих руки и покатила по полу. Содержимого в ней осталось не больше трети. Все же за Новый Год мы выпили. Вскоре я заснул.

Вот такой получилась встреча 1975 года. Утром моя драгоценная со мной разговаривать избегала. А вот через две недели оказалось (и это главная фишка), что лотерейный билет, который я «подарил», выиграл цветной телевизор. Вот какие подарки нужно делать любимым женам перед Новым Годом!

История вторая. Дамир и Булур

В субботу я встал пораньше, плотно позавтракал калорийной и горячей пищей, включающей сало и горячее какао. Выйдя из избы на улицу и, разрубив здоровенную

мороженную щуку пополам, бросил ее своим собакам - Дамиру и Булуру, которые, отряхиваясь и помахивая хвостами, вылезли из-под снега, выпавшего ночью. Было начало марта, весна уже чувствовалась вовсю. Днем солнце светило ослепительно, краски были такие, как в голливудских фильмах 60-ых годов. На крышах с южной стороны домов кое-где уже свисали сосульки, хотя температура воздуха составляла до -30° и ниже. В этот день была оттепель, дул южный - юго-восточный ветерок.

Дамир и Булур - мохнатые желтовато-коричнево-серого окраса собаки северной («лаечной») ездовой породы, т.е. помеси сибирских и, может быть, эскимосских лаек с дворняжками. Мордочки у них остренькие, хвостики колечком, а ушки стоячие. Правда, у Булура кончик левого уха слегка повис. Это - память об его сражениях с Дамиром за лидерство в подростковом возрасте. Дамир и Булур из одного помета, но Дамир «старше», так как появился на свет первым, а это очень много значит, особенно у ездовых собак, поскольку свидетельствует о бойцовских качествах и прирожденном лидерстве. Попробуй выберись первым, когда у тебя семь конкурентов и все рвутся к еще неизведанному, но желанному свету! Названы эти собаки были по двум сравнительно небольшим водотокам, впадающим справа в р. Балыгычан, одному из крупных притоков Колымы. В этих местах проходил их первый полевой сезон, в начале которого им едва сравнялось полгода. Сейчас братьям было уже почти по полтора года.

Вчера мы договорились с Витей Сдерягиным, по кличке «Снежный барс», сходить на охоту за куропатками на левый берег руч. Кураннах, впадающего в р. Колыму чуть ниже р.Сеймчан и образующего с последней в своей приустьевой части общую широкую долину, густо поросшую карликовой березкой и чахоточными корявыми лиственницами. Мы решили, что встретимся на водоразделе невысокого хребта, расположенного между упомянутым ручьем и р. Колымой. При этом Витя поднимется на водораздел со стороны среднего-нижнего течения Кураннаха, а я - со стороны р. Колымы.

Сразу за околицей я надел лыжи; до долины р. Колымы около 7 км. Затем надо пройти по реке не менее 4 км и подняться на водораздел около устья руч. Кураннах. Лыжи я взял туристского типа, несколько шире беговых, но тоже с жесткими креплениями. Кроме того, на их боковых поверхностях за пяточной частью прикручены кольца для крепления пяток ремнями при спуске с гор. На лыжные ботинки, иногда обшитые оленьим камусом, мы надевали самодельные брезентовые бахилы, высотой до половины икры, для тепла и защиты от снега.

Поселок еще спал, слабо пуржило, небо от горизонта до горизонта было затянуто белесо-серой пеленой. Скольжение было неплохое, собаки весело бежали, то обгоняя меня, то задерживаясь по своим собачьим делам. На них были одеты шлейки и когда я прошел за поселок и вступил на лед р. Сеймчан, где пролегалась хорошая лыжня до самой Колымы, то прицепил эти шлейки с помощью вертлюгов к своему широкому поясу со специальными карабинами. Теперь собаки бежали впереди меня, а я практически не двигал ногами, а, только слегка согнув их, неся вслед за хвостатыми по лыжне. Дойдя до Колымы, мы повернули на север - северо-восток и двинулись вниз по руслу реки. Ветер за это время несколько поменял свое направление и дул теперь почти с востока, в правый бок и слегка в лицо. Снег пошел более интенсивно, лыжня здесь была перемертена и мне пришлось отцепить собак от пояса. Все же до устья руч. Кураннах мы дошли довольно быстро.

Левый борт Колымы здесь достаточно крут, представляя собой цокольную террасу, в основании которой обнажаются коренные породы верхоянского комплекса, образующие отвесный уступ высотой до 10-15м. Они перекрыты древним аллювием,

рыхлые осадки которого первые 40-50м по высоте имеют наклон склона до 50°, а выше довольно резко выполаживаются. Левый склон устьевой части руч. Кураннах в целом пологий, но первые метров 80 по вертикали его крутизна тоже довольно значительна - в среднем, пожалуй, около 20°. Небольшая площадь приустьевой части ручья незалесена, все остальное - и долина ручья, и его склон густо поросли кривыми «чахоточными» лиственницами.

Я стал не торопясь подниматься лесенкой вдоль гребня со стороны ручья, глядя преимущественно себе под ноги, но изредка поднимая голову и осматривая гребень. Лыжи подчас проваливались, и я оказывался в снегу по колени и даже выше, но идти было довольно сносно. Неожиданно на какое-то мгновение выглянуло солнце, сразу преобразив белесовато-серый унылый пейзаж в радостную сказку мультфильма, но увы... Это был только миг!

Когда до выполаживания склона оставалось по вертикали метров 20-30м, я услышал очень странный звук: какое-то вкрадчиво-свистящее шуршание-шелестение, шипение (?) и, резко подняв голову, увидел, как несколько ниже того места, где склон выполаживался, молнией пробежала трещина, ниже которой возник фронт, состоящий из снежной «каши», пыли и т.д. Мощность оставшегося выше снега была здесь (по моей мгновенной оценке) не менее 50-70 см. В поле зрения на секунду попали и мои собачки, уже подхваченные снежной массой. Они находились выше и правее меня, почти на самой линии гребня-водораздела Колымы и Кураннаха. Дальше я действовал автоматически - повернувшись спиной к склону и мгновенно освободив кисти рук от темляков лыжных палок, резко подпрыгнул вверх; в следующее мгновение почувствовал удар в спину и был подхвачен снежным потоком. Конечно, хотелось бы назвать его лавиной. Но это была, конечно, не лавина, а микролавинка. Как положено в инструкции по технике безопасности, я инстинктивно стал делать руками плавательные движения. Когда снежный поток остановился, оказалось, что я нахожусь в нижней части склона, проехав в общей сложности расстояние в 150-200 метров, и довольно плотно утрамбован в снег выше пояса. Однако плечевой пояс и руки были свободны. В одной руке я держал лыжную палку, второй палки не было. Все лицо было облеплено снегом. Имело место некоторое оцепенение. Потихоньку с помощью лыжной палки, приклада ружья и собственных рук-грабелек, стал я откапываться, добравшись сначала до правой, а затем левой лыжи и отстегнув их. Выбравшись, откопал лыжи. В голове все это время «царило» состояние средней тупости.

А где же мои славные собачки? Я стал звать их. Безрезультатно. Лавинка образовала у подножия склона конус выноса площадью в несколько сотен квадратных метров, по которому можно было ходить не проваливаясь. Язычок этого конуса уходил и в долину Колымы, огибая гребень-водораздел с Кураннахом. Я спустился к Колыме под коренные уступы. Ветер и снегопад усилились, завывания ветра становились все яростнее. Я опять орал в пустоту: « Дами-ииииии- rrrr!! Бу-луууууууу-rrrr! ». И ветер отвечал мне: «Вьююююю-вьюююю-вьюююю!».

Вернувшись в долину Кураннаха, позвал Дамира еще раз. И вдруг увидел его; он появился как-то незаметно. Попрыгал около меня, помахивая своим пушистым хвостом-закорючкой. «Куда ж твой брательник запропастился?». Дамир посмотрел на меня внимательно, съел предложенные галеты и сел на снег, слабо виляя кончиком хвоста. С момента моей вынужденной транспортировки по склону к подножию ручья до появления Дамира прошло, наверно, минут 15-20. Впрочем, в таких ситуациях время себя ведет «неадекватно». Я продолжил поиски (если можно так сказать) Булура, осматривая склон и периодически окликая его. При этом ходил по конусу осова к

Колыме и обратно. И вот, когда я спускался к Колыме, то как будто слышал в ответ на свои крики тихий сдавленный вой. Откуда он раздается и не глюки ли это, понять не мог и, в конце концов, решил, что это завывания ветра по долине Колымы. Дамир между тем ходил за мной следом, но более охотно спускался к Колыме.

Так, по моим прикидкам, прошло часа полтора-два. Часов у меня не было, но «внутренние» биологические часы подсказывали, что часа через два будет совсем темно; к тому же я начал мерзнуть. Пора было возвращаться. Спустившись в долину Колымы, одел лыжи, рюкзак, ружье, взял оставшуюся лыжную палку и решил идти домой. Кликнул Дамира, но этот разумный пес, подчинявшийся моим командам беспрекословно, лег на снег, положив голову на передние лапы, и не мигая смотрел на меня. Что за черт? Я опять позвал его - никакого эффекта. Подойдя к Дамиру, вдруг услышал из-под снега слабый вой. Сняв лыжи, я стал задником одной из них раскапывать снег и буквально копнув один раз, увидел в снегу небольшую дырочку размером с современный пятак, из которой шел пар. Я стал копать быстрее, но осторожнее и скоро на меня умоляюще и, клянусь, радостно смотрели две желтовато-коричневые бусинки глаз. Когда я освободил горло Булура, он завопил со страшной силой, но это было уже лишнее - полное освобождение было близко. Он лежал в спрессованном снегу на спине мордочкой и лапами вверх. Выскочив, наконец, из-под снега, Булур начал прыгать выше моей головы, поочередно облизывая то меня, то Дамира. Впрочем, мы все облизывали и целовали друг друга, обнимаясь и махая хвостами.

В общем, получилось так, что осов разделился на две части. Одна, основная, пошла по левому склону Кураннаха и подхватила меня. Другая пошла в сторону Колымы и, поскольку собаки находились непосредственно на гребне, то были подхвачены ею. Хотя мне до сих пор непонятно, где оказался в это время Дамир. По моим прикидкам, высота свободного падения Булура составила не менее 30-40м, тем не менее на нем не было ни единой царапины.

Домой мы вернулись уже в полной темноте. Позвонил Витя Сдерягин: «Где тебя, черта, носило? Я уже начал волноваться».

P.S. Когда произошла эта история, я уже семь лет прожил на Северо-Востоке и не был «чечако». Во время дальних лыжных прогулок, нам приходилось иногда проходить по довольно крутым склонам и даже, срываясь, «соскальзывать» метров по 15-20 вниз по ним. И склоны те были лавиноопасны, но везло. После описанного случая я стал, естественно, гораздо осторожнее. Мой сокурсник, трамплинист, слаломист и альпинист Витя Половников рассказал мне, что маленькие лавинки в низко-среднегорных районах гляциологи называют «осовами». Но позднее в энциклопедии я прочел, что осов - это одна из морфологических разновидностей лавин, а именно та, которая соскальзывает по всей поверхности склона. Т.е. величина лавины тут не при чем. В январе 1979 года, когда я уже работал в Арктической экспедиции, Витя Половников, катаясь на слаломных лыжах по крутому склону в окрестностях Сеймчана после оттепели и снегопада, подрезал лавинку и был погребен ею. Его искали целый месяц.

А мои собачки пропали в ноябре того же года, когда я ходил с ними на Кураннах, Их украли любители собачатины и шкур для шитья лохматых шапок как раз в тот день, когда родился мой сын. Однако, давно это было.

Были и байки об Игоре Соловьеве

Игорь Александрович Соловьев - одна из наиболее экзотичных фигур НИИГА-ВНИИОкеангеология. Это - маленький, подвижный как ртуть и крепкий как корень кедрового стланника, человек с копной густых и кудрявых (сейчас, конечно, уже седых) волос, при появлении которого всегда начинается удивительная неразбериха, смех и веселье. Он брызжит неиссякаемым оптимизмом, энтузиазмом, добротой и самопожертвованием. В буквальном смысле, для друга готов снять с тебя последнюю рубашку. Говорит очень громко (чему способствует, кроме его сангвинического темперамента, некоторая природная тугоухость), слегка заикаясь и постоянно дергая за рукав или ударяя кистью своего собеседника чуть выше локтя, так что если во время не уклоняться или не подставлять разные бока, то рискуешь занять синяки. Об Игоре можно рассказывать бесконечно. Вот некоторые истории о нем - смешные и не только.

История первая (очень нервная). Про войну и про бабушку.

Когда началась Великая Отечественная война, Игорь с мамой и бабушкой жили в доме №5 по Невскому проспекту - вход со двора. В этом здании вплоть до самой перестройки находился известный всем ленинградцам магазин школьных товаров с тетрадками в линейку и клеточку, прописями, учебниками, линейками, атласами и глобусами. Последние украшали витрину магазина. Сейчас в этом помещении расположен какой-то новомодный современный «маркет», кажется, подарков, в который простому человеку и заходить-то страшновато.

1 сентября 1941 года Игорь пошел в первый класс. Школа находилась недалеко - на другой стороне Невского проспекта с входом под арку дома N14, который был построен в 1938 году в эклектичном духе, сочетающим, с моей точки зрения, элементы северного модерна и тяжеловесного стиля тоталитаризма, свойственного архитектуре Германии времен III рейха. Сейчас на стене этого дома около этой самой арки имеется надпись белым по синему фону «При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна», просуществовавшая без малого все 900 дней ленинградской блокады, начавшейся, как известно, 8 сентября 1941 года, то есть через неделю после того, как мама и бабушка привели Игоря в школу.

Окружающий мир изменился коренным образом или, используя игру слов, мира уже не было - была война. Начались бомбежки и эвакуация детей из осажденного города. Мать Игоря не хотела уезжать. В конце концов, его с другими маленькими детьми все-таки отправили по дороге жизни на Большую Землю. Игорь, будучи мастером мимики и телеграфного стиля изложения разговора, рассказывает: «Бабушка буквально вытолкнула меня в колонну эвакуирующихся детей; я орал и цеплялся за ее юбку». Его мама, кажется, жила в это время в Москве.

Потом была длинная изнурительная дорога, голод, холод с полным сумбуром в голове: «Неужели это - правда? Неужели это происходит со мной? Где мама, где бабушка?». В детстве, как все мы знаем, время вообще движется не столь быстро, как в дальнейшем, не «свистит за ушами»; дни кажутся длинными, поскольку все время узнаешь и происходит что-то новое. Но даже и в более зрелом возрасте смена привычной обстановки и особенно переезды как бы «удлиняют» сутки, делают их более продолжительными, поскольку получаешь много новых впечатлений, отличных от накатанного, привычного образа жизни. А уж в детстве....!

Наиболее ярким впечатлением всего путешествия для Игоря явилась переправа на барже, происходившая, вероятно, в районе города Куйбышева (Самары), вблизи

моста через Волгу. Когда баржа с детьми, их сопровождающими и нехитрым скарбом была близка к левому берегу реки, налетели мессершмитты и началась бомбежка. Впрочем, бомбили не их баржу, а мост через Волгу и некоторые другие более серьезные суда. Однако досталось и барже: взрывная волна попортила оснастку судна, несколько человек оказались за бортом, кроме того, были повреждены две бочки с продуктами: одна с растительным жиром, другая - с сахарной патокой. Все дети находились в трюме, но Игорь каким-то образом оказался на палубе. Вероятно, голодного мальчика гипнотически притягивали к себе бочки со съестным. И подвезло - «подлохматило», как любит и сейчас говорить герой нашего рассказа. Игорь бросился к бочке с патокой и, совершенно не обращая внимания на вой снарядов и общее смятение, стал двумя руками отправлять себе в рот сладкую массу. «Никогда я не ел ничего более вкусного!» - вспоминает он. В результате, он, конечно, объелся, и кончилось это резью в животе, поносом и т.д. Ну, что ж, излишества никогда не доводят до добра.

Затем была жизнь в различных детских домах с постоянными побегам, поимками и приводом в детприемники, поскольку Игорь, будучи очень уживчивым, незлобивым, нетребовательным и достаточно послушным человечком, всегда был свободолюбив, не переносил насилия и ходьбу строем. Убежав, он каждый раз прибывался к какой-нибудь группе таких же пареньков, обитавших около железнодорожных станций вблизи эшелонов, отправлявшихся на фронт. Советские офицеры и, особенно, солдаты жалели мальчишек, гладили их по бритым либо уже успевшим зарости космами головам, кормили солдатской кашей. Когда я был с Игорем в поле, то поразился, как быстро он ест - даже быстрее меня, а таких людей я встречал очень редко. На вопрос, как это у него получается, Игорь ответил: «З-з-знаешь, Ж-ж-женя, когда т-тебе отваливают пайку г-горячей каши, например, в кепчонку, а затем ты сразу же бежишь и обжигаясь ешь на бегу, потому что ждешь, когда старшие пацаны дадут тебе по б-башке, ты еще и быстрее хавать научишься. А я всегда был самый младший и маленький на разъездах около эшелонов».

Находясь за Волгой, Игорь все время думал о родном городе и старался по мере сил двигаться на запад. Пrawdами и неправдами иногда удавалось проехать в нужном направлении. Наконец, уже ранней весной 1944 года оказался он в Ленинграде. Вместе с такими же мальчишками-беспризорниками, Игорь первое время жил в одном из разрушенных домов недалеко от Московского вокзала. Как они питались и выживали, знает один бог. Перроны на вокзале в те времена были деревянными, и мальчишки, лазая под ними, собирали упавшие туда окурки. Игорь, правда, не курил и тогда. Пробовал - не понравилось. Делали самокрутки - меняли на еду, подворовывали, бегали от мильтонов.

Был и такой случай. Как-то Игорь шлялся по перрону, прикидывая, у кого бы раздобыть пожрать. Вдруг к нему подошел человек в темносиней суконной форме НКВД, в руках у него был листок бумаги с фотографией и каким-то текстом. Посмотрев сначала на фото, а потом на Игоря, военный сказал: «А похож!» и схватил его за руку. Изловчившись, Игорь укусил руку военного и дал стрекача. Как потом выяснилось, отец Игоря, разошедшийся с матерью еще до войны, искал пропавшего сына по просьбе бабушки. А был он офицером той легендарной организации, которую Богомолов описал в своем замечательном бестселлере «В августе сорок четвертого (Момент истины)» и которая называлась «СМЕРШ», т.е. «Смерть шпионам». После войны был он в звании полковника этого подразделения и затем состоял в личной охране Ким Ир Сена.

Так вот, отец Игоря по своим каналам составил листовки для работников НКВД и милиции, где была фотография Игоря и описание его примет, среди которых были и такие: «любит подвижные игры, танцы и массовые скопления народа». Эта листовка и сейчас есть у Игоря. Тогда, конечно, мальчишка знать этого не мог, а потому испугался и убежал.

За время отсутствия Игорь совсем забыл город, впрочем, он его и раньше-то не знал, поскольку покинул в возрасте всего восьми лет. Не помнил он и название улицы, на которой жил. Ребята ходили по Невскому проспекту не дальше его пересечения с Литейным, в крайнем случае, - до Фонтанки. Но как-то раз, оказавшись один (что бывало редко), Игорь перешел Аничков мост и пошел в сторону Адмиралтейства. Когда он оказался около своей школы, в голове что-то включилось и сработало. Как сомнамбула, он перешел на другую сторону Невского проспекта, дошел до дома №5, свернул под арку, вошел в одну из парадных и поднялся на нужный этаж. Толкнул дверь, она была не заперта. На кухне сидела и как раз пила чай его бабушка. Конечно, она, наверно, вскочила, ойкнула: «Ой, я знала, что ты жив!» и разбила чашку. Но это ведь к счастью - бить чашки!

Так закончилась эта невымышленная история. Когда я ее пересказываю кому-нибудь, у меня всегда в конце повествования перехватывает горло, хотя я не очень-то сентиментальный человек. Впервые услышав эту историю от Игоря в поле, я сказал: «Да ведь это - замечательный сценарий. Почему ты не расскажешь его своему сводному брату - Сергею». К тому времени Сергей Соловьев уже был довольно известным режиссером, он поставил фильм «Станционный смотритель» и какой-то еще. Игорь ответил: «Как-то раз, находясь у брата в Москве, я рассказал ему эту историю. Прослушав, он ответил примерно так: «Не пойдет, не интересно. Сентиментально и нет правды жизни». Что ж, режиссерам виднее.

История вторая (уже бытовая). Корейский пушистый крокодил.

Года через два после войны бабушка как-то сказала Игорю: «С кем ты хочешь временно пожить: с мамой или папой». Деталей не знаю; вероятно, так сложились тогда обстоятельства. Игорь поинтересовался, где будут находиться мама и где папа. Он знал, что они живут в Москве, но раздельно. Оказалось, что папа едет с новой семьей в Северную (социалистическую) Корею, где будет состоять в личной охране руководителя страны товарища Ким Ир Сена - большого друга всего Советского народа и лично товарища Сталина. Думать не пришлось. «Конечно, в Корею!»,- закричал Игорь.

Потом было длинное, муторное, но интересное путешествие по железной дороге (КВЖД) до Пхеньяна и совсем новая неизвестная обстановка. Среди всех впечатлений, полученных нашим героем за время пребывания в Корейской Народной Демократической Республике (КНДР), наиболее яркими остались поездка вдвоем с личным водителем отца на американском «виллисе» (он же, в последующем, наш «ГАЗик-козел») и один из приемов у Ким Ир Сена. Дело в том, что во время упомянутой поездки шофер остановил машину около какого-то невзрачного деревянного дома и велел Игорю подождать его с полчаса, не вылезая из машины. Конечно, подвижному пареньку очень быстро надоело сидеть в машине, и он решил посетить запретное деревянное жилище. Как выяснилось, это был к тому времени еще не закрытый, полулегальный дом, где молодые кореянки оказывали определенные услуги лицам противоположного пола.

А во время приемов у корейского вождя хорошо кормили, к тому же Игорь таскал на закорках сына и будущего преемника Ким Ир Сена - теперешнего Ким Чен Ира. Последнему было тогда года четыре - он родился в 1944 году и был ровесником младшего брата Игоря - Сергея Соловьева.

После возвращения в Ленинград к бабушке Игорь продолжил учебу в той же средней школе на Невском проспекте. Он сидел за одной партой и сдружился с Жуковым. Жукова звали не так, как чеховского героя - Ванька, а совершенно обалденно - Рамзай. Родители его были геологи и проводили много времени в экспедициях на Кольском полуострове, откуда, вероятно, и привезли это странное имя - поскольку иностранец капитан Рамзай был одним из первых исследователей этого края. Кстати (или некстати), Рамзай Жуков по сей день работает во ВСЕГЕИ имени А.П.Карпинского. Недавно я видел его на первом этаже лабораторного корпуса, где он с увлечением рассказывал коллеге близкого возраста о каких-то пенсионных льготах либо инвалидности.

Дружба с Жуковым определила дальнейшую послешкольную судьбу Игоря - он пошел с Рамзаем в Горный институт, поскольку всегда был человек крайне компанейский: куда друзья, туда и он. Когда родители Жукова были в отъезде, он оставался, так же как и Игорь, с бабушкой. И мальчишки делали уроки и ели то у бабушки Игоря, то у бабушки Рамзая.

По-видимому, прокуренная рамзаева бабушка была философом и юмористкой. Она прозвала Игоря «корейский пушистый крокодил». Почему корейский? Не сложно. Потому, что Игорь приехал из Кореи. А почему пушистый? Потому, что он ходил в подаренном корейскими товарищами пальто с пушистым воротником какого-то экзотического зверя. Теперь, почему крокодил? Да потому, что Игорь отличался замечательным аппетитом, ел быстро и мог съесть что угодно и в любой последовательности.

Вот и вся история. В качестве послесловия. Став геологами, Игорь и Рамзай как-то вместе работали в поле в Якутии и прославились тем, что, когда осталась только пшенная каша, ели ее по-прежнему с аппетитом и помногу. За что получили прозвища соответственно - Малый и Большой Пшены (Рамзай выше Игоря на целую голову).

Истории предполевые.

1. Медосмотр, или «Доктор, я Вас вижу».

Как-то раз перед поездкой в Северную Якутию (страшно сказать!) лет 50 тому назад, Игорь вместе с одним из коллег - рыжим техником-геологом с ласковой фамилией Пчелкин отправился на медосмотр в поликлинику имени Чудновского, что по левую руку за Калинкиным мостом, как перейдешь реку Фонтанку.

Стоял жаркий июньский день, было под 30°. Полнейший штиль. Народ на улице старался по возможности находиться на теневой стороне; асфальт плавился, от него парило. Да что там говорить, сами знаете, как тяжело в такие дни находиться в городе. Однако друзей мучила жажда не только по причине мощного антициклона, в сферу влияния которого попал родной город. Вечером прошедшего дня они несколько злоупотребили крепкими напитками. Конечно, плюнули бы они сегодня на медосмотр и отправились куда-нибудь под тень тополей или лип, где подчас уютно так располагаются ларечки с холодным пивом и вяленой рыбкой. Но был полный дефицит времени - вот и спешу в эту Чудновку. К тому же и пива выпить не получается,

поскольку в карманах гуляет ветер, которого так не хватает в окружающей душной атмосфере.

Итак, две понурые мужские фигуры (один - метр шестьдесят «с кепкой», другой - амбал под метр девяносто) перешли Калинин мост и, свернув налево, нырнули в маленький тенистый дворик, а затем - в относительную прохладу поликлиники.

Когда наши герои подошли к двери кабинета с надписью «Хирург», то стало ясно, что ждать своей очереди придется долго. Поэтому Игорь, подхватив своего друга-громилу под руку, без особой дикции выпалил: «О-о-о-с-собый с-с-случай...», затем после паузы на всякий случай добавил более внятно: «Т-т-только с-с-справка.. Мы - п-пулей...». После чего оба с завидной для их состояния быстротой оказались в кабинете врача.

Сухонький и седенький врач-хирург, по-видимому, давно перешел границу пенсионного возраста. Ох, уж эта жарница! Чувствовал он себя, мягко говоря, неважно. Потому - махнул рукой на то обстоятельство, что в кабинет зашли сразу два человека, лопотавшие какую-то чепуху по поводу своего совместного вторжения.

Первым пошел на осмотр Пчелкин. Игорь в это время сидел на стуле напротив, было скучно. Последовала команда врача: «Станьте ко мне спиной. Наклонитесь, спустите брюки и трусы, да-да, и трусы тоже». Когда длинный Пчелкин наклонился, лицо его оказалось напротив лица Игоря, каких-нибудь сантиметрах в тридцати. Мутные глаза Пчелкина встретились с глазами Игоря. Поскольку он хорошо знал своего коллегу, то прошептал: «Только молчи - ничего не говори!». Но было поздно. Игорь уже открыл рот, адресуясь к врачу, наблюдавшему Пчелкина с противоположной (тыловой) стороны: «Д-д-доктор, я В-в-вас в-в-вижу!». Врач почувствовал металлический вкус во рту, в сердце закололо: «Сколько Вам лет?». На что Игорь, как поклонник телеграфного стиля изложения своего мыслительного процесса, заявил: «Т-т-тридцать т-т-третьего...». (Он имел в виду, что родился в 1933 году). Врач, наставив на Игоря свою худую длань, отвечал: «А Вас осмотрит медсестра».

Но это еще не вся байка. Когда доктор, борясь с жарой и недомоганием, подписал листки медосмотра, то вновь ощутил: опять накатило! И, потеряв сознание, грохнулся на пол. Есть версия, что этому поспособствовал брошенный на него исподлобья взгляд рыжего Пчелкина, который будто бы обладал магнетическим действием. Но это уже действительно байка. В этот момент медсестры в кабинете не было. Возможно, она после осмотра Игоря была под впечатлением и потому решила помечтать. Но нужно было что-то делать. Игорь - человек действия и принимает решения моментально (думает, правда, обычно потом). Указав на стоявшие в углу носилки, он предложил Пчелкину положить на них «утомленного солнцем» и пациентами доктора и вынести из кабинета. Что и было с блеском исполнено.

Реакция очереди в коридоре была неоднозначная: кто негодовал и грозился дать в морду, кто хохотал и даже хлопал в ладоши, но все сходилось в одном: «Во дают! Мало того, что они без очереди влезли, так еще и доктора ухайдакали!».

2. «Я - яп-п-понский измеритель!»

Как-то так получалось, что периодически в жизни нашего героя имели место или, если хотите, в его жизнь вторгались, восточные (точнее, юго-восточные) мотивы. Это, во-первых, - уже описанное путешествие в Корею. Затем (здесь мы не будем на этом останавливаться подробно) взаимодействие (именно непосредственное

взаимодействие) Игоря со старинной китайской вазой (вероятно, теперь баснословной цены), в результате чего она перестала существовать как материальная ценность, то есть попросту превратилась в грудку обломков. Произошло это в квартире одного из сокурсников Игоря - сына талантливейшего дирижера со всесоюзным именем, где студенты Горного института пели хором. После чего Игорь больше на этих репетициях не присутствовал.

Ниже пойдет речь о японской тематике. Дело в том, что дядя Игоря, работавший конструктором, как-то подарил ему перед полем замечательный никелированный измеритель из настоящей японской готовальни с японскими же иероглифами. При геологической съемке часто приходится снимать с топоосновы расстояние между точками. Это удобно и, конечно, точнее делать не линейкой, а именно измерителем. Игорь был в восторге и делился со всеми своей радостью, постоянно демонстрируя дядин подарок.

Самолет летел в Северную Якутию, под крылом его «о чем-то пело зеленое море тайги». Группа веселых ребят в геологических костюмах уже прилично, как теперь говорят, «приняла на грудь» крепких напитков: то поколение еще не знало кока- и пепси-колы. При этом Игорь был «веселее» и, как всегда, громогласнее всех, так что пассажиры и временами появлявшаяся в проходе красивая стюардесса (а тогда они только начинали появляться на северных линиях и были в диковинку) с некоторой неприязнью поглядывали на этого живчика. Но самолет уже шел на посадку и особенных замечаний геологам не делали: дескать, слезут с самолета и растворятся в своей тайге. Тут-то Игорь и вспомнил, что давно не показывал своим коллегам замечательный измеритель. Но где он? Начались лихорадочные поиски и, к великой радости окружающих, Игорь замолк. В конце концов он вполне резонно решил, что сферу поисков следует расширить, присовокупив к ней пол самолета. Для этого он встал на четвереньки и начал ползать, внимательно осматривая пространство.

Выйдя в коридор самолета, очаровательная стюардесса увидела, что шевбунной паренек-геолог, вместо того, чтобы пристегнуться ремнем и ожидать, когда шасси ударятся о бетон посадочной полосы, проделывает что-то непонятное на полу. Заинтригованная, она подошла к нему поближе, и Игорь вместо искомого измерителя вдруг обнаружил перед собой замечательной формы женские ножки, под стать описанным нашим незабвенным Александром Сергеевичем, однако был настолько поглощен поисками, что не среагировал на их прелесть, решив убрать их с дороги, поскольку они мешали обзору пространства. Посему, взявшись за лакированные туфельки с внутренней стороны, он начал раздвигать их в разные стороны (заметим: совершенно без каких-либо задних, точнее передних, мыслей - Игорь потом клялся в этом, а человек он кристально честный). Стюардесса опешила (любой бы тут опешил): «Вы... вы..! Что Вы делаете???»,- резонно поинтересовалась она. Сосредоточенный Игорь кратко изложил: «Я - яп-понский измеритель». На самом деле он, конечно, хотел объяснить, что ищет японский измеритель, подарок дяди, что измеритель этот ему позарез нужен в маршрутах, однако, как всегда, использовал свой телеграфный метод изложения мыслей. Но ведь стюардесса ничего не знала ни про измеритель, ни про его потерю, ни, тем более, про метод Игоря излагать свои мысли.

P.S. О реакции стюардессы, последовавшей за действиями и репликой Игоря, нет никаких доподлинных сведений. О ней мы можем только догадываться.

Кабинетные байки на Мойке, 120

1. «М-м-меня м-можешь не ц-целовать».

Когда Юлиан Евгеньевич получил отдельный кабинет на втором этаже лабораторного корпуса, я стал сидеть на его месте на первом этаже в кабинете №60 с синей табличкой «Сектор тектоники». Как войдешь в кабинет - сразу налево, за большим и тяжелым (наверно, дубовым) Госгеолкомовским (?) столом. В кабинете было еще пять рабочих столов с пятью дамами-картографами разного возраста - профессионалами своего дела.

При появлении Игоря в нашей нередко полусонной атмосфере происходило шевеление и оживление. Игорь очень любил целоваться, причем целовался одинаково крепко и с женщинами, и с мужчинами любого возраста и ранга, предварительно объяснив: «С-сейчас я т-тебя целовать буду». Затем следовал железный захват рукой за шею или спину и мощный поцелуй (нередко с царапанием подчас небритой щекой), близкий засосу. Объятия Игоря действительно были крепки и не удивительно - я свидетель того, как в возрасте 49 лет он трижды подтягивался либо висел на перекладине на одной руке. Начинал он всегда справа, где стояло три стола в направлении от двери к окну, затем следовал наш ряд уже в направлении от окна к двери. Я, соответственно, был последний в этой очереди, когда сидевшие впереди дамы, поглядывая в зеркальца, уже кокетливо поправляли последствия внезапного налета. У меня было время подготовиться и иногда я успевал совершить нырок под игореву руку и отстраняясь, говорил, подражая его манере: «М-м-меня м-можешь не ц-целовать!». Но это удавалось не так уж часто - у Игоря всегда была очень хорошая реакция.

2. «З-зайдите к нам, в сектор т-тектоники».

Как-то раз перед нашей поездкой в поле на Новую Землю Юлиан Евгеньевич о чем-то хотел поговорить с Бондаревым и Бурским. Он попросил Игоря договориться о встрече. Игорь пошел в отдел стратиграфии, где работали оба упомянутых исследователя. По рассказам очевидцев, когда Соловьев вошел в кабинет №41 старого здания, где тогда помещался «Отдел стратиграфии» с бессменным его заведующим Валентином Ильичом Бондаревым, последний вместе с Анатолием Зиновьевичем Бурским сидели за столом, на котором были разложены карты и аэрофотоснимки, и оживленно беседовали. Поздоровавшись и подойдя поближе к столу, Игорь сказал, глядя на Бурского: «З-зиновий Анатольевич Б-бондарев, с Вами нужно п-поговорить». «Бурский - я, Бурский!» - сказал Анатолий Зиновьевич, а Бондарев добавил: «Вы что, не видите, - мы работаем». «Хорошо», - согласился Игорь, - «тогда закончив, спуститесь к нам в сектор тектоники». Последовала немая сцена в духе гоголевского «Ревизора».

Байка последняя (кулинарно-вредная). Об аппетите и пищеварении.

Игорь всеяден, ест помногу и быстро, смакуя и смешивая в любых пропорциях подчас совершенно несовместимые блюда. Каюсь, как-то раз за ужином, будучи не в духе после неудачного маршрута и глядя, как Игорь смешивает первое и второе, я поинтересовался, не добавить ли туда еще компота из сухофруктов для полного букета и гармонии. Приподняв правую бровь, Игорь сказал: «Валяй, в-вкуснее будет!». Я, мерзавец, не удержавшись, бухнул кружку с компотом в его тарелку. Игорь быстро и с

аппетитом освоил содержимое, затем, очистив миску краюшкой хлеба, сказал: «Очень вкусно было. Буду практиковать». Мне было стыдно.

На вопрос плохо знающих его людей, почему при таком аппетите он остается сухощавым и жилистым, Игорь серьезно и темпераментно обычно отвечает: «А у меня - всасывание и выхлоп; никакого рабочего хода! К тому же я семимесячный». Гвозди бы делать из этих людей - не было б крепче на свете гвоздей!

Пока на этом поставим точку и закончим **СОЛОВЬЕВИАДУ**. Но какие наши годы!

Идеалист – берклианец и материалист

(напомним, что английский философ Д.Беркли утверждал, будто вещи не существуют независимо от сознания человека)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Идеалист – зав. отделом В.Н.Бондарев

Материалист – А. Коновалов, рабочий (биолог с высшим образованием, авантюрист и любитель природы)

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ:

Арх. Новая Земля, пос. Белушка, гостиница

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ:

Середина 80-ых годов прошлого века, после полевого сезона. 11 часов дня.

Коновалов лежит на столе и спит. Входит Бондарев.

БОНДАРЕВ. Коновалов, почему Вы не на работе?

КОНОВАЛОВ (с трудом открывая глаза и еле ворочая языком). Я болен.

БОНДАРЕВ. Чем Вы больны?

КОНОВАЛОВ. У меня послеалкогольная интоксикация.

БОНДАРЕВ (категорически). Я такой болезни не знаю.

КОНОВАЛОВ. Тем не менее, она от этого не перестаёт существовать.

Весенние арктические походы

Начальнику АКГГЭ
тов. Крюкову В.Д.

КОПИЯ: Начальнику Западно-Арктической партии
тов. Бурскому А.З.
от гл. инженера ЗАП
Гиренко С.Г.

Рапорт

Направляю рабочего Б. для увольнения за систематическое нарушение трудовой и бытовой дисциплины на базе партии по причине злоупотребления алкогольными напитками.

15 мая 1981 года рабочий Б., несмотря на мой запрет, в рабочее время употреблял тройной одеколон и в состоянии алкогольного опьянения чуть было не замерз. Благодаря лишь своевременно принятым мерам удалось избежать несчастного случая.

Моим приказом N 28 от 8.03.81г запрещено употребление на базе партии спиртных напитков, но Б. его нарушил грубым образом и создал реальную угрозу для своей жизни.

Неоднократные меры индивидуального воздействия на Б. к успеху не привели, он продолжал злоупотреблять алкоголем как в рабочее, так и в свободное время. В апреле месяце сего года ему за.....

(Следующая страница рапорта утеряна, но зато есть акт расследования нарушения)

Акт расследования

обстоятельств нарушения рабочим Б. трудовой и бытовой дисциплины

16 мая 1981г.

Полевая база Западно-
Арктической партии
АКГГЭ ПГО
«СЕВМОРГЕО»

Рабочий Западно-Арктической партии АКГГЭ Б. был обнаружен 15 мая 1981г. в 17ч. 05мин. ст. инженерами Чесноковым В.Г. и Даньшиным А.В. на территории базы в сидячем положении и полузасыпанным снегом. При осмотре Б. (в присутствии гл. инженера Гиренко С.Г.) установлено, что он находился в состоянии алкогольного

опьянения, но следов обморожения или других телесных повреждений не выявлено. Он был направлен на отдых до полного отрезвления. При расследовании случая алкогольного опьянения Быкова В.В. установлено следующее:

15 мая с.г. стояла ветреная погода со снегом (порывы ветра достигали 20 м/сек) при низкой (отрицательной) температуре воздуха ($t = -13^{\circ}\text{C}$). В связи с этим по распоряжению гл. инженера партии Гиренко С.Г. проводились только внутренние работы. В тот же день в 16 часов Гиренко С.Г., увидев рабочего Б. в утепленной спецодежде, персонально ему запретил (в присутствии рабочих Ганзенко и Иванова) покидать помещение базы партии. Тем не менее Б. нарушил распоряжение гл. инженера и в пургу отправился в одиночку в магазин (расстояние до 1 км), где приобрёл 15 флаконов Тройного одеколona ёмкостью 100 грамм каждый.

По пути следования обратно на базу партии он принял во внутрь содержимое двух флаконов (200 грамм одеколona) и вследствие алкогольного опьянения потерял способность двигаться при сильном ветре и отрицательной температуре наружного воздуха. У Б. при осмотре было изъято 13 флаконов одеколona, из которых 2 было разбито в результате сопротивления с его стороны. После вытрезвления у Б. ухудшения здоровья не обнаружено.

Гл. инженер

С. Гиренко

Ст. инженеры

А. Даньшин

В. Чесноков

(Далее следовали весьма комичные объяснения рабочего Б. и решения следственной комиссии. К сожалению, эти документы утеряны).

P.S. Рабочий Б. так и не был уволен. Он жив-здоров и по сегодняшний день (чего и Вам желает), почти не пьёт и процветает.

О Новой Земле у него сохранились самые приятные воспоминания.

“Мне нравится...”[‡]

Работаем на Новой Земле. Уже ложится снег, здорово холодно. Студент - практикант мерзнет, весь в соплях. Подошло время перекура. Развели в затишке костер, вскипятили чай. Студент, утирая вспотевший нос, - “Мне нравится!”

Косько М.К.

Вечный лейтенант

Моим старшим другом был Николай Александрович Савельев. В пятидесятые – шестидесятые годы мы с ним работали на съемке в Корякии, сначала геологами у Николая Николаевича Пагольского, потом я стал начальником отряда, и Коля перешел ко мне и вел поиски. Съёмку мы делали в основном с другим Колей – Николаем Семеновичем - Радченко, моим другом еще с Горного института. Мне и Радченко тогда еще не было тридцати, Савельеву праздновали сорок в 1962 г.

* По рассказу Е.А. Кораго записал О.И. Супруненко

Николай Александрович воевал с 1941 г. Он с детства хотел быть военным и перед самой войной после школы поступил в артиллерийское училище, что на Московском проспекте напротив Технологического института. Закончил училище в сентябре или октябре лейтенантом, командиром взвода противотанковой артиллерии. Это был ускоренный выпуск, и сразу на фронт. Был в Сталинграде, участвовал в Берлинской операции и других серьезных сражениях. Случалось стрелять по танкам с открытых позиций из пушек калибра 45 мм. Эти пушки плохо справлялись с танками. Демобилизовался из Германии в 1947 г. в звании гвардии лейтенанта. Весь приличный званию и должности командира взвода комплект ранений и наград у него был.

Я не раз спрашивал, как он ухитрился остаться лейтенантом, достойно пройдя всю войну. Отвечал он либо по латыни - *Fatum non penis ...*, - либо в русском переводе. Ответ понятный, но слишком общий. А мне хотелось подробнее. Ясность образовалась неожиданно.

1963 или 64 год. Середина сезона. Переправляемся на клипперботе с левого берега р. Апуки на правый в поселок Ачайваям, где находится база экспедиции. Река серьезная. Сплываем с косы на косу, потом тащим клиппер вверх вдоль косы, снова сплываем и вверх по следующей косе. Коля Радченко и я тянем за веревку, Савельев сзади подправляет веслом. Я - в грусти, поскольку по прибытии на базу должен получить от начальника экспедиции Б.Х. Егизарова по полной программе за имевшее недавно место прямое невыполнение его распоряжения. Оба Николая должны присутствовать, оба – в курсе. Разговаривать не хочется. Идем медленно. Ноги вязнут в гальке. Сквозь шум воды и шелест гальки тихий ровный голос Савельева.

- Ты, Миша, не бз... Начальство любит, когда его на х.. посылают.
- Коля, я понял, почему ты кончил войну лейтенантом.

Мы вдруг заметили ласковую погоду, ощутили радость переправы, - такую же, как радость верховой езды, лыжных пробежек, карабканья в гору - и многого другого, теперь уже оставшегося в прошлом. Посмеялись и вспомнили, что все равно баня будет вытоплена, будет свежее белье, добрый ужин с приятными людьми, с закусками и напитками.

Лайба А.А.

Мишка на севере

Новая Земля, осень, 1979 год.

Мы прибыли на последнюю точку. Лагерь поставили на пригорке у самой реки. Вниз по течению расстилалась бурая обводненная тундра. А вверх, за речным поворотом, горбился невысокий скалистый хребтик. В свете неяркого дня он отливал отчетливой синевой. Причина была не в освещении, хребтик почти целиком состоял из флюорита: сине-лилового минерала, имеющего промышленное значение. Нашей задачей и было обследовать этот хребтик и отобрать технологическую пробу. На точке мы собирались покопаться с неделю, без спешки да с попутной рыбалкой. Безымянная речка напрямую уходила в недалекое море. Поэтому в ней водились и морской поджарый голец, и широкая краснобрюхая палия. Обе, как заводные, шли на простую блесну.

Первый вечер на точке вышел тихим. Полный штиль и долгие серые сумерки. Чуть мерцали на склонах холмов лоскуты прошлогоднего снега. И настороженный силуэт песца маячил на пригорке. Видно, рыбу почуял. Летом эти серые зверьки были смелы и нахальны: возле самых палаток крутились, да еще обидчиво тявкали, когда их гнали. А сентябрьский песец уже по-зимнему белый. И пока снег не выпадет, он пуглив и осторожен.

Ублаженные свежей ухой, мы выкурили по сигарете и разошлись, усталые, спать. Палатки наши стояли так: у берега камбузная, а за ней две жилых. Моя была крайней, и обитали мы в ней троим: Серега, Вася и я. В средней палатке разместились Володя, Андрюха и Алексей.

Под утро меня разбудили крепким толчком. В палаточной тьме я с трудом угадал Леху, нависшего надо мной в одном белье.

– Ты чего?

– Не шуми! Где ружье?

– Ружье?

– Да! Кажется, медведь в камбуз забрался.

– Медведь? Белый? – я судорожно полез из спальника.

– Белый, конечно! Где ружье?

– Там! – указал я в угол.

А сам вскочил и затолкся очумело, разыскивая в темноте одежду.

– Где патроны? – сунулся с ружьем Леха.

– Патроны? У Васи надо спросить.

Вася спал в тесном мешке, запеленатый до самых глаз. С трудом добились сначала невразумительного мычания, а затем сонного вопроса: какого, мол, черта нам надо?

– Где патроны, Вася? - тормозил я его, - медведь в палатку залез!

– Какой медведь? - вяло поинтересовался Вася, - в какую палатку?

И вдруг почти мгновенно выдрался из застегнутого спальника. Он потом рассказывал, что в глаза ему кинулась беловатая тень Лехи, маячившая у входа. И Василий решил, что медведь это он!

Через минуту мы уже стояли в ряд у камбузной палатки. Володя стоял с карабином, Леха с ружьем, я с ракетницей. Едва занимался рассвет. Камбузная палатка смутно желтела в пятнадцати шагах от нас. Похоже, в нее действительно кто-то забрался. Вход был расхристан, а полотняные скаты временами резко подрагивали.

– А ну! Кто там живой – выходи! – закричал Володя нервным фальцетом.

«Как к человеку обращается!» – мелькнуло у меня в голове.

И сразу затем белая ушастая морда проворно высунулась из палатки.

Медведь!

Медведь как-то небрежно оглядел нашу фалангу и... юркнул обратно.

Мы даже растерялись на минуту. Ничего себе! Его жизнь решается, а он...

– А ну-ка, пальни из ракетницы, – скомандовал мне Володя.

Шмах-х-х! – и красный комок огня запрыгал, шипя, по земле у камбузного входа.

В следующее мгновение из палатки одним прыжком вымахнул наш непрошенный гость. И... встал неподвижно в трех шагах от горящей ракеты.

Это был точно медведь. Некрупный, поджарый, в белом плюшевом меху. Повидимому, еще молодой, не набравший ума и матерости. Очевидно, поэтому он не боялся ни нас, ни даже огня. Пригнув голову, он заворожено смотрел на шипящую, сыплющую длинными искрами огневую шутиху. А мы заворожено глядели на него. Но вот стал меркнуть огонь, и ударил вдруг оглушительный выстрел! Это Володя разрядил в воздух свой карабин. Он выстрелил так неожиданно, что вздрогнули даже мы. А медведь взвизгнул и стремительным шаром скатился к реке. Кинулся с плеском в воду и запропал в темноте...

Здорово!

Не успели мы перевести дух, как за спинами бухнуло:

- Эй! Кто стрелял?

Мы вздрогнули и враз обернули похолодевшие спины.

Фу ты черт! Из нашей палатки выглядывала недоумевающая голова Сереги. Он, оказывается, всю охоту проспал. И подхватился только от выстрела.

Громкий и облегченный смех раздался ему в ответ. Комизм был в том, что вот так же, минуту назад, выглядывала из камбузной палатки удивленная голова мишки. А потом мы оглядели себя, и наш смех стал просто неудержим. Картинка была почище перовской. Леха стоял в кальсонах, но с ружьем наперевес. Я был в ватнике, но без штанов и сапог. Мои босые ноги по щиколотку утопали в холодной торфяной жиже. Но потешней всех выглядел Вася. Он стоял в майке и рваных трусах, со всем своим хозяйством наружу. Труссы он порвал, когда выскакивал из спальника. По вечерам, влезая в мешок, теплолюбивый Вася просил помочь ему завязать все тесемки и застегнуть все застёжки. А утром в обратном порядке я помогал ему рассупониться. Но сегодня, приняв Лешку за мишку, он выдирался сам из наглухо запакованного мешка.

Отсмеявшись, мы провели ревизию нашего камбуза. Шутки шутками, но там хранились все наши припасы. И обнаружилось, что медведь покусился только на уху. Свалил кастрюлю на пол и почти все сожрал.

– Молодец! – поздравил меня Володя, – такую уху сварил, что даже медведю понравилась.

Спать мы уже не ложились. Попили чайку, пока рассветало, и отправились на работу. Исходили вдоль и поперек флюоритовый хребтик, наметили линии опробования и завезли к концу дня пустые ящики.

Ужин у нас получился праздничным. Владимиру, нашему начальнику, исполнялось 34 года. Весь сезон приберегал он на этот день бутылку спирта. О заначке своей крепко молчал. Тем радостней было открытие. И мы, оживленные, расстарались с закуской. Надергали свежих гольцов, наварили, нажарили. Приготовили икру-скороспелку. Я испек свои хлебные лепешки. И когда стемнело, собрались за стол в

камбузной палатке. Памятуя о недавнем госте, я прихватил с собою ракетницу. Я предлагал захватить и ружье, но от меня отмахнулись рукой.

– Медведь теперь так напуган, – авторитетно заявил Леха, – что и на километр не подойдет!

И за столом, освещаемом двумя свечами, было весело, как никогда. Сезон уже был на излете, почти все дела переделаны, и скоро домой. У начальника, который был нам, как брат, – день рождения. И острой приправой к вечеру – утренний мишка. Понятно, что медвежья тема была у всех на устах. Сначала посмаковали каждую деталь свежего происшествия. Потом углубились в воспоминания.

Володя вспомнил историю, что случилась в позапрошлый сезон. Они завозили на точку двух человек: промывальщика и девицу-геолога. Доставили их на вездеходе, помогли растянуть палатку и уехали. А час спустя палатку навестили медведи: один матерый и два поменьше. Дело было к вечеру, местность вокруг – голая каменистая тундра. И одинокая палатка на ней, как брошенный бумажный фантик на асфальте. Базовый лагерь, куда вездеход укатил, в 30 километрах. Куда деваться? И укрылись те двое в палатке. Девица вход торопливо застегивает, а мужчина карабин к бою готовит.

Вообще-то убивать белых мишек нельзя, они – заповедные. Можно только отпугивать. А если уж убивать, то только при явном с их стороны нападении. А как угадать это явное нападение? Белый медведь, между прочим, самый крупный из современных хищников. У него прыжок один – десять метров! – «Прикидывайте, – говорят инспекторы, – сами. Но коль что не так – большой штраф!».

Так вот, кинулся промывальщик карабин заряжать, а патронов-то нет! В вездеходе уехали. Забыли, как это в суете бывает.

И сидят они, горемыки, в палатке. Все оружие – нож да лопата. А медведи так и ходят вокруг. То нюхнут шумно у самого окошка, то по стеночке лапой скребнут. И опять ходят, вроде как размышляют: лезть?.. или не лезть?.. А те, внутри, не чают утра дожидаться, чтобы помощь по радиации вызвать. Хорошо, хоть не темно было: низкое ночное солнце над горизонтом и длинные от медведей тени. В конце концов, промывальщик тот спать лег (коль медведи в раздумке). А геологиня, понятное дело, глаз до утра не сомкнула. Утром медведи ушли, как и не было вовсе. Приехал вскоре вездеход и снял людей вместе с палаткой.

Это Володя со слов той девицы рассказывал. Затем Андрей в сочных красках живописал случай, что видел сам. В прошлый сезон в их лагерь явился медведь. Среди белого дня появился. Старый, угрюмый, с грязной свалывшейся шерстью. Протопал хозяином через лагерь и залег у подталога снежника. Все в тревоге схватились за ружья и заняли оборону. А он лежит себе метрах в семидесяти, и на людей – ноль внимания. И пролежал таким образом почти двое суток.

К следующему утру все подуспокоились и стали заниматься своими делами. Только за водой к ручью (в сторону снежника) ходили с напарником и карабином. На вторые сутки Коля Соболев пошел за водой уже и без карабина. Ну, лежит себе медведь и лежит, сколько раз уж ходили. Пошел, правда, с напарником. Полдороги они прошли как обычно. А потом медведь встал и неспешной трусцой двинулся им наперерез. Что в башку ему звериную вошло – один он знает. Бывалые люди рекомендовали в таких случаях отпугивать зверя громким металлическим стуком. И Николай, не потеряв выдержки, загремел ведром о ведро. Медведь действительно отреагировал. Трусивший до этого с лентой, он тотчас пошел большими прыжками. Прямоком на людей! Напарник завопил и бросился без оглядки в тундру. А Коля, бесстрашный Коля,

швырнул в медведя пустым ведром! Хорошо или плохо, но он промахнулся. Тогда он стал пятиться назад и отмахиваться вторым ведром. И... споткнулся! Уже в падении, в последнем отчаянном махе ведра, он угодил ребрышком днища прямо по кончику медвежьего носа!

Медведь рывкнул и взвился в небо всеми четырьмя лапами. Прямо в воздухе развернулся на 180 градусов, и на второй космической умчался прочь!

Мы запили рассказ добрыми мерками спирта, разведенного по широте. Я был доволен. У нас тоже было свое происшествие. Будет, что вспомнить и рассказать. А то целый сезон в тундре и ни одного медведя!

Закурили.

– Пойду, дровишек в печку подброшу, – сказал, вставая, Володя.

– Ракетницу возьми, – предложил я.

– Да ни к чему.

– А если медведь?

– А я его матом! – ухмыльнулся начальник.

И вышагнул из палатки в ночь.

Кто-то из нас заговорил, но осекся на полуслове. Потому что в палатку вдруг ворвался пронзительный крик:

– А-а-а! ...твою ма-ать!!

Нервный электрический ток пронзил позвоночники. – «Не может быть! Так не бывает!» – скользнуло в сознание.

Через мгновение в палатку влетел Володька. Живой-невредимый, но, что называется, без лица.

– Дай ракетницу!

Выхватил пистолет и от входа пальнул вверх. С шипящим свистом ушла в небо ракета. Когда она распустилась в ослепительную розочку, мы уже стояли наружу. В красном фотографическом свете мы увидели нашего медведя. Он преспокойно стоял в двадцати шагах.

– Представляешь, – гад! – возбужденно пояснил Володя, – выхожу из палатки, а он – рукой достать! И морду ко мне тянет, принимаюся.

Стало понятно, почему Володька так закричал.

Медведь выжидающе глядел на нас. Мол, фейерверк – хорошо, а что дальше? А дальше выгорел заряд, и упала крошечная тьма. Мы стояли, как пригвожденные. Даже пошевелиться боялись. Ракетница была пуста. Патронов в запас я не брал. Все наши ружья остались в палатках. Ближайшая – в двадцати шагах налево. И в двадцати шагах напротив – медведь. Стоит или крадется к нам? Честно говоря, очень хотелось укрыться, ну хотя бы в камбузной палатке.

– Вот что, – тихо сказал Володя, – стойте тут и громко разговаривайте. А я за ружьем.

И он неслышно отступил в сторону. А мы, делать нечего, стали покрикивать:

– Эй! Медведь! Мотай отсюда, пока не шлепнули. Слышишь? Уматывай!

Наконец грохнул долгожданный выстрел. И следом второй. В дульных вспышках мы успели заметить, как белая тень метнулась к реке. Ушел, наконец!

Вооруженные всем, чем можно, мы снова собрались в камбузной палатке. Хмель из голов выдуло веселой жутью. Был поздний вечер, а впереди – ночь. И она обещала быть бурной. Никто уже не говорил, что напуганный до пяток медведь отмеряет километры вдаль. Поэтому решили оградить лагерь зажженными плошками и установить дежурство.

Плошки, консервные банки с соляжкой, расставили по периметру и подожгли. Через час, подливая горючее, мы заметили с Васей беловатую тень. Медведь? Больше некому! Огонь, что ли его привлекает? Встревоженные, рассказали друзьям о своем открытии. Все покачали головами, а Леха поежился. Полчаса назад он, безоружный, отходил к плошкам по нужде. Посмеялись, но решили от плошек отказаться. Выходило, что риску от них даже больше. И порешили ложиться всем спать. Одетыми и с оружием наготове. И по первому шороху – выскакивать.

Как ни странно, мы в своей дальней палатке быстро и крепко уснули. А через пару часов нас растолкал все тот же Леха.

– Он снова на камбузе, – сообщил Леха.

В пять секунд мы были готовы. И снова стояли шеренгой против камбузной палатки. Кинули вверх ракету. Действительно, вход в палатку был широко раззявлен, но движения внутри не замечалось.

– Удрал, похоже, – сказал кто-то.

– Он там! – уверенно возразил Володя, – когда я тут вас дожидался – шорох внутри слышал.

Отгорела ракета. Мы, застыли, прислушиваясь. И вдруг отчетливо плеснуло в реке.

– Медведь? – спросил я.

– Вряд ли, – ответил Володя, – скорее, рыба.

– Слушай, а может, он через заднюю стенку ушел? – сказал Леха.

Запалили вторую ракету. В ее красном тревожном свете Леха осторожно обошел палатку.

– Идите сюда! – закричал он, – медведь ушел!

Задняя стенка нашего камбуза была вспорота от конька до земли. По-видимому, одним ударом когтистой лапы. Сама палатка была, конечно, пуста. И значит, тот плеск в реке был наверняка медвежьим.

Прямо через брешь мы забрались внутрь. Подсвечивая спичками, мы увидели полный раззор. Поваленный стол, опрокинутый бочонок, развороченные ящики с продуктами. И поверх всего – мучная россыпь из разодранного мешка. Да, разгром. Увиденная картина ошеломляла своей дикостью. И уже вполне допускалось в умах, что медведь может сунуться и в людскую палатку.

И тогда мы решили его убить!

Вторую ночь этот зверь держал нас в напряге и такое вот вытворил. А раз так – шутки в сторону. Еще раз сунется – убьем. А в том, что сунется, мы почти не сомневались.

Бедный мишка! Молодой да глупый! В тот темный предутренний час нам тебя не было жаль. Допек ты нас крепко. И вообще: каждый охотник желает знать, где сидит фазан. А в каждом мужчине сидит охотник.

Мы подремали в своей палатке около часа. Затем услышали глухую возню со стороны камбуза. «Совсем обнаглел!» – подумал я.

Натянули сапоги и выскочили наружу. И сразу же (я выныривал в тот момент из палатки) ударил сухой хлесткий выстрел. И коротко взревел медведь. Следом полыхнула ракета. В овражке за камбузом я увидел нашего медведя. Он лежал навзничь, уткнувшись мордой в землю. Вася с ружьем наперевес бросился к нему.

– Не подходи! – закричал Володя, – он, кажется, ранен!

Этот крик словно разбудил зверя. Медведь вдруг вскочил и кинулся прочь. Он удирал, явственно припадая на переднюю лапу. Несколько секунд растерянности и вслед ему прогремели выстрелы: сухой карабинный и гулкий ружейный. Медведь аж взвился, но припустил пуще. Значит, не попали. И тут же погасла ракета. Василий уже в темноте разрядил в направлении беглеца свой второй ствол. А Леха пальнул вверх следующую ракету. Когда она распустилась, мы увидели медведя далеко в тундре. Он благополучно удирал прямо к нашему синему хребтику. Стрелять больше не стали. А когда ракета угасла, заметили, что уже светает. В сероватой мгле отчетливо белела заснеженная долинка в боку хребтика. Туда как будто и убежал медведь.

– Упустили! – разочарованно сплюнул Вася.

– Когда я выскочил, – объяснил Володя, – я увидел его за камбузом. Он сидел на задних лапах, а передними раскачивал палатку. Представляешь? Как будто свалить хотел! Потом увидел меня и побежал в овраг. И тут я выстрелил. В правую лопатку куда-то попал.

– Поспешил ты, – подсадовал Вася. – Надо было меня дожидаться. Я бы из ружья долбанул, – никуда бы он не делся.

Василий был прав. Легкая карабинная пуля пронзила медведя навывлет, не причинив ему большого вреда (вон как улепетывал). А вот массивная ружейная пуля уложила бы его на месте.

Мы сгрудились в одной палатке. Расшевелили печку, поставили чайник. И держали «совет в Филях». Как быть? Поле боя как будто осталось за нами. Но! Медведь ранен, а значит, – вдвойне опасен. Необходимо его найти и добить. А если не найдем, то следует, по примеру славного полководца, отступить в полном порядке. То есть спешно уехать еще до наступления ночи. А касательно работы, сделать то, что успеем за день. На том и решили.

Через час, когда вполне рассвело, мы вышли к хребтику: Вася, Володя и я. Осторожно поднялись на снежник, осмотрелись – все чисто. Ни следов крови, ни отпечатков лап. Тщательно обследовали весь хребтик. Пусто. В бинокль оглядели окрестности. Ничего. Либо удрал, куда глаза глядят, либо так затаился, что сходу не распознаешь. А еще мы держали в голове, что могли наткнуться на него уже мертвого (если рана смертельная). Но и это было не так. И выходило по всему, что нам уезжать.

Мы двинулись обратно в лагерь.

«Значит, все-таки жив, курилка!» – почему-то обрадовался я.

К вечеру мы уехали.

В курилке

– В первую свою Антарктиду я улетал самолетом. Оформлялись через «Зарубежгеологию», была в Москве такая контора.

– Это в каком году было?

– Сейчас я тебе скажу... В 1984-м году это было.

Утром в день отлета мы в ту контору приехали, а наши паспорта еще не были готовы. К обеду, не очень торопясь, эти конторские нам их выписали. Потом один из них поехал сначала в МИД, чтобы паспорта заверить, а потом в Мозамбикское посольство за визами.

– Ничего себе!

– Да, черт знает, как они работали! Документы на выезд мы начали оформлять еще в январе. И в райком партии ходили, и в Смольный, некоторых даже в ЦК вызывали. Наконец, приезжаем в контору, а зарубежные паспорта не готовы. Да они при нас чистые бланки заполняли!

В общем, выдали нам паспорта только в 3 часа дня. А самолет вылетает в 6-ть. И за час до отлета заканчивается регистрация.

– Успели?

– Слушай дальше. Посадили нас в специальный автобус и повезли. Выезжаем из центра – то пробки, то улицы перекрыты. Да еще водитель говорит: «Надо заправиться, иначе до Шереметьева не доеду». Заезжаем на одну заправку – бензина нет, заезжаем на другую – километровые очереди, да и заливают там всего по 20 литров, обычная практика тех лет.

В аэропорт мы приехали ровно в 6-ть. Думали, что самолет уже улетел, но рейс задержали, так как было нас все-таки человек 30. Ладно, оформляем декларации, закрываем границу, все как положено. Тогда багаж, кстати, не просвечивали, а вручную досматривали. Стоит передо мной в очереди авиатор с двумя чемоданами. Таможенник ему говорит: «Открывайте!» Он открывает первый – все в порядке. – «Открывайте второй!» Он открывает второй, – сверху газета «Правда» лежит, аккуратно расстеленная. Таможенник газетку подымает, а там весь чемодан водкой набит! Бутылок 20, наверное, шмотками переложены. Таможенник ему: «Да вы что? Не знаете, что норма – две бутылки?» А тот в ответ: «Товарищ, я же в Антарктиду лечу. На полтора года!» Таможенник на него посмотрел, потом на чемоданы, потом опять на него: – «Ладно, – говорит, – закрывай!» Так и прошел.

– Но газета была «Правда»?

– Именно, что «Правда», и чуть ли не со свежей речью Генерального секретаря партии товарища Черненко. Он тогда генсеком у нас был.

Потом еще были заморочки с перегрузом. Можно было провозить с собой 30 килограммов багажа, из которых 20 шли бесплатно, а 10 оплачивало САЭ. Но почти у каждого был избыток. А взвешивали для быстроты скопом. Когда подсчитали, оказалось что килограмм 150 лишних. Представитель САЭ кричит: «Платите каждый за свой перегруз!» Но каждый воротит морду и делает вид, что у него перегруза нет. Пришлось сазшнику самому оплачивать, да еще в долг, потому что денег у него не хватило.

В общем, взлетели мы с опозданием на два часа.

– А летели-то вы как?

– Летели мы по такому маршруту: Москва – Симферополь – Каир – Джибути – Дар-эс-Салам – Мапуту.

В Каир мы прилетели ночью. Почему-то долго кружили над городом перед посадкой. Каир с воздуха – огромная такая плоскотина в зареве огней. И черный Нил где-то посередине. Наконец, приземлились и отрулили в какой-то тупичок. Подогнали к нам трап, открыли двери, но никого не выпускают. Внизу у трапа два солдата с автоматами встали. Так и просидели мы в самолете в жуткой духоте, пока нас заправляли.

– А чего они так?

– Не знаю. У нас же с Египтом отношения тогда были не очень. Самолеты они еще принимали, а людей – нет. И было в этом что-то унижительное. Потом, насколько я знаю, через Каир уже никто не летал.

– Но хоть кормили?

– В том рейсе? Не то слово! Только взлетим, уже что-нибудь несут. Только задремлешь, как уже будят: обедать пора! И так весь перелет. Это тебе не на внутренних линиях.

– А в Джибути как?

– В Джибути нас выпустили и дали передохнуть. Аэродром там, кстати, прямо на морском берегу расположен. Снижаемся, идем на посадку и все над морем и морем. Уже колесами почти воду цепляем. Потом, наконец, берег и сразу же бетонная полоса.

– А Дарасалам это где?

- Дар-эс-Салам – это столица Танзании, считай, в самом центре Африки.

А какой там аэровокзал, ребята! В современном таком тропическом стиле. Белоснежные стены, ажурная крыша и темные зеркальные окна. В первый раз я увидел, что современная архитектура может быть такой красивой. А то мы привыкли к нашим коробкам, и казалось, что ничего другого и придумать нельзя.

Внутри прохладно, и классическая музыка негромко играет. Полированный мрамор, чистота идеальная, и тут же черные женщины что-то еще протирают и моют. Аэровокзал пустой, только наш рейс, то есть мы, полярники, да еще наши рыбаки, летящие на суда.

Специально для нас открыли шикарный бар, отделанный красным деревом. Мы туда все набились и разглядываем всякие там «Уолкеры» и «Мартели», а денег-то ни у кого нет. Ну, может один или два человека купили что-нибудь по мелочи. Тогда же ввозить валюту, а главное вывозить почти невозможно было. Все что получали за рубежом, старались там же и тратить. За перелет нам должны были платить по 22 доллара в сутки. Однако эти деньги нам выдали только в Мапуту.

И вот, представьте картинку: сгрудилась у стойки толпа из белых здоровых мужиков, а напротив стоит бармен – лохотный такой негр в атласном жилете. Все жадно разглядывают бутылки, втихую матерятся, но ничего не покупают. Потом кто-то вызнал, что в баре есть холодная вода, и что она – бесплатно. А пить тогда действительно хотелось, так как в самолете больше кормили, чем поили. И вот этот негр наливает в стаканы воду и с таким презрением, с таким высокомерием швыряет

эти стаканы на стойку, что они, скользя, слетали бы на пол, если бы их не подхватывали наши люди, страдающие от жажды и унижения.

Нам с Колей стыдно стало, и мы отошли. Решили потом подойти, когда толпа рассосется.

– Подошли?

– Да, но лучше бы не подходили! Я знаками показываю бармену, чтобы воды нам налил, а он, сука, делает вид, что не понимает. Разговаривает с подошедшим негром и на нас демонстративно не смотрит. Мы ушли оттуда, как оплеванные!

А когда уже шли к самолету, вдруг разразился настоящий тропический ливень! Поливало, как из ведра, и мы в одну минуту вымокли до нитки. Дождь, правда, был очень теплым, и вода под ногами парила, как в бане. Карабкаемся мы с Колей вверх по трапу: внутри жажда мучит, а снаружи мы до трусов мокрые!

В Мапуту прилетели в середине дня. Жара под 30-ть или даже больше. На аэродроме стоит уже ИЛ-18-ый, на котором нам в Антарктиду лететь. Получили мы багаж, и нам говорят: загружайте его сразу в тот самолет. Пока загрузили – опять вымокли, но уже от пота.

Проходим регистрацию, выходим на площадь, а там автобус стоит на самом солнцепеке. Рядом наш народ накапливается, а кое-кто уже в автобусе сидит. Двери у автобуса закрыты, стекла не тонированы – чего же они там парятся? – думаю. Снаружи хоть ветерок немного продувает. Но те сидят внутри и чуть ли не с превосходством на нас глядят. Смотрю, еще двое постучали, водитель им открыл, и они вошли. Тогда и я решился. Вошел, а там такая бодрящая прохлада, такой кайф после жары, что даже и не передать.

– Кондиционеры?

– Ну, конечно! А мне-то невдомек было, в первый раз же. И никто не спешил подсказать, кто знал!

– Это ты про Мапуту рассказываешь?

– Да! Проходи, садись. Молодежь тут просвещаю, рассказываю, как раньше было.

– В этом Мапуту меня однажды чуть не пристрелили!

– Ни фиги себе!

– Это когда?

– В 30-ю экспедицию. Мы тогда на «Байкале» в Мапуту пришли и должны были в Москву самолетом лететь. Но перед тем мы 5 дней в городе гужевались. И на 2-ой день, поздним вечером шел я от магазинов хорошо поддатый. Ну и забрел на какую-то территорию. Меня окликнула охрана, и я бросился бежать.

– Зачем бежать?

– Говорю ж тебе, что поддатый был!

– Это тогда ты кричал: «Нихт шиссен!»?

– Нет! Это на «Поларштерне» было. Тоже по пьяни, конечно.

А тогда я почти убежал, но споткнулся на бегу и упал. Они меня догнали, руки мне, гады, скрутили и повели в местное КГБ. А безопасностью у них кубинцы заправляли. Они же тогда социализм строили, и кубинцы им помогали.

Я нещадно матерился и обзывал их черными тварями! Говорю им, что я русский, а они не верят. Потом пришел еще один кубинец, он русский понимал немножко. Ну, тот хоть признал, что я вроде бы по-русски матерюсь.

Тогда они повезли меня к русской врачихе, она у них работала по контракту. Врачиха им говорит: «Разденьте его!» Они раздели меня, а я был почти черным от загара.

– А загореть когда успел?

– А когда в Антарктиду шли!

Ну вот. Врачиха ничего не понимает и говорит: «Снимите с него и трусы!». Но фиг она угадала: я и там был черным! Я же голышом загорал.

– Нет, – говорит врачиха, – это не русский, хотя матерится он классно!

– Что ж ты делаешь? – кричу. – Ты же мне приговор подписываешь!

– Да, действительно, ты со своим шнобелем и загаром вполне на араба тянешь.

– Но я уговорил ее все-таки позвонить Ефремову, он у нас был начальником рейса. Она спрашивает: «А фамилия твоя как?» Я только головой мотаю: «Приедет, – говорю, – узнает!»

– Приехал?

– Приехал! – «Да это же, говорит, наш Зверев!» – и увез меня в гостиницу.

Утром меня наш секретчик вызвал и спрашивает: «Ты ничего им не говорил, ничего им не обещал?» – «Нет! Я им даже фамилию свою не называл!» – «Бумаг никаких не подписывал?» – «Не подписывал! Да я и вам ничего не подпишу!» – «Ну и правильно!», – сказал наш секретчик, штатный гебист.

А вечером к нам консул приехал и сказал, что мне повезло. Они в таких случаях сначала стреляют, а потом разбираются. – «Сиди, – говорит, – в гостинице и никуда не ходи. Они очень злые на тебя: говорят, что ты их черными обезьянами называл!» – «Нет, – говорю, – только черными тварями!»

– Ха-ха-ха!

– Но все обошлось? Улетел нормально?

– Улетел я нормально. В день отлета все напились, и больше всех Ефремов. Мы с Карнауховым, как самые трезвые, его в самолет заносили. По трапу втащили и хотели уже налево нести, а там наш консул стоит, он тоже с нами летел. – «Нет, нет, – сказал он шутливо, – дипломаты налево, а бандиты (на меня намекая) – направо!»

Вот тогда он и сказал, что меня не убили только потому, что нашелся среди них человек с русским языком. Русского убивать кубинцы постеснялись. Я случаем воспользовался и спросил: «А чем мне это может грозить?». – «Да ничем, наверное, – сказал он, – историю твою наш посол воспринял с юмором, поэтому «телегу» писать скорей всего не будет.

– И не писал?

– Нет, посол не писал. Но зато написал Бочков, наш начальник по сезону. И на следующий год меня тормознули. Только через год я поехал снова. Тогда начальником сезона шел Масолов, и Бенья мне сказал: «Сходи к нему, Серега, смири гордыню и попросись». Я сходил к нему, поговорил, как положено, и поехал.

С тех пор, вот, и езжу во все экспедиции, лет 15 уже подряд.

2000 г.

Ледовитое слово

(заметки лингвиста)

В антарктическом житье-бытье сложился за многие годы свой треп, свой жаргон, свой полярный фольклор. Много взято из корабельной лексики, ибо полярник, шлепающий по долгой воде в Антарктиду, немножко уже моряк. Поэтому на полярной станции кухня всегда камбуз, столовая – кают-компания, а туалет – гальюн. Исключением только дом, где начальство обитает, его почему-то именуют на всех станциях Пентагоном. Вошла в полярный быт и привычка «давить адмирала» – отлежаться часок - другой после увесистого обеда.

Не так давно существовали соответственно и две категории морского транспорта: «черный пароход», то есть грузовой, ледокольный, и «белый пароход» – пассажирский, научно-исследовательский. Теперь остался разьединственный «красный пароход»; в Антарктиду он ходит нерегулярно, оставляя время для этих ностальгических заметок.

Полярник со стажем ценит в долгих морских переходах тропический балдеж, валютный платеж и разгульный кутеж в инпортах, особенно в «пьяных» портах, где в изобилии дешевый алкоголь. Не будем клеветать, не только загулы у него на уме, но и прогулки по экзотическим местам, а также шоп-туры по дешевым распродажам в поисках «колониальных» товаров для дома и семьи.

Какие слова, какие понятия ласкали еще недавно отморозенное ухо полярника: Лас-Пальмас, Монтевидео, Порт-Луи, Сингапур, Антверпен и даже Рио-де-Жанейро, где люди ходят в белых штанах. На каких пляжах случалось ему загорать среди голых, но знойных аборигенок, какие розарии и дендрарии ему случалось топтать, какие вина, сладкие и терпкие, случалось пивать в тени пальм. Как говорится, были когда-то и мы рысаками! Нынче из всех заморских излишеств остались в утешение полярникам только город Кейптаун, что на мысу Доброй Надежды, и городок Бремерхаффен, что близ старинного германского Бремена.

А какую мануфактуру, какую аппаратуру случалось покупать на утаенную от самого себя валюту? В «байкальский» период, то есть в период, когда белоснежный, нашпигованный полярной братвой «Байкал» курсировал между Антарктидой и Сингапуром, в большом фаворе была звукотехника. В каждой каюте гремели динамиками «Шарпы», «Хитачи», «Тошибы» и «Панасоники». Полуоглохшие, но счастливые владельцы сравнивали между собой цены и ватты, определяя наиболее выгодный курс потраченных долларов к вырученным децибелам. При всех сравнениях ощущался финансовый недостаток. Ведь ходили тогда на судах, как выразился один остряк, со скоростью три доллара в сутки. (Впрочем, и сегодня, в новом тысячелетии, эта скорость едва перевалила за цифру пять.) В антарктических водах случались задержки из-за ледовых условий, что, в связи с вышесказанным, алчно приветствовалось. Если лед был так себе, то говорили: «Ну, это «тошибистый» лед!». А

если влезали в сплоченные ледяные поля, сулящие большие задержки, то планку поднимали высоко: «Шарповый» лед, мужики!».

Между прочим, полярники сами себя этим звучным и гордым именем не называют. Ну, разве что с ухмылкой: «Мы, мол, герои-полярники!». На судах они – экспедиционный состав или просто разшники (саэшники), а на своей материке – зимовщики и сезонники. Если по профессиям, то – наука, радио, технари, авиаторы. Последние еще и летуны, а когда в сердцах, то «поморники» (нахальные, вороватые птицы, населяющие летом антарктические берега). Синоптики могут юмористически переименовать в «сказочника», если он частенько попадает пальцем в небо. Зимовавшие на каждой станции секретчики (штатные гэбисты) носили заспанные прозвища «Ухо» и «Молчи-Молчи». Механики-водители – механеры, водилы, а теперь еще и драйвера. Приходилось слышать и обобщенное: драйвериат.

Одно из старейших словообразований – «казшка», основная униформа полярника: неказистая, но теплая куртка и полукомбинезон. Пожалуй, не все ветераны уже помнят, когда Комплексная антарктическая экспедиция (КАЭ) была переименована в Советскую (САЭ), а та в Российскую (РАЭ), но казшка продолжает существовать. Она меняет покрой и фактуру, приобретает гордую эмблему, но остается на плечах все той же казшкой.

Доезживают последние километры «Харьковчанки» – тяжелые военные тягачи с широкими гусеницами и утепленными кузовными домиками. Машины всеми любимы и уважаемы, а что до названия, застревающего в горле, то они давно заменены на панибратски-ласковую «Хохлушку». Широкогусеничные бульдозеры, добравшись до Антарктиды, остались «болотниками», а машины со стандартной обувкой именуются «узкопленочными».

На каждой станции и полевой базе есть свой «бананис» – холодный продуктовый склад. Название это вылупилось так. На станции Молодежной под холодный склад вырубил в скале просторную штольню. Рядом на скальной стенке полярный художник нарисовал развесистую пальму, а под ней полуголую девицу. Отсюда и повелось – «бананис». Примерно так же вошло в обиход на станции Новолазаревской название транспортной площадки. На прилегающей скальной гряде отъезжающий патриот вывел большими буквами название своей малой родины. С тех пор в местной топонимике и появилось площадка «Ухта». Название можно встретить даже в официальных отчетах: «Разливы масла и топлива на площадке «Ухта» сведены к минимуму». Надо ли ожидать, что по примеру «бананиса», «Ухта» распространится по всему матерiku? Не знаем, но будем держать ухо по ветру.

О суровом Полярном законе и Ледовом братстве полярники вслух не вспоминают. Это дело журна-писателей. Но, по-видимому, в ответ на лирику препараторов человеческих душ появились свои антиподы: «Опытный полярник боится трех вещей: холода, голода и работы», «Настоящего полярника теплом не испугаешь», «Ошпаренных меньше, чем обмороженных», «Закон – пурга, пингвин – хозяин» и т.д.

В глоссарии полярного Остапа найдутся также такие слова и выражения, как барьер, сток, купол, достояние человечества, середина зимовки, противопоставили мужество, личный забор, озоновая дыра, оазис (не путать с Сахарой), «От винта!», залечь в шхеры, «Скоро буду, целую!», белая мгла, белая горячка, белый континент и проч. Эти слова давно раскассированы, поэтому комментировать их нет нужды.

Наконец, здесь в ходу словесные обороты, звучащие для постороннего уха забавно. Можно услышать, например: «Иду я как-то по Берегу Правды...», или: «Когда

я мерз на Королеве Мод...». Что ж, полярник есть полярник, он мерзнет везде, даже на королеве.

И вообще, любит полярный народ поиграть словом, выразиться заковыристо и смачно. Некоторые именуют айсберги исключительно «айзенбергами», а всякую инвалюту – «..ябриками». Один ветеран-геолог говаривал, когда наступала маршрутная погода: «Ну, разлупило на нашу голову!». Когда же погода портилась, он восклицал: «Замрачало на наше здоровье!».

Каждый полярник знает, кто такие походники, восточники или миряне, но не всякий поймет, что за птица «Севморгук». А это известный поэт и острослов Витя Боярский объединил в одну сцепку две изыскательских конторы: Севморгео и ГУГК.

Или такая картинка с натуры. Станционный «сказочник» запрашивает погоду у проходящего судна. Радист ворчит, что синоптика нет на месте.

– А сам не подскажешь, какая там у вас облачность?

– Облачность? – радист выглядывает в иллюминатор, – да полуясно вроде.

– Как ты сказал? – не понял «сказочник», ибо термина такого в метеорологии нет.

– Полуясно, говорю!

– Не понял!

– Да полуясно, говорю, полу.. твою мать!

Любит также полярный брат подшутить над иностранцами, прямо таки джином его не пой! Скандинавская сезонная база Aboa-Vasa (Або-Васа), открытая недавно на Земле Королевы Мод, перекодирована нашими языкотворцами в Бабу Васю. Стоящий на ледовой трассе индийский домик-убежище с видной издалека вывеской BANDJARA (Банджара) переименован в Бомжару.

Прилетевших на базу «Союз» доктора Грю из Америки и профессора Хофмана из Германии, очень скоро именовали между собой не иначе как «доктор Хрю и профессор Хохман». Оба, кстати, прилично знали русский язык. Конечно, порой ошибались, коверкая наш великий и могучий. Наиболее удачные слова-коверкоты вошли в полярный фольклор. Так профессор Хофман, когда что-то недопонимал, останавливал собеседника словами: «Минеточку, минеточку!». Доктор Грю, отправляясь в маршрут, щеголял заимствованной у кого-то фразой: «Ну что, попи..дьюхаем по холодку?». Иногда он восклицал: «Я думаю, что это ..уня!».

Многомесячное вращение в полярных кругах закаляет душу, но огрубляет язык. И по пути на желанную Родину, уважающий себя полярник стремится избавиться от старых одежек, вредных привычек и словесной шелухи. Случаются, конечно, накладки. На «Байкале» в милой женской компании один из полярников, вставших на путь исправления, попытался заменить в анекдоте одно емкое, но малоприличное слово на литературный эвфемизм. Он начал правильно, но тренированный за долгую зимовку язык повернул на свое. И вышло так: «Мужской половой х..!».

Сейчас в Антарктиде пасмурные времена. Однако полярный народ дышит, словотворит и надеется на лучшее. Надежда, как известно, кончает последней.

Специально из Антарктиды, ваш соб. лингв. 2002 г.

Небрезгливая муза

«...фламандской школы пестрый сор».

А. Пушкин

Есть такая расхожая фразочка: «Что естественно, то не безобразно». Кажется, еще древние это сказали. Я бы только добавил: не безобразно, но часто смешно. Особенно в свете полярного дня.

1. Полярный кот

На станции Молодежной в радиобюро висел одно время фотопортрет самоуверенной котинной морды. Правый глаз кота был нагло прижмурен. Надпись внизу гласила:

«В н и м а н и е!

В доме проживает кот Васька, он же – Вездессуций.

Просьба не выпускать кота за дверь.

Может окончательно застудить мочевого пузырь.

Пашка-радист»

А ниже чья-то лукавая рука приписала: *«Он же – Подтирающий!»*

2. Мужские хлопоты

На ту же Молодежку к синоптикам прибыло пополнение. И комендант дома обратил внимание, что один из новичков слишком часто бегаёт отливать в туалет. Это бывает. У каждого, как говорится, свой ритм. Беда была в другом. После каждого кратковременного визита этот новичок очень долго и тщательно мыл руки. А с водой на станции напряженка. Ее надо заказать, привезти, залить в баки да еще подогреть, чтобы не замерзла.

И комендант вежливо указал новичку. Мол, водичка-то нынче того, беречь надо. А тот не менее вежливо возразил: гигиена, дескать, прежде всего.

И тогда комендант вывесил в туалете собственноручный совет:

«Лучше один раз качественно вымыть член, чем десять раз руки!»

Кажется, помогло.

А некоторое время спустя, посетила тот домик стайка женщин с подошедшего ледокола. Побывали они и в полярном клозете. И хохотали потом, как сумасшедшие.

3. Их нравы

Мой добрый приятель работал с американцами в горах Трансантарктики. Однажды его попросили сопроводить на ближайшую горку молодую аспирантку.

– О кей! Ноу проблемс! – сказал он, и они пошли.

Взобрались по крутому склону на выровненное плато. Аспирантка стала камешки собирать да в книжку записывать. Он ей по-джентельменски помогал и развлекал легкой беседой.

Погода стояла как по заказу: солнце, синие горы и ни малейшего ветерка. Ну, разве что птички не пели. Впрочем, морозец стоял ощутимый. А приятель мой как-то уж оделся легковато (в готовной спешке). И подступило отлить. Огляделся он и приуныл. Как два перста они были на ровном каменистом плато. Хоть на километр отходи, все равно будешь, как на блюдечке.

И стал он исподволь свою спутницу поторапливать. Мол, не замерзла ли она? А то бы вернулись. Но она с кокетливым задором отвечала, что с настоящим русским ей никакой мороз не страшен. А «настоящий русский» клял себя за то, что не отлучился при подъеме на плато. Ведь за любой уступчик мог завильнуть! И даже хотел, было, да как-то проскочил.

В общем, маялся он, пока не «вспомнил», что в лагере его ждут неотложные дела. Увел он ее с плато пораньше и на спуске, в хаосе глыб, благополучно отстал. И снова почувствовал, что жизнь светла и прекрасна!

На подходе к лагерю им повстречался американец, коллега аспирантки. Конечно, остановились, перекинулись словом. И вот тут мой приятель едва не рухнул обалделой башкой в снег. Он увидел как американец, не прерывая разговора с дамой, расстегнул штаны, полуотвернулся и... стал отливать!

4. Каприз природы

В 17-ю САЭ на барьере ледника Ламберта открывали сезонную геологическую базу. Когда подухнула авральная суета, вспомнили о двух фундаментальных вещах, имеющих между собой известную связь. Первая – продуктовый холодильник, а вторая – обыкновенный гальюн. Головной объект поручили соорудить бригаде маститого геолога, а, так сказать, выводной – бригаде не менее известного географа-писателя.

Обе бригады решали поставленные задачи с похвальной выдумкой. В качестве природных заготовок были выбраны две глубоких ледяных трещины, обнаруженных неподалеку от базы. Первая бригада перебросила через таковую два крепких и длинных бревна. С бревен опустили на веревках вниз (на недоступную для солнца глубину) мешки с отборными деликатесами: копченой колбасой, осетриной, икрой и прочими закусками. Бревна скрепили между собой скобами и оградили трещину флажками. Все, склад готов.

Вторая бригада вырубил в соседней трещине просторную нишу, застелила днище досками и вырезала в нем круглое очко. Получилось изящно и экономно, с максимальной адаптацией к местным условиям. Тем же вечером ледяной гальюн был торжественно открыт начальником базы, перерезавшим на входе голубую ленточку.

Наступило утро, и объявились неучтенные следствия остроумной задумки. Всего за одну короткую ночь складская трещина наглухо сомкнулась, поглотив в своих недрах мешки с деликатесами. Туалетная же трещина продолжала приветливо зиять, однако желающих облегчиться как-то не находилось. Полярники справедливо опасались, что и она, по примеру первой, может коварно захлопнуться, да еще в самый щекотливый момент.

Начальник базы по прозвищу Соловей-разбойник разразился громогласной тирадой, состоящей из трех нот. В первой он сурово пенял складской бригаде за

головотяпство, во второй категорически запрещал пользование ледяными гальюном, а в третьей предписывал срочно построить обычный туалет без выкрутасов.

Все было исполнено, как по нотам. Вместе с тем ожидали, что не сегодня-завтра складская трещина разойдется, и базовые деликатесы, пусть и подавленные, будут вырваны из ледяного плена. Этого не случилось. Зато вторая трещина вместе с пустующим гальюном простояла по капризу природы без всяких подвижек весь летний сезон.

5. Шило в мешке

В давние романтические времена работали советские геологи на Земле Королевы Мод. На хрупких АН-2 летали по окрестным горам, делая до шести посадок в день. Когда портилась погода – отсиживались в полевых лагерях.

Однажды в разгар сезона вдруг запуржило на целых три дня. Видимость была нулевой, а ветер был столь свиреп, что приходилось руками удерживать дуги палаток, чтобы не унести с ними до самого моря. Что касается самолета, привязанного к кольям, то даже не чаяли найти его в целости.

Однако выстаивали, топили печку и спали по очереди. Если подпирало отлить – использовали пивную бутылку, которую затем опораживали, высунув руку за дверь.

На третий день, когда слегка попритихло, самолетный механик решился выскочить до ветру по серьезному делу. Однако всполошился начальник отряда:

– Какое там «попритихло»! Выйдешь и сгинешь. Терпи!

– Не могу я больше, Семеныч! Так приспичило, что, боюсь, не совладаю.

– Ну, еще чуток потерпи, может, и вправду ветер ослабнет.

– А давайте я веревкой обвяжусь, – предложил механик, – тогда уж точно не потеряюсь.

Так и сделали. Вынырнул механик в пургу, и пяти минут не прошло, как он уже за веревку дергает. Втащили его обратно всего заметеленного.

– Спасибо, ребята! Успел, сделал дело. Можно теперь дальше пурговать, – и сунулся, довольный, к печке.

Проходит некоторое время, переглядываются ребята и носами шмыгают. Вроде как пованивать стало. Когда признаки переросли в уверенность, начальник отряда, человек суровый и резкий, спросил нетерпимо:

– Кто обклялся?

Переглядываются снова ребята и руками разводят.

– Вроде нету таких, Семеныч. А воняет точно, и не выветривается!

Смотрит старшой с подозрением на механика:

– Ты набедокурил?

– Ты что, Семеныч? Ты ж меня сам на веревке выпускал.

Однако запах густеет, и затерянная в горах палатка уже напоминает своей атмосферой запущенный городской туалет.

Озаренный догадкой начальник тычет пальцем в механика:

– Снимай портки!

– Зачем, Семеныч?

– Снимай, снимай!

Семеныч был прав. Все механиковы дела обнаружили у него в полости между кальсонами и штанами. Забросил их туда, конечно, ветер своим игривым порывом. Когда же счастливец пригрелся у печки, шило и выперло из мешка.

6. Небрезгливая муза

*«Когда б вы знали, из какого сора
растут стихи, не ведая стыда...»*

А.Ахматова

Прилетев впервые на Молодежку, мы поселились в пятом доме, что по улице Сомова. (Улица, впрочем, была всего одна и даже не воспринималась как таковая.) Комендантом дома был старожил Огурцов, оказавшийся большим приятелем Димыча, старшего нашей группы. Димыч был ветеран, а мы, молодая тройца, – полярными новичками. Обживались мы в домике вполне успешно. Однако через пару дней в туалете появилось объявление:

«К сведенью новых жильцов!

После справления большой нужды следует продолжительно смывать унитаз водой.

Комендант»

Во всех станционных домах стояли железнодорожные унитазы с ножной педалью. Фекалии собирались в железный бак, и для последующей откачки требовалось, чтобы содержимое его было достаточно жидким. Поэтому и рекомендовалось щедро разбавлять поставляемый продукт водой (единственный случай, когда водяная экономия не поощрялась). Для откачки и вывоза был приспособлен старый гусеничный вездеход. Крашенный в небесный цвет, он был известен в обиходе как «Голубой вагон».

Во все эти подробности нас охотно посвятил Димыч. И в развитие темы он даже скропал из комендантского объявления поучительный стих. Отстукал его на печатной машинке и повесил рядом с первоисточником. Теперь всякий, заходя в туалет, читал и перечитывал:

*«Чтоб справить умело большую нужду,
не вызвав при том коменданта вражду,
чтоб зря не тревожить «Вагон голубой» -
дави на педаль ты левой ногой!»*

Вечером к нам заглянул комендант в самом веселом расположении духа.

– Димитрий, – сказал он, – твое сочинение?

– Совсем не обязательно! – ответил не менее довольный Димыч. – У нас тут все грамотные и на машинках печатать умеют.

– Ладно, – обещающе мигнул Огурцов, – я разберусь.

И уже на следующий день в нашем туалете появился новый плакатик. Разумеется, тоже в стихах. В своем творении поэт-комендант узнавал, так сказать, брата Колю. Заключительные строчки его гласили:

«Кто с музами в доме у нас налегке?

Его разгадал я по левой ноге!»

С ногой, кстати, был не просто поэтический вольт. Наш Димыч слегка припадал на правую ногу, и давил на педаль, очевидно, левой.

Через пару дней Димыч отбился целой поэмкой. Красной нитью в ней проводилась мысль, что, мол, от нашего коменданта даже в туалете не спрячешься. В споре двух поэтов она выделялась не только объемом, но и выгодным помещением: на двери против унитаза.

И – пошло-поехало. В состязание включился третий пиит, еще один старожил пятого домика. Затем слух о поэтическом ратоборстве распространился по станции. И вместе с ним стал нарастать поток «дацзыбао», авторы которых жили уже в соседних домах. Через пару недель наш маленький туалет превратился в выставку поэтических автографов. Они густо залепливали стены и лезли на потолок. Некоторые были набраны на машинке, другие писаны от руки, а третьи разрисованы фломастерами всех цветов. Темы были самые разнообразные, не выходя, впрочем, из общего туалетно-гигиенического направления.

Любит русский человек самовыражаться! Запомнил я, например, с юности такую надпись. На выходе из городского туалета какой-то остряк врезал, как на века, в стенную штукатурку: *«Мужчина, застегни мотню! Администрация»*.

Но дальше. Обратная сторона светлого почина состояла в том, что в туалет наш стало нелегко попадать. По прямым надобностям. У дверей почти постоянно толпились любители свежего поэтического слова. Некоторые старательно переписывали в тетрадку наиболее гремучие вещи. А один усердный собиратель (радиолог из Киева) переписывал все подряд. Он аргументировал это по-маяковски: мол, для матери-истории все ценно.

Наконец, привлеченные необычным аншлагом, нашу выставку посетили начальник зимовки и замполит. Они провели в тесной кабинке изрядное время, а выходя – усмехались и качали головами. Я их встретил, когда выносил на публику свое собственное слово.

Но я, можно сказать, опоздал. Через два часа, по указанию замполита, наш комендант аккуратно снял все шедевры и отправил куда следует.

В мусорное ведро.

7. Арийский опыт

– Будешь у индусов, – прочти надпись над писсуаром! – напутствовали меня перед поездкой.

– А что там за надпись?

– Вот прочтешь и узнаешь!

От Новолазаревской до индийской станции Мэйтри мы добирались меньше часа на вездеходе по объездной дороге. Можно было и напрямую пешком, но на дворе стоял апрель, и дули осенние морозные ветры.

Станция Мэйтри – одноэтажное металлическое здание в форме буквы С. Все насущное там собрано под одну крышу: жилые отсеки, лаборатории, камбуз, санчасть и даже церковь, причем одна на все религии, – от буддистской до христианской. Была там, конечно, и такая проза, как туалет.

В здании не то чтобы прохладно, но через некоторое время чувствуешь, что озяб. И организм своевременно подает об этом сигнал.

«Очень кстати! – подумал я, – заодно посмотрю, что там за надпись такая».

– Где тут у них туалет? – спросил я одного из наших зимовщиков, бывавших на Мэйтри неоднократно.

– А тебе зачем? – насторожился он.

– Как зачем? Отлить!

– А-а! С этим просто. А вот с другим лучше потерпеть до нашей станции.

«Странно!», – удивился я про себя, – и решил при случае расспросить поподробней.

Мой проводник вывел меня в боковое крыло здания на какой-то холодный склад. В дальнем его углу стояла небольшая выгородка из фанерных щитов.

– Здесь! – указал он.

Я отворил кособокую дверь. Два стандартных и не вполне свежих писсуара висели на стенке. Над каждым был прилеплен плакатик со следующей сентенцией по-английски (перевод мой):

«Он короче, чем ты думаешь! Поэтому, сделай, пожалуйста, еще один шаг»[§].

«Лихо! – улыбнулся я и сделал добавочный шаг, – индусы, как видно, тоже с юмором люди. Если, конечно, это не английский юмор».

Позднее я расспросил моего проводника, что там за сложности с большим делом.

«Не то чтобы сложности, просто своя специфика. Когда мне там приспичило, я вот так же, как и ты, попросил индуса-приятеля сопроводить меня в туалет. Мы с ним запросто болтали по-английски, и вдобавок я подучивал его немного по-русски. Индусы, между прочим, выговаривают русские слова почти без акцента. Братья-арийцы, так сказать».

Ну вот, приходим мы с ним на тот же склад, где писсуар, и там мой арийский приятель вдруг подает мне старую газету.

– Это что, – удивился я, – вместо туалетной бумаги?

– Сейчас увидишь, – отвечает он и подает еще пустую пластиковую бутылку с обрезанным горлышком.

– А это зачем?

[§] Люди, желающие удержать человека от заблуждений, были и есть во ВНИИОкеангеологии: еще в конце прошлого века в туалете на 3^м этаже на Английском, 1 можно было прочесть их призыв: “Не лести себе, подойди поближе...” (Ред.).

– Для урины!

Такие приготовления стали меня немного заботить.

А дальше он заводит меня в соседний выстуженный отсек. Холодина там была совсем, как на улице! В отсеке железные перегородки стоят, а между ними прямо в полу – круглые очки-отверстия. Приглядываюсь - все перегородки, стены и сами отверстия покрыты густым слоем сажи. И запах стоит неприятно-горелый!

Мой проводник расстелил газету прямо на очко и поясняет: «Вот сюда будешь делать дело. Потом результат надо завернуть в бумагу и вот этой палкой протолкнуть в очко. Урину надо собрать в бутылку и вылить в писсуар. Бутылку вымыть и поставить на полку».

– Слушай, – потрясенный спросил его я, – а почему тут все в копоти? Пожар был недавно, что ли?

– Нет, – отвечал мой приятель-ариец, – раз в месяц фекалии сжигают прямо на месте. Потом золу собирают и вывозят в Индию.

– Экология! – прибавил он для большей ясности, – глядя на мою совершенно обалдевшую физиономию.

Я машинально кивнул.

Мой арийский Вергилий пожелал мне успехов и вышел.

Я постоял там пару минут. Никакой охоты к делам у меня уже не было. Ко всему прочему у меня уже зуб на зуб не попадал (вышел-то я налегке). Я скомкал газету и протолкнул ее внутрь; потом отнес пустую бутылку на указанную полку.

Больше я в это адское заведение не ходил!»

8. Герой дня

На пути к ледяному континенту есть такой славный географический пункт: город Кейптаун. Город на мысу, город на мушке Африканского материка-пистолета. Перед холодными широтами – последняя возможность для основательной бункеровки джином, водкой и вином. Каждому свое топливо, как говорится. А еще – хлещущее поверх бортов холодное пиво! И бесплатным приложением к программе – экскурсия на мыс Доброй Надежды. Кому для галочки, кому для души, - но ездили все, и продолжают ездить.

В тот раз тоже поехали: почти все новички и несколько ветеранов – вспомнить былое. В последний момент затесался в автобус и наш седовласый герой: из ветеранов, из бывших станционных начальников, а ныне – профессиональных пьяниц.

Автобус покатило вдоль океана по береговому шоссе, и по пути сделал традиционную остановку в поселке Фишбэй у магазина морских сувениров. Скажем прямо: в то голубое утро нашего героя интересовали отнюдь не ракушки и прочие поделки, а дешевая выпивка местной выделки. Разумеется, он ее нашел и залил горящие фибры души изрядной порцией привычного напитка.

Когда автобус подъехал к заповедному мысу, наш осоловелый герой обвел окрестности мутным взглядом и заявил, что выходить не желает. Плевать, что океан синий, а мыс – самой Доброй Надежды. Он будет спать. Да, прямо в автобусе. В общем, не кантовать!

Все разошлись, экономя каждую минуту из отпущенных трех часов.

Водитель пожал плечами и запер двери.

Через два часа наш герой проснулся. Лучше бы он не просыпался. Ему было душно, жарко и гадко. Подзаправиться бы где-нибудь на ветерке. А заодно и оправиться. Герой наш подергал одну дверь, потом другую – заперто!

«Вот так нюх!» – сказал он себе. И поглядел с доброй надеждой в окно. Праздный люд фланировал неподалеку в ярких и легких одеждах. Тут же и бабуины шныряли, выпрашивая подачку, а самые нахальные, – выхватывали предметы из рук у зазевавшихся туристов. И даже кафушка рядом стояла, и монеты звенели в кармане, но... не выйти!

Его заметили уже в окне и с любопытством оглядывали помятую его физиономию. Ах, как обидно стало герою. Ведь даже обезьяны краснозадые – и те на свободе. А он – царь природы – заперт в стеклянной клетке! Уже и пальцем показывают!

Да, именно тогда перед нашим героем встали во весь рост два извечных вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?». Ответ на первый вопрос был ясен: виноват, конечно, водитель, коварно лишивший его свободы. Второй вопрос требовал определенных раздумий. Разбить стекло? – заурядно. Да и свидетели кругом, могут полицию вызвать. Внутри что-нибудь раскурочить? – утомительно. И все-таки надо было этому шоферюге как-нибудь нагадить... Именно! Нагадить!

Решено – сделано. Прямо на водительском сиденье, чтобы запомнил и другим заказал, что герой наш – человек, а не попугай говорящий!

Повезло нашему удачливому герою. Немыслимо повезло!

Водитель оказался белым! Всегда черные ездили, а на этот раз – белый.

Трудно даже представить, какой случился бы расовый скандал! С грандиозной бранью и адскими проклятиями, с вопиющими лозунгами и нотами протеста. И даже, подозреваю, с мордобоем. И даже, подозреваю, – первым делом!

Но повезло нашему герою. Он даже не загадывал вперед, а повезло.

История умалчивает, какой у него состоялся диалог с водителем. Конечно, они друг дружке что-то сказали. Известно только, что водитель, как настоящий белый человек, – сдержался. Ликвидировал следы потуг нашего героя и поехал. Он даже не высадил его на обочину, а привез вместе с другими в порт. Заслуживает упоминания и такая деталь: герой наш вошел в автобус при костюме и галстук, а вышел, как свидетельствуют очевидцы, без штанов и на босу ногу.

– Как съездили? – спросил начальник экспедиции у старшего группы.

– Обклялись! – мрачно ответил тот.

– В каком смысле? – насторожился начальник.

– В прямом!

Тут и водитель подошел. С виноватой улыбкой он поведал начальнику сию дурнопахнущую историю. И скромно попросил за уборку и моральный ущерб 8 тысяч южноафриканских рэндов (около 800 долларов).

Экспедиционный начальник, пылающий всеми цветами радуги, выдал валюту сполна. Разумеется, вся сумма была удержана авансом из будущих геройских заработков.

На следующий день с него было потребовано письменное объяснение.

Герой написал. Он написал буквально следующее: «Я был пьян и ничего не помню».

Вот она краткость, достойная таланта!

Дьявольски талантлив наш человек!

2003 г.

Милашев В.А.

Научный подход

На бескрайних просторах Сибири в середине полевого сезона встретились горно-опробовательский и геолого-поисковый отряды одной из экспедиций НИИГА. Поставили лагери на противоположных берегах небольшой речки у переката, по которому легко было переходить с одной стороны на другую. На следующий день оказалось, что у начальника горного отряда Лени К. день рождения. Он, естественно, пригласил в гости своего давнего друга, начальника поискового отряда Мишу К. Оба они страдали близорукостью и постоянно носили очки. Достоинно отметили очередное -летие. Хозяин, проявляя галантность и заботу о друге, заявил, что непременно будет сопровождать гостя до его палатки на другом берегу речки. И вот, не вполне твердо держась на ногах они подошли к перекату и стали переходить по нему вброд. Где-то почти на середине Лень К. поскользнулся и, падая, уронил очки в воду. Друзья, конечно, сразу стали искать эту абсолютно необходимую вещь. Но течение очки отнесло от места падения и продолжительные поиски оказались безрезультатными. Тогда поисковик Миша К. сказал, что надо действовать иначе, использовать научный подход: они вернулись на место падения Лени К. и Миша бросил здесь в воду свои очки, будучи уверенным, что река понесет их туда же, где находятся ленины^{**} ... Потеряв вторую пару очков, друзья разошлись по своим палаткам, но веру в великую силу науки не потеряли!

Гурманы и рационализаторы

В одной из экспедиций НИИГА был отряд веселых геофизиков. Они сочиняли и распевали песни, пользуясь не заходящим в летний период солнцем, работали без оглядки на день или ночь, и очень любили вкусно поесть. И не удивительно, что уже к середине сезона у них кончилась мясная тушенка, сгущенное молоко, масло и сахар. Пошли слезные телеграммы на базу экспедиции о том, что у них остались только крупы, мука и соль. Вертолетов тогда еще не было, и начальник экспедиции, высказав

^{**} В.И. Бондарев уточняет мысли исследователей: «Учитывая гидравлическую крупность очков, движение водного потока и т.д., вторые очки должны были приплыть к первым». И завершает свой вариант этой истории по-другому: «Нашли их (геологов) на 3^й день, заморозков еще не было» (ред.).

по радио много "теплых слов" в адрес гурманов, вынужден был организовать доставку продуктов самолетом "на сброс".

Обилие съеденной высококалорийной пищи вызвало прилив творческих сил и безудержную активизацию мозговой деятельности. Результаты не замедлили сказаться - было решено, что мыть миски и кастрюли самым нерационально, поскольку это с удовольствием сделают рыбы в реке. Сказано - сделано: миски и кастрюли стали притапливать на мелком месте в ближайшей речке. Брезгливых среди сотрудников не оказалось и поэтому, несмотря на плохую "работу" рыбьего поголовья все были довольны. Как и следовало ожидать, ликование длилось недолго, поскольку однажды ночью поднявшаяся вода унесла почти всю посуду. Но рационализаторы не унывали. А чтобы при раздаче пищи соблюдалось равенство всех "едоков", была проведена акция "уровень": из малокалиберной винтовки в оставшихся более крупных мисках были прострелены отверстия, исключавшие заполнение их выше "положенного".

Мусатов Е.Е.

Преступление и наказание

На практику и потом, уже молодым специалистом участвуя в научных экспедициях, Женя Мусатов попадал на одно и то же гидрографическое судно... Радистом на нем был высокомерный (по отношению к этим студентам и молодым геологам) и старавшийся держать моду изрядный выпивоха. Мода заключалась в том, что черный фирменный галстук он завязывал малюсеньким узлом, а оставшуюся часть галстука упрятывал в брюки.

Ближе к вечеру он, будучи уже в изрядном подпитии, совершал свой ежедневный гнусный (по мнению большинства команды) ритуал: подходил к фальшборту и прямо в море справлял малую нужду, после чего, окинув презрительным взглядом геологическую мелюзгу и оправив одежду, уходил к себе в радиорубку для продолжения отдыха.

Однажды он выпил существенно больше обычной нормы и, очевидно, поэтому во время ритуала вместо необходимого предмета извлек... кончик галстука. Не заметив подмены, он приступил к действию, но когда понял свой промах, то презрение к стоявшей, как всегда, на палубе шантрапе заставило его довести дело до конца. После чего, застегнувшись и шире обычного расставляя ноги, он удалился в радиорубку, не забыв послать зрителям особо уничижительный взгляд.

Со слов Е.Е. Мусатова
зафиксировал О.И. Супруненко

Три рассказа об интуиции

«Интуиция – чутье, догадка, пронзительность, способность к озарению, в целом основанная на предшествующем опыте; постижение истины путем непосредственного ее усмотрения без обоснования ее доказательствами с помощью логических умозаключений; является субъективной способностью выходить за пределы опыта путем мысленного схватывания или обобщения в образной форме непознанных связей и закономерностей»

(Новейший словарь иностранных слов и выражений. 2005 г.)

С некоторых пор мне стало казаться, что я обладаю интуицией, т.е. обладаю чутьем, пронзительностью и способностью к озарению; могу постичь истину путем непосредственного ее усмотрения без обоснования доказательствами с помощью логических умозаключений, а также выходить за пределы опыта путем мысленного схватывания в образной форме непознанных связей, закономерностей и явлений.

Чтобы подтвердить это мое заявление, я хочу рассказать здесь о трех случаях, произошедших со мной, в которых моя интуиция наиболее ярко проявилась. И не бахвальства ради я хочу рассказать об этих случаях, хотя обладание интуицией, интуитивным сознанием, характеризует любого человека не с самой худшей стороны. Все три рассказа интересны сами по себе, а третий, на мой взгляд, имеет еще и большое научное значение.

Первый случай, подтверждающий, что я обладаю интуитивным чутьем, основанным на предшествующем опыте, произошел со мной в 1964 году 15 сентября на архипелаге Шпицберген на острове Принца Карла. Я тогда, будучи еще студентом четвертого курса Ленинградского Горного института, работал в Шпицбергенской партии НИИГА в отряде Юрия Яковлевича Лившица техником-геологом, или, как говорили иностранные геологи, - «ассистентом». Ассистировал я непосредственно самому Лившицу, иными словами, был постоянным напарником в его геологических маршрутах.

Надо сказать, что ассистировать Юрию Яковлевичу было непросто. Лившицу в ту пору шел 31-й год, был он здоров физически, энергичен и очень(иногда безрассудно) смел. Трудолюбивый от природы, Лившиц собирал тогда материалы для своей кандидатской диссертации по палеогену Шпицбергена и поэтому, как говорится, пахал и рыл землю рогом. Ради сбора этих материалов и удовлетворения своего научного любопытства, Лившиц мог работать днями и ночами, благо ночей, как известно, в Арктике летом не бывает. Мы таскали с ним неподъемные рюкзаки с образцами, забирались на самые высокие и крутые горы, ходили по трещиноватым ледникам и плавали по заливам в любую погоду на небольших трехместных надувных резиновых лодках(эти лодки почему-то назывались клиперботами). В общем, мы рисковали и нарушали всякие правила техники безопасности.

Дело дошло до того, что Валентин Николаевич Соколов, бывший тогда начальником Шпицбергенской партии, когда узнал о наших похождениях, издал официальный приказ, в котором Лившицу за несоблюдение правил техники безопасности был объявлен выговор, а сотрудникам отряда разрешалось не подчиняться своему начальнику в случаях, если они увидят в его действиях опасность для жизни. На Лившица приказ никак не повлиял, он его проигнорировал и продолжал работать по-старому.

Нужно отметить, что Лившиц был еще и везучим. Он несколько раз падал, срываясь со скал, сваливался в бурные потоки горных рек, проваливался в трещины на ледниках, но всегда без каких-либо серьезных последствий. Отдельвался только ушибами, синяками, шишками и легким испугом.

Я не знаю, был ли Лившиц совсем бесстрашным в своих рискованных маршрутах. Что касается меня, то я страх испытывал, но это шло мне только на пользу. Я становился более сосредоточенным, внимательным и осторожным. Преодолевать чувство страха, не доводя его до паники, я научился, лазая по скалам в красноярском природном заповеднике «Столбы» в 1962 году.

Красноярские скалолазы или, как они называют себя, столбисты, любят пощипать себе нервы страхом и специально для этого прокладывают на столбах (скальных останцах интрузий столбообразной формы) сложные жутковатые маршруты, причем лазают почти всегда без страховки. Правда, и у них существовали свои правила техники безопасности. Они коротки: если хочешь жить – не лазай по скалам во время дождя, не лазай в пьяном виде и не лезь туда, куда комар носа не сунет. Выполняя эти правила, я благополучно прошел, преодолевая страх, почти все их душещипательные маршруты.

Нужно отметить, что тогда у меня была неплохая физическая форма. Был легок и имел силёнку – при собственном весе в 65 кг мог поднять 90-килограммовую штангу над головой, на уровне гимнаста 3-2 го разряда владел своим телом и мог быстро и долго бежать.

На остров Принца Карла наш отряд в составе четырех человек: Лившица, меня, старшего техника Георгия Александровича Зуева и радиста Виктора Коврова, был заброшен вертолетом 1 сентября. Две недели без перерыва на выходной день мы ходили в маршруты. Сезон шел к концу, и Лившиц спешил изучить все известные и неизвестные разрезы палеогеновых отложений, имеющиеся на восточном побережье острова. 15 сентября оставалось сделать последний маршрут, а на 16 сентября был уже заказан вертолёт, на котором мы должны были улететь в Баренцбург.

Последний маршрут был непростой. Разрез палеогеновых отложений, который нам предстояло посетить, находился на северной стороне ледника Бьюкенена, а наш лагерь был на южной, т.е. нам нужно было пересечь этот ледник. Но в этом и заключалась сложность маршрута. Ледник был труднопроходим. Срываясь почти отвесным ледопадом с тысячеметровой вершины горы с устрашающим названием Тумба Дьявола, ледник в 1,5 километрах от берега пролива Форландсунд резко выполаживался и стекал в пролив, образуя вертикальную стенку высотой 20-30 м, от которой время от времени откалывались с шумом и брызгами огромные глыбы айсбергов. Верхняя, горная часть ледника из-за своей крутизны была вообще непроходима, а нижняя (ниже двухсотметровой отметки), хотя и была пологой, изобиловала большим количеством глубоких зияющих трещин. Ширина пологой части ледника равнялась 8 км.

Учитывая все это, мы с Лившицем решили за ледник сплавить по проливу на клиперботе. Дело в том, что подобные плавания вдвоем на резиновой лодке мы с Лившицем уже совершали не один раз, причём всегда удачно, а иногда даже получали удовольствие. Я обычно греб, а Юрий Яковлевич сидел на дне лодки и смотрел на окружающие горы, отмечая визуально то или иное залегание пород, и мысленно представлял таким образом общую тектоническую картину исследуемого района.

Резиновые лодки обладают большой парусностью, поэтому при хорошем попутном ветре плавать на них одно удовольствие, можно даже не грести, плывут сами, как утки. Соответственно при встречном или боковом ветре на них лучше не плавать.

Утром 15 сентября над островом Принца Карла была безветренная солнечная погода, пролив Форландсунд был спокоен, и мы поплыли. Я, как всегда, греб, Лившиц сидел на дне лодки и о чем-то отрешенно думал. Проплыв метров пятьсот вдоль фронтального обрыва ледника, задумался и я. Плыть нам вдоль высокого ледяного обрыва еще более 7 километров, обрыв вертикальный, как стена, под ним глубокая вода, ширина пролива 16 км - случись что с клиперботом, самое худшее если он спустит воздух, то нам обоим придет конец, причём быстрый и бесславный. Никто наши тела даже не найдет, да и искать, скорее всего, не станут, потому что не будут знать где их искать.

Подумав так, я почувствовал страх, хотя и не панический, но довольно сильный. «Заиграло очко», - говорили в таких случаях красноярские столбисты и советовали испугавшемуся какое-то время переждать и успокоиться прежде чем снова лезть на скалу. Я погрёб еще метров сто, пытаюсь успокоиться и побороть страх, но страх не проходил ... и плыть дальше мне совершенно расхотелось.

Вспомнив приказ Соколова, в котором говорилось, что в опасные для жизни маршруты, затеваемые Лившицем, его подчиненные могут не ходить, я сказал Лившицу:

- Юрий Яковлевич, нам лучше вернуться обратно. Посмотрите вокруг и оцените обстановку сами. Ведь если сдуется наш клипербот, то мы однозначно утонем, причем ни за что и неизвестно.

- А с чего это он сдуется? Никогда не сдувался, а тут вдруг сдуется - возразил Лившиц, но, тем не менее, посмотрев по сторонам и немного подумав, дал команду плыть обратно в лагерь.

В лагере упорный Лившиц решил идти за ледник пешком, взяв дополнительно в помощники Зуева. Зуев Георгий Александрович, а по-простому Гоша, был наиболее опытным из нас. Ему было уже 42 года. Во время Великой Отечественной войны он воевал в морской пехоте, ходил в атаки, смотрел смерти в глаза. Грудь его была прошита насквозь немецкой автоматной очередью. Три зарубцевавшиеся раны от выходных пулевых отверстий на спине Гоши были зрелищем не для слабонервных и двадцать лет спустя после ранения. Кроме того, Зуев поработал в 50-х годах на миллионной съёмке на Новой Земле, где опасностей было не меньше, чем на Шпицбергене. Поэтому рискованные маршруты Лившица Гоша не одобрял и, по мере возможностей, старался от них увильнуть.

- Нам еще рано в крематорию! Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет! - говорил мудрый Гоша в таких случаях. Не хотелось ему идти на ледник и в этот раз, но пришлось. Дело в том, что Зуев, как говорится, был Лившицу обязан. Мудрый Гоша страдал запоями, и в Ленинграде во время запоев мог не появляться на работе

неделями. Лившиц, ценя Зуева как умелого чертежника – картографа, его покрывал, не докладывая об этом начальству и спасал, таким образом, Гошу от увольнения.

В общем, взяв Гошу, но не взяв ни кошек, ни ледорубов, ни веревок, – у нас их просто не было, мы двинулись по пологой части ледника, придерживаясь 200-метровой горизонтали, где было меньше всего трещин. Налегке, по подмерзшему за ночь леднику, благодаря чему поверхность льда стала шероховатой, прошли благополучно все восемь километров. Нашли и вождельный Лившицем разрез. Он оказался плохим – разрозненные коренные выходы в берегах маргинального канала среди боковой морены. Тем не менее, мы разрез обработали, потратив на это часов 7, набрали соответствующее количество образцов и с хорошо потяжелевшими рюкзаками пошли обратно.

Обратный путь оказался нелегким. За день яркое солнце растопило ледник. По нему побежали многочисленные ручьи, текущие в глубоких ледяных желобах, оканчивающихся иногда черными дырами, по которым вода ревущими водопадами устремлялась под ледник. Подтаявший лед покрылся тонкой водяной пленкой, благодаря чему он стал скользким, как намыленный. Стертые за сезон подошвы наших резиновых сапог почти не создавали упора. Мы часто падали, рискуя при этом скатиться в ручей с черной дырой или трещину.

Лившиц, как и положено начальнику, шел первым и прокладывал маршрут для всех. Вскоре я заметил, что прокладывал Лившиц маршрут как - то невнимательно, вернее, опасно. Он перепрыгивал трещины, которые можно было обойти, переходил их по ненадежным, на мой взгляд, снежным мостам и очень часто, чаще, чем мы с Гошей, падал.

Почувствовав опасность того, что Лившиц может завести нас куда-нибудь в гиблое место, я вышел вперед и начал выбирать дорогу сам. Зуев пошел за мной, а Лившиц, таким образом, оказался сзади. В дальнейшем выбирали дорогу мы с Зуевым на пару. Выбирали тщательно, трещины по возможности обходили, и поэтому шли зигзагами, снежные мосты через трещины проверяли на прочность, простукивая их геологическими молотками, на крутых участках вырубали во льду молотками же ступеньки. При этом мудрый Гоша в наиболее опасных местах приговаривал свое любимое «Нам еще рано в крематорию!» и на все лады ругал Лившица за то, что он взял его в этот дурацкий, по мнению Гоши, маршрут. Ругал, правда, негромко, так, чтобы не слышал Лившиц.

А Лившиц ворчания Гоши и не мог слышать – он начал отставать и шел метрах в 50 – 60 сзади нас. Но в какие-то моменты Лившиц неожиданно почти догонял нас, и я понял, что он идет не по нашему проверенному, но зигзагообразному следу, а где-то его спрямляет, т.е. Лившиц, идя сзади, выбирал дорогу сам. И я подумал, что это добром не кончится. Так и получилось.

- Валентин, Гоша! – услышали мы вдруг громкий вопль Лившица. Обернувшись на голос, мы Лившица не увидели. Быстро прошли обратно метров 30 и обнаружили его провалившимся по шею в снежном мосту через трещину в позе распятого Христа. Трещина была широкой, а ее черная пустота уходила глубоко внутрь ледника. Широкий и соответственно непрочным был и надувной снежный мост. Мы с Гошей по этому мосту переходить трещину не рискнули. Приближаться к провалившемуся Лившицу, чтобы вытащить его за руки, было нельзя – провалились бы все трое. Веревок, как я уже говорил, у нас не было.

Что делать? Связали лямками свои рюкзаки, предварительно освободив их от образцов, и с помощью такого «спасательного фала» вытащили своего начальника на безопасное место. Снежный мост, освободившись от Лившица, почти сразу обрушился и на наших глазах исчез в глубине ледника.

- А ведь, ты Юрий Яковлевич, мог бы быть там, – сказал мстительный Гоша, показывая в пугающую черноту трещины – И никакая крематория тебе бы не понадобилась. Вмерз бы ты в ледник на вечные времена!

Лившиц покаянно молчал.

Дальше пошли все вместе, временами держась за руки. Когда пришли в лагерь, первое, что увидели – это наш клипербот, лежащий на пляже в виде тонкого блина. Почему клипербот находился в таком виде, нам рассказал радист. И рассказ радиста поверг меня и Лившица в не совсем легкий шок.

Примерно через полчаса после нашего ухода на ледник, радист застрелил из ружья утку, плавающую в проливе в пятидесяти метрах от берега. Столкнув клипербот на воду, радист доплыл до утки, забрал её и погреб обратно. Но до берега он не доплыл. В двадцати метрах от берега клипербот неожиданно и очень быстро сдулся и практически мгновенно пошел ко дну. К счастью, там было уже не глубоко и радист выбрел сам и вытащил на берег сдутый клипербот.

– А почему клипербот спустил воздух так быстро?

– А у него лопнули сразу все четыре трубки, соединяющие отсеки.

Мы с Лившицем бросились к клиперботу. Действительно, на каждой из четырех трубок, соединяющих отсеки, видны были большие рваные трещины. Естественно, при таких трещинах в трубках, несмотря на то, что они были, как и положено, пережаты предохранительными замками, воздух быстро вышел сразу из всех четырех отсеков и клипербот так же быстро пошел на дно.

Почему лопнули трубки, мы так и не поняли. Было сделано предположение, что они лопнули из-за замерзшей в них конденсатной влаги. Но почему лопнули сразу все четыре трубки, для нас так и осталось загадкой. О том, что трубки могли лопнуть во время нашего плавания вдоль ледового барьера ледника и что бы из этого получилось, лучше было не думать.

Вечером за ужином Лившиц выставил пол-литровую бутылку спирта. Выпили за окончание полевого сезона, за удачное прохождение последнего маршрута и за мой день рождения (15 сентября 1964 года мне исполнилось двадцать семь лет).

Подвыпившего Лившица повело на воспоминания критических моментов прошедшего дня. Он явно переживал вновь свои промахи. Ему, как начальнику, за эти промахи было неловко.

- Валентин, скажи, почему ты сегодня испугался плыть на клиперботе? Ведь ты же раньше никогда не боялся. Ты, что знал, что клипербот выпустит воздух?

- Не знал, Юрий Яковлевич. Я только предположил, что клипербот может выпустить воздух, и мне стало страшно. Наверное, это было проявление интуиции.

Лившиц не успокаивался.

- Валентин, ты знаешь, о чем я думал, когда мы шли по леднику, перед тем как я провалился на снежном мосту?

- Не знаю, Юрий Яковлевич. Лично я думал только о том, как бы мне не упасть и не скатиться по скользкому льду в трещину или ручей с черной дырой.

- А я думал- смущаясь, сказал Лившиц – как я обставлю свою новую трехкомнатную кооперативную квартиру, ключи от которой я получил перед самым выездом в поле.

- А о бабах ты не думал? – съязвил осмелевший от спирта Гоша.

- Каюсь, ребята, думал и о бабах!

Взрыв хохота (Лившиц смеялся громче всех) потряс стены палатки и вершину горы Тумба Дьявола, от ледника Бьюконена с грохотом откололся очередной айсберг.

Ужин продолжался до ночи. В середине сентября ночи в Арктике бывают уже темными. Сидели со свечками. Мигая огоньками в дырах прогоревшей дверцы, топились печка. В палатке было тепло и уютно. И жизнь казалась прекрасной и удивительной. Хотелось петь.

А ведь всё могло бы быть гораздо хуже. Да здравствует интуиция!

Второй случай, подтверждающий наличие у меня интуиции, произошел 18 сентября 1980 года на Новой Земле. Пусть читатель не удивляется, что я так хорошо и точно помню даты событий. Я давно веду дневники, где эти события и их даты записаны.

Я работал в то время старшим геологом в Новоземельской съёмочно-поисковой партии Полярной морской экспедиции «Севморгео». Наш съёмочный отряд в составе начальника отряда Тимофеева О.П., двух старших геологов – Макарова К.К. и Непомилуева В.Ф., геолога Орго В.В., двух вездеходчиков и четырех студентов, успешно закончив плановые работы (картирование пермских отложений на севере южного острова Новой Земли), 14 сентября встал лагерем на одном из озер чтобы ... половить рыбы. Сообщили по рации начальнику партии Бурскому Анатолию Зиновьевичу, находящемуся на базе в поселке Белушья Губа (в просторечии Белушка) о выполнении плана, свое место нахождения и что хотим на этом месте покамеральить дня четыре, привести в порядок свои полевые материалы и только после этого своим ходом (вездеходы исправны, бензин есть) прибудем 19-20 числа в Белушку.

Начальство против такого плана действий отряда не возражало, хотя и знало, чем мы будем заниматься на рыбном озере. Небольшой отдых и рыбалка после завершения работ были в партии негласной традицией.

Надо сказать, что полевой сезон 1980 года был последним сезоном по четырехлетнему проекту партии. В мае 1981 года Новоземельская партия должна была отчитаться за проделанную работу за четыре года, т.е. написать отчет и нарисовать сводную геологическую карту масштаба 1:200 000 на территорию в 27 тысяч квадратных километров. Это очень большая территория. Поэтому рисовка карты, в особенности рисовка пермской её части, беспокоила геологов нашего «пермского» отряда больше всего.

Дело в том, что за четыре сезона на пермских отложениях поработало несколько съёмочных отрядов различных исполнителей. И так получилось, что каждый отряд

разрабатывал и картировал свою местную стратиграфическую схему. Таким образом появилось несколько стратиграфических схем пермских отложений: западная, восточная, пуховская (северная) и бутаковская (южная). И все схемы не особенно четко увязывались (сопоставлялись) между собой. Геологам стало ясно, что, по уму, перед рисовкой сводной геологической карты следовало бы провести увязочные работы. Но эти работы не были запланированы по проекту и наш отряд решил, что может это сделать внепланово, здесь и сейчас.

Каким образом? Отряд поделится на две части. Одна часть его останется на озере камералить и ловить рыбу, а вторая на одном вездеходе поедет на увязку. Из геологов на увязку должны были поехать Макаров, как знаток западной стратиграфической схемы, и Непомилуев, знающий восточную. На Непомилуева, как на самого активного сторонника проведения увязочных работ, была возложена Тимофеевым ещё и вся ответственность за их проведение.

Я разработал маршрут поездки. Он получился рискованным и протяженным. Нам предстояло проехать без дорог и аварий по крутым горам, каньонистым рекам и каменным развалам Южного острова Новой Земли около 300 км и прибыть в Белушку не позднее 20 сентября. Осмотреть при этом несколько ранее составленных разрезов пермских отложений на восточной и западной сторонах острова и сопоставить их. К тому же нам нужно было обязательно встретиться с отрядом Геннадия Владимировича Труфанова, проводившего в этот сезон съёмку на юге Южного острова. Встретиться с Труфановым нужно было тоже для того, чтобы согласовать (состыковать) границы пермских свит, картируемые его отрядом, с границами свит, откартированных ранее на прилегающей территории.

Увязочный маршрут был не только рискованным и напряженным, он был ещё и... тайным. О том, что мы поедим на увязку, Бурскому мы не сообщили, справедливо полагая, что проводить внеплановые и не осмеченные увязочные работы он не разрешит. Плановые полевые работы закончены, начался период их ликвидации, и для начальника партии в этот период нет главнее забот, чем вывезти всех сотрудников на базу без всяких чрезвычайных происшествий и отправить их скорее в Ленинград. Отпускать же один вездеход, неизвестно куда и зачем, для Бурского было бы совершенно ни к чему.

Поэтому мы договорились с Тимофеевым, что в начале увязочного маршрута мы не будем выходить несколько дней даже на радиосвязь. Если не выходим на связь, значит у нас все в порядке. Выйдем на связь только в том случае, если возникнут какие-либо проблемы, например, сломается вездеход. А в вездеходе и вездеходчике я был уверен. Мне почему-то везло на вездеходы и вездеходчиков. В моей многолетней практике езды на вездеходах я ни разу серьёзно не застревал, не ломался, не тонул, не горел, и меня, вернее, мой вездеход ни разу не привозили на базу на веревке.

В общем, прекрасно осознавая, что мы так или иначе совершали производственный проступок, но, надеясь на то, что победителей не судят, мы поехали. Отработав несколько пермских разрезов восточной стратиграфической схемы в бассейнах рек Абросимова и Савина и меняя каждый день лагеря, мы подошли к северной границе территории съёмки Труфанова. 18 сентября на утренней радиосвязи впервые вышли в эфир, с тем чтобы связаться с Труфановым, узнать, где он находится и договориться с ним о встрече. Но связаться не удалось, так как рация Труфанова вообще не вышла в эфир.

Зато вышел в эфир Бурский. Вначале мы с Макаровым получили разнос за самоуправство и волюнтаризм (Тимофеев прибыл на базу и тайное стало явным).

Потом сообщил, что Труфанов уже три дня не выходит на связь и где он сейчас находится, никто не знает. Последний лагерь его был где-то в верховьях р. Бутакова. Поэтому, вам сейчас надлежит : прекратить всякие увязочные работы, разыскать Труфанова и срочно всем вместе выезжать на базу. Это приказ.

Ситуация непредвиденно изменилась и не в лучшую сторону. Ехать на реку Бутакова и искать там предполагаемый лагерь Труфанова мне не хотелось. Это был не запланированный мной крюк в маршруте и я боялся, что у меня не хватит бензина для возвращения в Белушку. Но приказ есть приказ и его надо выполнять.

Заехав на территорию Труфанова, мы решили сначала подзаправиться горючим в депо, находящемся на водоразделе в верховьях р. Юнау. Для обеспечения горючим съёмочных работ отряда Труфанова, восемь двухсотлитровых бочек с бензином были заброшены на водораздел вертолетом ещё прошлой осенью. Мы об этом знали, а место нахождения депо (у топографического знака), было отмечено на нашей карте. Местонахождение депо мы нашли быстро – топографический знак на широком и плоском водоразделе был виден издалека. Но бочек там мы не нашли. Не нашли даже следов их пребывания, хотя обследовали территорию вокруг знака в несколько квадратных километров.

Ситуация осложнилась еще больше. Бензин мы не нашли, а пока крутились около знака в его поисках, с Карского побережья натянуло такого густого тумана, что видимость стала не больше 50 метров. Ехать в таком тумане искать лагерь, точное расположение которого неизвестно, занятие не простое и очень проблемное. Запросто можно заблудиться, истратить впустую весь бензин и оказаться, таким образом, в ситуации, когда самим придется просить помощи у Бурского. Но, в таком случае, несанкционированные увязочные работы точно могли бы обернуться нам боком.

Взвесив всё это, я предложил Макарову, и он со мной согласился, нарушить приказ Бурского и отложить поиски отряда Труфанова до лучших времён: подождать, пока рассеется туман, или подождать вечерней радиосвязи, на которой Труфанов может быть объявиться сам, или просто потянуть время. Не спешить выполнять приказ начальства иногда бывает очень полезно.

Ожидать лучшие времена на продуваемом всеми ветрами водоразделе было не очень уютно. Поэтому мы решили спуститься с водораздела в ближайший ручей, им оказался правый приток реки Савина-3, и встать там на удобном для лагеря месте. Я взял по карте азимут в направлении ручья и мы, постоянно сверяясь с компасом, не торопясь, поехали.

Отъехав по водоразделу километра полтора, неожиданно заметили, что с южной стороны из тумана прямо на нас надвигается какое-то большое темное пятно. Мы остановились. Пятно, приблизившись к нам на 5 метров, тоже остановилось и оказалось ... вездеходом ГАЗ-71. В кабине вездехода за рычагами сидел сам Геннадий Владимирович Труфанов, а сверху на возу в количестве девяти человек прилепился весь его отряд!

Я машинально посмотрел на часы, было 12 часов 30 минут, и мысленно похвалил сначала самого себя за свою интуицию, а затем, так же мысленно, поблагодарил того невидимого и неосязаемого, кто эту интуицию материализовал.

Вероятность случайной встречи наших вездеходов была ничтожна мала. Более того, встретиться в густом тумане на плоском без каких-либо ориентиров водоразделе, мы с Труфановым не смогли бы, даже если бы договорились там встретиться, Но мы,

тем не менее, встретились, причем так надежно, как будто ехали навстречу друг другу по встречной полосе движения автомагистрали, а не по первозданной поверхности Новой Земли. Мы даже чуть не столкнулись. Значит, нас кто-то вёл.

И ещё удивительно. Если бы мы не встретились с Труфановым на водоразделе, мы встретились бы с ним обязательно в этот же день, но на два часа позднее в другом месте. Труфанов переезжал со старого лагеря на новый. А новый лагерь было намечено поставить в правом притоке реки Савина-3, т.е. куда направлялись и мы с Макаровым. Хороших мест для лагеря в ручье было не так уж много. Вернее сказать, оно было единственное. Именно на него мы и скатились с водораздела вместе с Труфановым и поставили там палатки.

Индийский философ Шри Ауробиндо Гхош утверждал, что у людей, обладающих интуицией, есть некий Гид, или Поводырь, который, зная желания своих подопечных, приводит их в нужное время и в нужное место, где их желания и исполняются. Справедливости ради, скажу, что мой Поводырь непостоянен, т.е. мои желания исполняются далеко не всегда и не все. Но 18 сентября 1980 года на пустынном и туманном водоразделе Южного острова Новой Земли он был со мной.

Третий случай, на мой взгляд, наиболее интересный и важный. Он указывает на мою субъективную способность «выходить за пределы опыта путем мысленного схватывания или обобщения в образной форме непознанных связей или закономерностей», иными словами, на мою способность мыслить образами.

Известно, что многие крупные ученые и изобретатели выходили за пределы известного и вторгались в область незнаемого, именно, с помощью образного мышления. Д.И.Менделеев, например, свою периодическую таблицу увидел во сне. Наиболее ярко проявилась такая способность у югославского ученого Николы Теслы. По словам самого Теслы, он будто бы видел электромагнитные поля и радиоволны. Все свои загадочные опыты с электричеством и многочисленные изобретения, в том числе электрический стул, Тесла никогда не рассчитывал. Он их вначале визуализировал, т.е. видел в образной форме, и только потом уже воспроизводил их в натуре. Видения образного мышления преследовали Теслу с детства. А производить сложные математические расчеты Тесла и не мог, он не знал высшей математики, предпочитая ей четыре действия арифметики.

Я не считаю себя крупным ученым, вернее, крупные ученые не считают меня таковым, но, тем не менее, я создал, и я это ясно осознаю, действительно новую и единственную в своем роде, гипотезу происхождения и эволюции нашего мироздания. И родилась эта гипотеза не без помощи интуиции, а точнее, не без помощи моей способности к образному мышлению.

Рождение гипотезы (вернее, первый толчок; озарение; видение образа) произошло 21 ноября 1986 года в г. Ленинграде на Васильевском острове. Но прежде, чем приступить к рассказу о рождении гипотезы, считаю важным осветить некоторые события, предшествующие ее рождению.

Я давно увлекался Михайло Васильевичем Ломоносовым и создал из него что-то вроде культа. Знал хорошо его биографию (мы с ним земляки), изучал его научные

труды по физике, химии, астрономии, геологии, истории, а также его литературное творчество в прозе и стихах.

«Открылась бездна, звезд полна,
Звездам числа нет, бездне дна!»

Только за эти две строчки я готов был считать Ломоносова великим ученым и поэтом.

Зная мое увлечение Ломоносовым, мои коллеги, геологи Новоземельской партии, повесили однажды на стенку над моим рабочим столом в камеральном помещении партии портрет Михайло Васильевича (камералка новоземельских геологов с 1976 по 1991 год находилась на Васильевском острове на набережной Лейтенанта Шмидта, 31). Коллеги повесили портрет Ломоносова в шутку, но шутка мне понравилась, и с тех пор я стал сидеть за рабочим столом, «осеняемый» своим великим земляком.

Далее, в октябре 1986 г. шел многосерийный художественный фильм о Ломоносове. Фильм был хороший и произвел на меня большое впечатление, а в середине ноября этого же года на Университетской набережной на углу с Менделеевской линией был установлен памятник Ломоносову. Открытие памятника показывали по телевизору, я на открытии не был и об этом очень жалел.

В общем, 21 ноября 1986 года в обеденный перерыв я пошел посмотреть открывшийся памятник Ломоносову и засвидетельствовать, таким образом, ему, не памятнику, а самому Михайле, свое почтение. Памятник мне понравился. Скульптору удалось показать одновременно большого ученого и «архангельского мужика».

Отдав дань уважения Михайле Васильевичу, я задумчиво пошел по набережной Невы обратно на работу. Мысли прыгали, думалось о разном : о величии Ломоносова, о его трудах и неустанной борьбе его со своими научными противниками, о мироздании и как-то незаметно задумался я о происхождении Земли.

Как геологу, о происхождении Земли мне приходилось задумываться и раньше. Знал я еще со студенческих времен и гипотезы предшественников о земном происхождении, но, ни одна из гипотез меня не устраивала. Все они, в том числе аккреационные, т.е. слипания из неизвестно откуда взявшихся «планетозималий», казались мне высосанными из пальца и недоказуемыми. Но своей гипотезы о происхождении Земли я не имел.

Итак, иду я по набережной и думаю о происхождении Земли. (Ничего существенного, справедливости ради, мне не придумывается). И вдруг отчетливо вижу своим внутренним зрением, вижу не на сером облачном ленинградском небе, а как бы на экране, расположенном внутри моего черепа в области лба, такую забавную картинку.

Из яркого Солнца примерно через равные промежутки времени выходят (рождаются) одна за другой планеты. Вышла из Солнца в свою очередь и Земля. Планеты, хотя и не так ярко, как Солнце, но тоже светились и были похожи на прозрачные шары. Планеты-шары, надуваясь, увеличивались в размерах, а, благодаря прозрачности шаров-планет, я видел их внутреннее строение.

Ядра планет, в том числе и Земли, были сложены в плотнейшей упаковке маленькими черными неподвижными шариками. Внешняя оболочка, облегающая темные ядра планет, была светлая. В ней тоже присутствовали маленькие черные

шарики, но они были разрозненными и хаотически, как пылинки в воздухе, двигались, иногда сталкиваясь друг с другом. Черные шарики были атомами химических элементов. У некоторых из них для ясности были даже проставлены индексы, соответствующие периодической таблице Менделеева.

Увиденная картина рождения Земли и других планет Солнечной системы почему-то не очень удивила меня и не показалась мне абсурдной. Более того, хотя я не верил тогда и не верю сейчас в возможности контактов с потусторонним миром, я подумал, что уж, не Михайло ли Ломоносов по-дружески подкидывает мне идею рождения Земли. И еще подумал, что Михайло плохого не посоветует.

В общем, визуализированная (образная) мысль о рождении Земли и других планет Солнечной системы меня заинтересовала, и я решил ее проверить, т.е. подтвердить или опровергнуть. Но чтобы сделать это, у меня не хватало знаний, особенно малы они были в астрономии. Чтобы пополнить свои знания в этой области, для начала я купил и тщательно проработал книгу И.К.Кламишина «Астрономия наших дней». Хотя книга поставила больше вопросов, чем дала ответов, увиденная картинка рождения Земли заинтересовала меня еще больше и от себя не отпустила.

Далее, начиная с 21 ноября 1986 г., следующие пятнадцать лет я только об этом и думал.

Вернее, мне думалось, причем думалось навязчиво и непрерывно, помимо моей воли. За это время в поисках нужной мне информации я прочитал сотни книг и журнальных статей из различных областей знаний: геологии, астрономии, небесной механики, астрофизики, физики, математики, биологии, философии. Я прочитал даже «Библию» (не полностью) и долго пытался понять задумчивую теорию относительности Альберта Эйнштейна (пришел в конце к выводу, что теория Эйнштейна - величайшее заблуждение XX века, или, что еще хуже, сознательная математическая мистификация).

В сонме прочитанной литературы на многие вопросы ответов все равно не находилось. Приходилось додумывать самому. Появлялись собственные новые «эвристические» мысли и идеи с соответствующими «эвристическими» волнениями. Было не скучно. Так, в конце концов, появилась моя гипотеза с названием - «Новая гипотеза происхождения и эволюции Вселенной, Солнечной системы, Земли». Гипотеза опубликована в 2000 году в книге с одноименным названием...^{††}

В заключение позволю себе высказать пару пророчеств, основанных не только на интуиции:

1. Человечество будет знать год, месяц и даже день рождения своей Земли – Матери. Правда, метрическую запись о ее рождении придется искать в каменной летописи Марса. Марс родился на 2 миллиарда лет раньше Земли и был свидетелем этого грандиозного события.

2. Мать – Земля припасла для человечества в виде замороженных слоев, залегающих в ее мантии и ядре и состоящих из атомов химических элементов всей таблицы Менделеева, практически неограниченное количество жизненно необходимых ресурсов. Однако проникнуть в этот природный холодильник с несметными богатствами будет непросто, потруднее, чем подняться в космос.

^{††} Далее автор на 2^х страницах убористого текста излагал сущность своей концепции. Однако редакторы, с огромным уважением относящиеся к нестандартно мыслящим людям, сочли, что публикация серьезной гипотезы в сборнике под игривым названием “Байки” может подорвать доверие к интуитивно найденной разгадке сотворения мира.

Но, как говорится, была бы цель. Имея цель – завладеть драгоценным даром Земли – человечество рано или поздно до него доберется. А уже каким образом, это совсем другая история. Замечу лишь, что вскрывать замороженный сейф Земли лучше всего на древних щитах. Именно под щитами, скорее всего, отсутствует высокотемпературная (расплавленная) астеносфера.

Пискарев А.Л.

Арктическая Геофизическая партия

С чего началась Арктическая партия^{††}?

Историкам XXI века трудно будет ответить на этот вопрос.

Сохранившиеся документы - задания на гербовой бумаге со звездочкой, отчеты, обширные тома переписки - познакомят скорее с блистательными результатами ее деятельности. Перелистывая полуистлевшие страницы отчетов, историограф будет вздрагивать, читая о грозившем ответственным государственным сооружениям быстрым и неминуемым разрушении: о катастрофических землетрясениях в желобе Франц-Виктория, когда возникают ударные волны от обваливающегося континентального склона, способные расколоть надвое даже египетскую пирамиду; об обманчивых холмах Новой Земли, готовых поглотить с верхушкой Останкинскую башню; о навалах льда, разрушающих сверхпрочные надолбы, и о коварных зонах разломов, разрезающих все, что на них стоит, как нож разрезает масло.

Но лишь углубившись в тома переписки, он поймет, в какой напряженной и трудной борьбе делали люди Арктической партии свое дело.

Первые документы:

- Нагурской 25 декабря Большой привет Вашему коллективу зпт поздравляем праздником тчк Уважением = Горелов Фомичев.

Месяцем позже:

- Месячный перерыв работе станции объясняется пьянством ответственного за работу Горелова = Фомичев.

Так формировался коллектив. Слабые сходили с круга, сильные оставались в бою, хотя и им, порой, приходилось преодолевать неожиданные и коварные препятствия. Вот документы этого сложного периода становления:

- Лобанов утерял на Диксоне направление, а командировочное удостоверение оставил в гостинице. Пришлите шапку Иванова и шубу Веселова. = Аветисов.
- Авласович утерял фотографию с паспорта и с военного билета тоже. Приклеил старые. Его задержали пограничники и милиция. = Салманов.

^{††} Арктическая геофизическая партия проводила в 1967-70 г.г. изыскательские работы по заказам Минобороны СССР. Начальником партии был А.Л. Пискарев, научным руководителем – Я.В. Неизвестнов.

- Алексей, перед отъездом мы с топографом Заказчика уясняли район работ, помнишь? Так вот, он забыл взять задание с собой. = Гребенников.
- Сегодня ездил в Норильск. Главный инженер встретил хорошо. Просил забрать куда-нибудь буровиков - Алешина и Воробьева. = Гребенников.

Телеграмма:

- Прошу согласия отправку Воробьева заменой техником. = Гребенников.

Днем позже:

- Отправляю Воробьева. Состоит учете психдиспансере. Гребенников.

Для этого периода, как, впрочем, и для других тоже, характерна острая нехватка денег на всех уровнях. Документы хранят послания, отражающие стойкость и энергию в добывании средств у их авторов:

- Александр Филиппович!

Высылаю Вам счета на бревна и доски... Об изготовлении саней и вышки надо договориться с тов. Папиным. Как-то взял 30 руб. у Бурского. Надо бы их ему отдать. = Андреев.

- Высылайте денег скорее Архангельск главпочтамт востребования. = Веселов.
- Вышлите двадцать рублей = Македонов.
 - Срочно вышлите еще шестьдесят = Македонов.
- Прошу перевести 250 - Фукс.
- Ленинград Минерал Федоровой Просим срочно перевести тысячу рублей = Пискарев.
- Необходимо узнать судьбу соглашения семьдесят четыре тысячи = Пискарев Известнов.

Но вот письма и телеграммы, отражающие кипение напряженного труда, величие дел, расцвет характеров. Здесь нервные письма Ларина, усеянные саркастическими кавычками и восклицательными знаками, и обстоятельные отчеты Андреева, бытописания Гребенникова и энергичные указания Ушакова.

Краткая телеграмма с Новой Земли:

- Бурим метр сутки = Ковалева.

Организаторы постоянно озабочены обеспечением работ снаряжением и аппаратурой. Телеграмма с Земли Франца-Иосифа:

- Проверьте наличие кладовой коридоре прибора ПИМ-180 тире ящика с двумя ручками Имущество ЛГУ = Салманов.

Из Ленинграда:

- Шойна Архангельской неизвестному пискарю Сомневаюсь необходимости полевых работах 2-х палаток весом 250 кг каждая — Ушаков.

Не всегда телеграммы понятны. Следуют разъяснения:

- Ребус 6540 означает десять бутылок спирта = Ушаков.

Чем дальше историограф XXI века будет углубляться в документы переписки, тем острее он будет видеть нарастающую организованность, дисциплину, а, главное, оперативность этой удивительной, такой, казалось бы, небольшой кучки людей, за короткое время проникшей и вросшей в самые отдаленные уголки Арктики. Он будет потрясен, наткнувшись на два таких документа, отправленных из Нагурской: Телеграмма:

- Когда сворачиваться = Крюков, 29 июля, 15-00.

И следующая:

- Ликвидация закончена = Гребенников, 30 июля, 9-00.

И ведь так работали люди, называвшие «вездеходом» конструкцию из металлолома, двигавшуюся с места только с помощью трактора!

«Да», подумает будущий историограф Арктической партии, «это были титаны, скромные титаны, феномены, которым мы обязаны сегодняшней жизнью и безопасностью».

И с этими мыслями он наполнит рюмочку и, чокнувшись с воображаемыми великими предками, скажет:

«За незабываемых корифеев Арктической партии!»

Декабрь 1970 г.

Сироткин А.Н.

Проруха

Злостным нарушителем техники безопасности я себя не считаю. Но, как говорят, и на старуху бывает проруха. Я в этом смысле не исключение – было дело: допускал, не соблюдал и даже усугублял. Но, как бывает в любой поучительной истории, наказание всегда ходит за преступлением.

В том памятном сезоне Александр Аркадьевич Красильщиков и ваш покорный слуга работали на Шпицбергене в районе Лифде-фьорда в составе большой международной команды: нас было 13 человек из семи стран. И прямо в лагере у нас стоял маленький французский вертолёт «Белка» (“Squirrel”) – что-то похожее на «Жигули», только с пропеллером. И летает здорово! Работа была организована просто: после завтрака нас группами по три-четыре человека вывозили на разрезы и обнажения, а к ужину вертолёт всех собирал. Сначала мне это очень понравилось: минута – и ты на горе, ещё минута – и ты уже в лагере. И рубаха от пота не мокрая, и ноги не гудят, и всё сверху видно. Но к концу первой недели я заскучал, а к концу второй – потихоньку начал звереть. Поили и кормили нас хорошо, сил было много, а девать их было некуда. Я начал упрашивать главного геолога отпустить меня в пеший маршрут: на подлёте к нашему лагерю, прямо у моря я наметил симпатичную мраморную стенку, густо набитую линзами ржавого цвета. Обнажение прямо кричало о сульфидной минерализации, и меня тянуло к нему. Красильщиков же и слышать не хотел ни о каком маршруте: сам с тобой не пойду, а одного не отпускаю.

В тот памятный день утро было очень мрачное. Плотная низкая облачность накрыла фьорд, в туманной дымке едва проглядывал противоположный берег, а горы вокруг нас как бы растворились в серой промозглой мгле. Погода была явно нелётная, и мы стали ждать, коротая время за бесконечным кофе. К обеду просветлело, облачность начала рваться, пропуская сквозь себя скупые солнечные лучики; в редких окнах стало мелькать голубое небо и вершины гор. Народ засуетился, посыпались предложения одно оригинальней другого – всем хотелось использовать момент и поработать. Лётчик Майкл, швед размером в полтора Шварценеггера, с неразлучным кольцом под мышкой, посмотрел на небо, покряхтел-посопел и согласился. Но поставил одно условие: везёт группу в пять человек и остаётся с ними на горе, чтобы в случае ухудшения погоды сразу всем вместе уйти к лагерю. Все с пониманием отнеслись к этому и быстро выбрали пять счастливиц, включая Красильщикова. Я вышел к вертолёту проводить шефа. Александр Аркадьевич был явно смущён, ему было неловко передо мной. Стараясь сгладить ситуацию, он сказал: «Саша, а ты сбегай до этой стенки, она ведь недалеко... Только осторожнее там...». Заключительную фразу он уже крикнул мне в спину.

Вертолёт был ещё в лагере, когда я уже собрался. Взял всё необходимое, на ремень повесил свой штатный револьвер и в хорошем темпе двинулся в сторону заветного обнажения. До него было около часа хода, а я к ужину должен был вернуться.

Место, куда я пришёл, находилось на берегу фьорда. Низкая облачность продолжала висеть над морем, было пасмурно и тихо. Свинцово-серая вода лежала почти неподвижно. В полукилометре от берега белели в море крупные морские льдины, как напоминание о недавно закончившейся зиме. Обнажение представляло собой скальный выход, круто нависавший над узким песчаным пляжем. Высота мраморной стенки достигала в некоторых местах 7-8 метров, а вдоль моря она вытягивалась на 150 м. На мокром песке тут и там лежали толстые брёвна плавника; на одном из них я и расположился. Сняв рюкзак, достал полевую сумку, фотоаппарат, мешочки для образцов. Работа закипела. Шагая вдоль подножия стенки, кое-где по карнизикам забираясь до её середины, я фотографировал, делал замеры, записывал, отбирал пробы. Кучка образцов возле рюкзака заметно росла.

Увлечённый работой, я ни на что не обращал внимания. В какой-то момент, находясь лицом к обнажению и замеряя компасом залегание пород, я вдруг услышал странные звуки. Они напоминали шлёпанье голых ступней по мелководью тихой речки. Я резко повернулся и обомлел: у меня за спиной из моря выходил, спокойно отряхиваясь, крупный белый медведь. Между нами было три-четыре метра. Это была проруха!

Прошло уже много лет после этого случая, и я часто вспоминаю его, рассказывая в кругу друзей или студентам, но до сих пор не могу восстановить в памяти ни в деталях, ни в целом последовательность своих действий. Для меня так и остаётся загадкой, что же произошло сразу после того, как я обнаружил грозное соседство. И сколько я ни напрягаю свою память, она последовательно воспроизводит своё кино с одного и того же места.

Я уже стою на вершине мраморной стенки и судорожно рву револьвер из кобуры. Кожаная застёжка не поддаётся, не слетает с клапана, и я заполошно дёргаю её в разные стороны. Наконец она срывается, клапан откидывается, и резная ручка нагана тут же укладывается в руку. Ёе холодная тяжесть сразу же успокоила меня, и я начал глазами искать внизу медведя. К моему удивлению, он всё ещё выходил из моря, не

спеша отряхиваясь и разбрызгивая вокруг себя целый фонтан брызг. Я выстрелил в воздух. В тишине выстрел прозвучал очень резко; потом звук отразился от низких облаков в воду, а затем гулкое эхо пошло вдаль, дробясь по пути на десятки раскатистых ударов. Медведь завертел головой, не понимая происхождения звука. Я опустил револьвер, прицелился и выстрелил в море напротив его морды. Тупорылая пуля нагана ударила в воду, словно маленький снаряд, тем самым обозначив моё присутствие. Умный зверь сразу понял, что здесь его не ждут: круто развернувшись, он одним прыжком оказался на глубине и сноровисто поплыл в сторону ледяного поля, откуда он, судя по всему, только что сюда и заявился. Несколько минут я смотрел ему вслед, потом вспомнил про фотоаппарат в кармане анорака, достал его и сделал два снимка медведя уже на льдине.

Медведь ушёл, теперь надо было уходить и мне. Попытка спуститься со скалы прямо к морю не увенчалась успехом; пришлось идти в обход. Потом я некоторое время в недоумении стоял перед стенкой, пытаюсь осознать до конца тайны человеческих возможностей. Так и не разобравшись с этим вопросом, я решил поскорее уйти в лагерь: медведь может вернуться, а повторно встречаться с ним у меня не было никакого желания.

Перво-наперво я стал искать свой компас. Он был у меня в руках в момент роковой встречи, но где я его обронил, не мог сейчас вспомнить. Тщательно осмотрел пляж в этом месте, походил вдоль стенки – компаса не было и не было его футляра. Я чувствовал себя униженным: потерять в маршруте компас – предел падения. Но делать было нечего, надо было уходить. Вероятность мишкиного возвращения, да если ещё в компании с приятелем, грозила мне другими потерями.

Я собрал мешочки с пробами, сложил их в рюкзак. Потом снял с себя полевую сумку, чтобы и её упаковать туда же. Обворачивая ремень вокруг сумки, я вдруг почувствовал, что в ней что-то лежит. Расстегнув замочек и откинув клапан, я увидел на дне сумки футляр компаса. Уже доставая его, я почувствовал приятную тяжесть. В футляре, аккуратно упакованный, спокойно лежал мой компас.

У меня в альбоме есть фотография – далеко в море по большой льдине бежит медведь. Глядя на него, я всегда вспоминаю о своей прорухе, об утерянном компасе и о беспредельных возможностях полярных геологов.

Заблудившиеся во времени

Да-да, в поле бывает и такое... Лето 1989 года на Шпицбергене выдалось на удивление хорошим. Мы в тот год во второй половине июля (а это разгар лета) работали на севере архипелага – в районе Моссель-бухты. Погода стояла отличная: голубое безоблачное небо, полное безветрие и высокая температура. В течение одной декады, бегая в маршрутах по 10-12 часов в одних рубашках, мы (к нашему удивлению) сделали все плановые объёмы и на какое-то время расслабились. Но так как вертолёты за нами должны были прилететь ещё не скоро, мы начали искать дополнительные и очень интересные объекты. Именно в этот момент в наши головы пришла мысль провести опробование древних метавулканитов в районе бухты Вассфарет – примерно в 30-35 км к югу от нашего лагеря. Путь туда лежал вокруг Моссель-бухты, затем через небольшой горный массив, а потом вдоль моря. Единственным серьёзным препятствием на этом пути была речка, вытекающая из озера Феммильшоен, но по опыту своей работы в этом районе с С.А. Абакумовым в сентябре

1986 года я знал, что она, в принципе, поддаётся форсированию без особых проблем. Сказано – сделано.

Прекрасным июльским утром мы с моим товарищем Сашей Ларионовым вышли в маршрут. По нашему плану, мы должны были за первый день добраться до Вассфарета и взять интересующие нас пробы. После ночёвки в охотничьем домике, к вечеру второго дня, мы собирались быть в лагере. Так планировали мы, но где-то планировали иначе.

Отличная погода способствовала нашему движению к югу. За интеллектуальными разговорами и время, и дорога уходили назад незаметно. А первая неприятность ожидала нас почти у финиша: в четырёх километрах от Вассфарета мы упёрлись в ту самую речку и только тут поняли, что любое явление может иметь две стороны – светлую и тёмную. Тёмной стороной в нашей ситуации был тот простой факт, что тёплая и тихая погода, так радовавшая нас, инициировала мощную оттайку, которая превратила тихую речку в бешеный поток. Раз за разом мы пытались пересечь её вброд, и каждый раз вода нас опрокидывала, грозя в любую минуту затащить в узкое ущелье, выплыть из которого было бы невозможно. Мокрые и обескураженные мы вышли на берег моря, развели костёр из плавника и решили перекусить, а заодно и обсудить нашу проблему. Но надо отметить, что о капитуляции не было даже намёка.

А ситуация была очень конкретная. Озеро, которое речкой соединялось с морем, называется Феммильшоен, что по-русски значит Пятимильное. Узкое, как офицерская сабля, оно пересекает весь район в широтном направлении своей глубокой долиной, а на востоке венчается крутым выводным ледником. Этот ледник выходит с высокогорного ледяного плато, а обрывается прямо в озеро. Любому, кто решил бы обходить озеро, пришлось бы делать крюк вёрст на 40-45, и все по горам да ледникам. Перспектива весьма непривлекательная!

Тушёнка, попавшая в наши желудки, активизировала фонтан идей, и из этой мощной струи мы выудили одну, самую яркую и неубойную: надо строить плот! Громадное количество плавника на морском берегу стимулировало это начинание, и работа закипела. У нас были два молотка и четыре руки, всё остальное мы брали у природы. С морского берега в дело пошли брёвна, брусья, доски. Многие из них несли в себе гвозди, скобы и прочие изделия: дерево горело в костре, а извлечённый скобяной товар использовался по назначению. Вскоре опытный образец парома был готов, но тут выяснилось, что плавник, просоленный и набитый песком, обладает низкой плавучестью, и наш плот не выдерживает даже одного человека. Было принято решение строить его двухслойным, а потом и трёхслойным.

Наконец плот готов! Отличный плот: два нижних слоя брёвен были под водой, а третий бревенчатый и четвёртый, сделанный из хорошей обрезной доски, возвышались над водой. На плоту можно было спокойно и стоять, и ходить, и даже прыгать. Нельзя было на плоту только плавать: он совершенно не поддавался никакому управлению. Пришлось снова заняться изобретательством: из разносортных обрывков верёвок и канатов, собранных на берегу, был сплетён длинный и надёжный трос, и в результате хитрой комбинации его концы были закреплены на обоих берегах устья речки. И паром начал функционировать, а мы оказались на южном берегу. Всё было здорово, но мы потеряли время, причем в прямом и переносном смысле. Я хочу сказать, что мы потратили много часов на эту переправу, а в суматохе строительства потеряли свои единственные наручные часы. Это было продолжение наших злоключений, но мы с Ларионовым ещё об этом не догадывались.

Когда мы добрались до домика в верховьях бухты Вассфарет, было уже утро. Мы валились с ног от усталости, и одновременно хотелось есть. Растопили печку, стали готовить то ли ужин, то ли завтрак. Пока суть да дело, начала портиться погода: небо стало затягивать прямо на глазах, горизонт укутался дымкой, потянул неприятный ветерок. К нам явно подкрадывался дождик. Плюнув на сон, мы кинулись на работу. Быстро отыскав нужные обнажения, сделали необходимую документацию и отобрали требуемое количество проб. Уже под дождём вернулись в домик и уснули на нарах мертвецким сном.

Когда мы проснулись, мы ничего не увидели: ни солнца, ни неба, ни моря, ни гор. Всё было окутано плотным сырым туманом; моросил мелкий густой дождик и мерзкий холодный ветерок довершал эту картину. Когда на минуту приходилось выскакивать из домика, ты весь мгновенно покрывался тонким слоем влаги, которая сквозь одежду быстро просачивалась до самого тела. Не было даже разговора, чтобы двинуться в обратный путь. Но фокус состоял ещё и в том, что, не имея часов, мы с Сашей не знали ни какое время суток на дворе, ни какие сутки мы находимся в маршруте. Неизвестно, сколько времени мы проспали беспробудным сном, а теперь, в разгар полярного дня, когда круглые сутки светло, мы не могли определиться со временем.

Радиосвязи у нас не было, погоды тоже не было, и продукты были на исходе. Зато был отличный домик, тёплая печка и много-много дров. И мы приняли правильное решение: натопили печку пожарче и завалились спать. Когда мы проснулись, в мире было без перемен: туман, дождь и полная неизвестность. Добив остатки сухого пайка и снова придавив на нарах неизвестное количество времени, мы занялись обследованием продовольственных запасов охотничьей избушки, понимая, что наше пребывание там явно затягивается. После обнаружения двух или трёх жестяных банок узники непогоды уселись возле печки и, собрав все знания английского и немецкого, стали читать норвежские этикетки, чтобы ненароком вместо паштета не съесть, например, сапожную ваксу (история знает такие примеры). Думается, что это интересное занятие забрало у нас уйму времени, но на погоду это никак не повлияло. Время шло, а в окружающем нас мире царил один и тот же сырой полумрак. И никаких намёков на просветление. Смутное беспокойство, сидящее где-то под коркой, постепенно перерастало в конкретную тревогу. Мы понимали, что все контрольные сроки возвращения нарушены, но насколько – на день, два или больше? К тому же три банки, в которых находились рыба неизвестной нам породы и таинственный продукт зелёного цвета и явно растительного происхождения, не могли долго поддерживать нас в нашем добровольно-принудительном заточении. Кризис неумолимо приближался.

Ларионов, большой любитель кулинарных экспериментов, занимался изобретением очередного меню, а я, как привязанный, торчал у дверей домика в надежде увидеть хотя бы один солнечный луч, хотя бы смутный намёк на солнечный диск среди серого однотонного безмолвия. Дело было не из весёлых, но, к нашему удивлению, каждый раз, как мы заваливались на нары, сон охватывал обоих мгновенно и надёжно, и Морфей с удовольствием принимал нас в свои объятия. Теперь я точно знаю, что дождь – лучшее средство от бессонницы.

Мы ждали чуда. И оно пришло! Проснувшись, не помню в какой уже раз, мы не услышали шороха дождя. Выскочив на улицу, увидели солнечное пятно, пробивающееся сквозь сплошной туман. Азимут, взятый на светило, указал, что сейчас около часа дня. Погода явно улучшалась, и пора было смазывать лыжи из этого

гостеприимного убежища. Сборы были недолги, и вскоре мы уже шли по мокрым коренникам к нашей паромной переправе.

С лёгкостью преодолев бурную речку, мы устремились на север, в сторону нашего лагеря. Погода улучшалась на глазах. Обрывки тумана, подгоняемые весёлым ветерком, пугливо сползали к морю, где они растворялись над его голубеющей гладью. Солнце светило смелее и смелее, заливая своим светом все окрестные горы. Горизонт раздвинулся: на западе замелькали вершины Земли Андре, а на севере открылась вся ширь Ледовитого океана. Наши ноги, заметно отдохнувшие на нарах, несли нас со скоростью орловских рысаков. В не меньшей степени нас подстёгивали мысли о хорошем обеде и, может даже быть, наркомовской норме как награде за пережитое.

По пологому склону мы спускались в Моссель-бухту, когда увидели на берегу двух человек. Как оказалось, это были французы-туристы, парень и девушка, путешествующие на большой байдарке. Они были немало удивлены нашему появлению, но ещё больше удивились, когда, вместо обычных приветствий, мы стали хором спрашивать, который сегодня день и число. Услышав ответ, мы поняли, что на календаре уже август и что сегодня заканчивается пятый день нашего маршрута.

На другом берегу Моссель-бухты можно было уже рассмотреть палатки нашего лагеря. Там нас ждали коллеги, хороший обед и, как мы надеялись, что-нибудь вкусное к нему, как надёжное средство от бессонницы. Ведь дождя сейчас не было, а когда он начнётся снова, никто не знал.

Сороков Д.С.

Любовь и кровь

Конец 40^х – начало 50^х годов прошлого века. Михаил Кузьмич Калинин (позже он переехал в Москву, работал во ВНИГНИ, стал знаменитым геохимиком) – кумир женщин НИИГА – утром на Мойке, 120 спускается по лестнице с двумя спецчемоданами в руках. Одет был, как положено, тогда, в морскую форму-китель со стоячим воротником. Вдруг, совершенно неожиданно, со спины на него набросилась с опасной бритвой в руке одна из как-то обиженных им дам. Чиркнув бритвой по шее М.К. и увидев кровь дама потеряла сознание. М.К., не думая в этот момент о возможных спецпоследствиях, бросает чемоданы, подхватывает сомлевшую мстительницу на руки и несет ее, обливаясь кровью, к выходу. Эту сцену и застают очевидцы, оставившие ее в истории НИИГА. Благодаря целлулоидному подворотничку, М.К. отделался небольшим порезом, а дама эта вскоре уволилась из института и уехала, по слухам, в глушь, в Саратов.

Рассказал Д.С. Сороков,
дополнила З.З. Ронкина,
записал О.И. Супруненко

Инаугурация

Дело было 6 мая 2008 г., накануне инаугурации нового президента России. А за два дня до этого М.К. получил открытку из ВАКа, оповестившую адресата, что он, вне всякого сомнения, достоин ученой степени доктора г.-м. наук. В тот день с утра М.К. зачем-то заглянул в наш кабинет. А.И., до этого скучавший и изучавший купленную по дороге в институт газетенку, в которой, кроме всего прочего, сообщалось, что на приеме по случаю вступления в должность законно избранного президента будут подавать водку и французские вина, возьми да и спроси М.К., а что же тот думает об инаугурации. М.К. что-то пробурчал себе под нос и вышел. Я поделился с А.И. своими сомнениями, понял ли М.К., что вопрос про инаугурацию относился к его докторской. А.И. горячо заверил меня, что уж кто-кто, а М. К. – выдающийся тектоник* и абстинент – все понял как надо. Обменявшись мнениями, мы принялись за работу.

Через пять минут у нас зазвонил телефон и М.К. пригласил нас на рюмку водки. А.И. довольный засмеялся. Поднимаясь к М.К., мы всю дорогу обсуждали, как тонко, можно даже сказать изящно, своим вопросом А.И. запустил процесс инаугурации. Нам было весело оттого, как интеллигентно и ненавязчиво мы подвели М.К. к правильному решению.

Войдя в кабинет к М.К., первое, что мы от него услышали, был рассказ про то, как возвращаясь от нас по коридору к себе, М.К. встретил господина У. Тот был чисто выбрит и от него хорошо пахло водкой. А день, надо сказать, несмотря на май, выдался предельно холодный. Ночью даже снежок кое-где выпал. Тут-то М.К. и подумал, а не выпить ли ему с сотоварищами по рюмке водки, тем более купленной загодя в близлежащей «Пятерочке». Исключительно здоровья для. Чтобы соответствовать.

Так мы с А.И. были посрамлены. В тонко расставленные, как казалось нам, сети интеллектуальной игры птичка не залетела. Что оставалось? Только выпить и закусить... За инаугурацию! Иногда, как учил Ю.Е. Погребницкий, надо быть выше фактов.

* - термин Игоря Соловьева

Первая трубка Краснова

Этот рассказ написан на основе нескольких бесед с Серёжей Красновым, в которых он мне рассказывал о людях, с которыми я познакомился, перейдя во ВНИИО из Горного, о море, в котором я тогда ещё не успел поработать, и специфике морской геологии.

Представьте себе Гавань, пришвартованный пароход «Геолог Ферсман», несколько часов до отхода. Мы с Эдуардом Францевичем Гринталём пришли проводить Серёжу в рейс. Немного выпили, Гринталь ушёл к начальству в каюту, мы с Серёжей сидим у борта и смотрим на солнце, отражающееся в Маркизовой луже. И тут Серёжа говорит:

- Я пришёл в институт, тогда ещё НИИГА, в начале 1981 года. Очень хотел ходить в море, но паспорт моряка в те годы оформляли годами.

- А до того где работал?

- Во ВНИГРИ. Понимаешь, за шесть лет работы Западная Сибирь - не самое красивое место на свете - до смерти надоела. Пока не было паспорта, мне светили в лучшем случае каботажные рейсы в наших северных и дальневосточных морях. В ту пору это было в струе моей так называемой научной деятельности. Придумал эту деятельность Александр Израилевич Айнемер и суть её сводилась к отысканию закономерностей накопления на шельфах морей «тонкого золота», как он его называл.

- Что это такое?

- Этого не знал ни он сам, ни поддерживавший его легендарный (благодаря воспоминаниям Городницкого) Борис Христофорович Егиазаров. Для Айнемера, исполнявшего при Б.Х. роль хитрого еврея при губернаторе, характерно было не рассудочное, как у обычного учёного, а образное и интуитивное восприятие окружающего мира. Под объектом наших исследований он понимал не просто мелкое россыпное золото, а какое-то другое, возможно образованное с участием микроорганизмов. В те благословенные годы тесные комнаты единственного тогда здания на Мойке были набиты учёными до отказа, поэтому дискуссии велись исключительно в коридорах под сигарету. Если Айнемера прижимали к коридорному подоконнику, пытаюсь выведать у него правду о тонком золоте, он начинал круговые движения руками, которые свидетельствовали о том, что он уже не понимает о чём говорит.

Тем не менее, для продолжения этих плодотворных дискуссий нужно было отобрать хотя бы несколько проб осадков на относительно глубоком шельфе. Одна из перспективных акваторий располагалась в той части Берингова моря, что примыкала к золотоносному побережью Аляски. Там как раз Полярная экспедиция нашего объединения проводила геофизическую съёмку на арендованных гидрографических судах. Слабая надежда попасть в Берингово море и добыть вожделенный материал была связана у Айнемера с наличием у него ценной сотрудницы Светланы Михайловны Прохоровой, жены главного инженера «Полярки» Е.Г. Донца. Светлана Михайловна была дама корпулентная, яркая как новогодняя ёлка, вся в золотых и иных цацках. Однако внешность её была обманчива. На самом деле она была доброй и неглупой женщиной, обожавшей своего непутёвого мужа. И было за что! Монументальная фигура, рост, широкие плечи, красиво посаженная голова... В прошлом морской офицер, списанный по скандалу, характеризовался знавшими его людьми двумя поговорками «Донец - делу венец» или «делу ...дец», это, видимо как кому с ним повезло, хотя деловые и организационные способности у Евгения Григорьевича, несомненно, присутствовали.

Я был направлен в Петропавловск на полевые работы с прицелом на рейс, которым командовал Донец, а если бы дипломатические усилия Айнемера и Прохоровой по включению меня в состав экспедиции не увенчались успехом, то можно было бы пособирать фондовые материалы. И это тоже было бы здорово, потому что добраться до Камчатки – само по себе достижение к которому я давно стремился.

Итак, самый дальний рейс Аэрофлота, четыре промежуточных посадки. Обалдев от недосыпа, долетел до Елизово. Выходим из самолета и, в лучах заходящего солнца, любуемся усечённым конусом снежной вершины Авачинского вулкана с дымком на макушке.

После ночёвки у незнакомых людей на следующее утро пришёл в Северо-Тихоокеанскую экспедицию и узнал, что в порту стоит гидрограф «Фёдор Матисен» и начальник рейса Донец уже мной интересовался. Мечтая об удаче, спустился в порт и был принят Донцом:

- Берёте такси, за вещами, через два часа отходим.

Через час я на борту принимал средство производства у местного геолога. Прямоточная грунтовая трубка. Прямоточная – значит просто кусок дюралевой трубы без хитростей, типа поршня, ржавый стальной наконечник и оголовок. Одна.

Благодарю парня и еще через час, действительно, полным ходом вылетаем из порта. "Матисен" - очень симпатичный довольно новый пароход финской постройки на полторы тысячи тонн. Чистота и комфорт впечатляют, особенно после парового буксира "Передовой", также гордо именовавшегося научно-исследовательским судном, на котором работал, будучи студентом, на производственной практике на Балтике. Дают кучу полотенец. Койки, правда, свободной нет, поселяюсь в твиндеке третьим в каюте на диванчике. Ну, это ладно. Ели, помню, на "Передовом" где попало - брали у кока миску и устраивались даже на трапе иногда. Здесь - кают-компания, совмещенная со столовой. До и после еды принято говорить всем громко: "Приятного аппетита". Члены же экипажа, входя, при капитане или старпومه еще бормочут скороговоркой: "С-Вашего-разрешения". Все эти в общем обычные для флота вещи вижу впервые. Производит.

Не помню толком, чем занимались в первые дни, но до полигона (между американскими островами Св. Лаврентия, Св. Матвея и Нунивак) добирались довольно долго. Я приставал ко всем по поводу доделки своей трубки - ее надо было укоротить и сделать кернодержатель - "паук".

Поскольку все на флоте происходит по команде, вначале я должен был идти к начальнику (т.е. к Донцу), объяснять все ему, потом он договаривался со стармехом, тот отдавал команду точиле или вариле (это токарь и сварщик, соответственно). Не знаю, этим ли я достал Донца, но только он, как я потом услышал, постоянно жаловался жене (а он мог говорить по радио с домом) на мою бестолковость и неумелость. Вслух же меня не ругал, но направлял на вахты в разные отряды. Я в итоге за время рейса побывал и у магнитчиков, и у сейсмиков, и гидрографов. Только к гравикам в их банно-прачечный отсек (гравиметры на гироплатформах ставят всегда в самом центре судна, чтобы меньше качало) не попал. Оказалось, это очень полезно, изнутри посмотреть на морскую геофизику.

Тем временем, я слушал всяческие легенды про Донца. Загранрейсами он больше не руководил - вроде бы, после того, как годом-другим раньше пьянствовал в Гонолулу с командованием тамошних ВМС. В загуле этом участвовала вся экспедиция, но пострадал он, как организатор и начальник.

Поведение его в нашем рейсе тоже было не совсем стандартное. Дверей за собой на судне Донец принципиально не закрывал. А судно - ледового класса, никаких скуловых рулей и прочих пассивных успокоителей качки нет. Когда качает - крен градусов тридцать, все летает по помещениям. Ну, представляешь, как открытые двери себя ведут... То есть кто-то за ним должен был их постоянно закрывать. Уже потом я по слухам узнал, что Донец днями и ночами у себя в каюте развлекался с чертежницей – но об этом не принято было говорить, а, может быть, этого и не было.

Трубка моя в итоге вроде бы была доведена до ума, ужасно хотелось ее проверить. Мы подошли в это время к мысу Наварин, это южнее Анадыря, и встали на

якорь в бухте Гавриила, около полярной станции. Нашим гравикам надо было там простоять сутки. Спокойно, гладкая вода. Договариваюсь с молодым парнем-механиком - вроде как единственным, с кем мог я, изгой, сухопутный геолог среди моряков и геофизиков, на равных общаться. Он мне включил лебедку, я кое-как приматываю к тросу свою трубку, и на холостом ходу лебедки - за борт. Поднимаем - трубка пустая, не втыкается она в плотное дно. Еще попытка... На третий раз вместо трубки лениво вылезает из воды кончик отвязавшегося троса.

Всё. Я сел на пароход чужим человеком, исключительно благодаря любезности геофизиков. Потерял, не начав работать, свой единственный снаряд. Как мне тут прожить полтора месяца, как кому в глаза смотреть? Надо поднять трубку. Спрашиваю у механика, есть ли на судне акваланги (это я умею, слава Богу). Да если бы и были, кто бы разрешил ради такой ерунды, кто бы доверил? Мне-то, теперь особенно...

Надо ловить с поверхности. Иду к боцману: "Кошка есть?" А боцман на пароходе странный - маленький татарин, еще и притворяется, когда ему надо, что с русским у него не все в порядке. - "Какой-такой кошка? Не знаю." Механик говорит - иди к точиле, он тебе крюк сделает. Токарь, действительно, входит в положение, зажимает в шпинделе пруток, затачивает. Потом идем с ним гнуть заготовку крюка на кнехт, на палубу. После трех ударов кувалдой несостоявшийся крюк улетает через борт туда же, где уже пребывает моя трубка. Тут мне впервые становится смешно.

Не помню как, добрался до мостика, до вахтенного второго помощника. Он вызывает боцмана, у того сразу все отыскивается. - "Ах, кошку надо..." Встаю у борта точно там, где потерял трубку, закрепляю, от греха, конец линя, на котором кошка. А тихо, якорь не ползет, судно просто крутит вокруг него. То есть теоретически траектория его перемещений - дуга. Если долго стараться, пароход снова окажется рано или поздно над моей трубкой, и тогда не нащупать ее будет просто невозможно.

Да, теория... Не говоря уже о том, что зацепить и вытащить - две большие разницы. Так или иначе, кидаю под сдавленные смешки за спиной.

Кидаю и потихоньку вытаскиваю. Час, другой. Народу надоело, зеваки расходятся. Пора кончать это занятие. Ну, еще пару раз.

Есть. Взяла. Наверное, она - идет с трудом. Ну, если теперь соскочит, снова мне ее уже не зацепить. Линь уже почти вертикально уходит вниз - значит, я ее подтащил к самому судну. Помощники, болельщики, советчики - опять толпой, откуда ни возьмись. Тяну сильнее, отрываю от грунта, и вот из воды показывается моя трубка вверх ногами. Она зажата между бортом и кошкой, которая держится-то за головку винта, на полсантиметра торчащую из наконечника!

Не дышу. Но тут сзади - мощная фигура Донца. (Любопытно: человеком он, судя по игре в волейбол, оказался совершенно неспортивным, несмотря на атлетическую внешность.) Ему уже доложили, он принимает командование. За борт - штормтрап, я по нему - в воду (нулевую!) по пояс, накидываю на трубку тросовую петлю - и она оказывается на борту раньше, чем я сам.

Донца рядом уже нет. Он все организовал, и что ему лишних две минуты тратить. Иду, как есть, мокрый, к нему в каюту докладывать - все, дескать, в порядке. С какой нежностью он тут на меня посмотрел... И, осмотрев, изрек: "А все-таки Вы жопа!" Вот так - на "вы", с большой буквы. Никогда никому из подчиненных он так уважительно ничего не говорил. А я мало получал в жизни таких весомых комплиментов.

Потом ко мне Донец всегда относился прекрасно. Еще несколько лет мы с ним по работе общались - слова матерного ни разу не слышал. (Это надо его знать! С другими-то - только так.) Помог получить валютные чеки за этот самый рейс. Когда меня бухгалтерия и кадры уже гоняли по кругу, и уже "фиолетовая дама" Тамара Павловна, начальница кадров, сказала: "Всем вам только бы валюту получать", а я, изображая жуткую обиду, хлопнул в ответ дверью" - Не нужны мне ваши чеки!" (потом она перед моим начальником отдела извинялась - не передо мной, но перед начальником), - одного слова Донца по телефону главбуху: "Заплати," - оказалось достаточно. Потом его чуть не посадили за какие-то денежные аферы, вроде бы с теми же чеками, он, кажется, попал под амнистию (или, говорят, откупился), но, в общем, с работы ушел и увлекся выращиванием помидоров у себя на садовом участке - к облегчению, думаю, Светланы Михайловны.

А я стал в рейсе и вообще потом в Полярной экспедиции человеком достаточно популярным. Даже, пожалуй, можно сказать, что и легендарным, ибо несколько раз убеждался - слышали о моих приключениях с трубкой и те, молодые и зеленые, которые меня самого не знали. Вадим Бусырев, зам. начальника рейса, очень хороший и честный парень, считавший себя ужас каким невезучим, до конца рейса пил, ощущая внутри себя незнакомое и черное чувство зависти, так как решил, что встретил своего антипода.

Конец этой истории о том, как можно прославиться за счет собственной растяпистости, ибо наши провалы могут вдруг самым дурацким случаем обратиться в достижения, мало кому известен. Трубку свою, которая так упорно и не хотела лезть в плотные ледовые осадки Берингова моря, я через несколько дней потерял при обрыве тоненького проржавевшего троса, уже насовсем. Но к этому времени мы с токарем соорудили из простой стальной трубы примитивную драгу - стакан, которым я и отобрал нужные мне пробы. Но кого это волнует, что трубка в итоге все-же пропала? Главное - легенда осталась!

Тут подошёл Гринталь и мы, обнявшись простились с отважными мореходами. Серёжа уходил в Тихий океан на 21-й градус южной широты Восточно-Тихоокеанского поднятия. Через несколько лет и я попаду в тот район на американском судне «Мелвилл» и в том же году не станет Серёжи Краснова.

Супруненко О.И.

О Б.Х. Егиазарове

Весной 1968 года я заканчивал аспирантуру при ВСЕГЕИ у Л.И.Красного. Работа была по Восточной Камчатке. Дошло дело до выбора оппонентов. Первым стал Юрий Сергеевич Желубовский, специалист по Курилам, вторым Л.И. посоветовал взять Б.Х. Егиазарова. Поехал к Б.Х. «Хорошо, Олег Иванович, я согласен, не могу отказать Льву Исааковичу (Б.Х. в это время сам заканчивал докторскую). И вот что я Вам скажу. Чем лучше Вы сделаете Вашу работу, тем лучший отзыв я Вам напишу».

Морская капуста с кукумарией

Начало 90^х – время широкого установления международных связей, прежде всего, с приарктическими государствами. Будущий член-корреспондент РАН и генеральный директор ассоциации, собираясь в Канаду, пришли за консультацией к Михаилу Константиновичу Косько, который уже имел солидный опыт контактов с канадскими геологами. Полученные от него рекомендации оказались столь полезными, что по возвращении в Россию путешественники решили отблагодарить М.К. Естественно, виски. С виски было хорошо – бутылок было почти столько же, сколько и участников саммита в каб. 71 на Мойке, 120. Плохо было с закуской. К счастью, у меня на работе оказался запас любимых консервов – «морская капуста с кукумарией». Ее было так много, что потом почти все участники встречи не могли даже слышать этого слова – “кукумария”. Тем не менее, только кукумария с капустой и виски поддерживали силы друзей до полуночи, когда решили все же двигаться домой. Двинулись все вместе на Богатырский проспект, к Мише. Когда далеко за полночь друзья предстали пред грозные очи Мишиной жены Тани, их вид и перспективы представлялись ужасными. Но тут вперед выдвинулся генеральный директор и, слегка пошатываясь, произнес: - “Погодите, не может быть! Такие глаза!!!”... Конечно, троица была мгновенно прощена и приглашена к кофе. А Вы говорите: “Кукумария...”

«Мы попали в г...!»

Это было в октябре 1992 года. Мы с Олей Виноградовой сопровождали группу канадских геологов – членов Канадской ассоциации геологов-нефтяников в ознакомительной поездке по Западной Сибири. Руководителем канадцев был Майкл Сесил – уже давний к тому времени друг-приятель Миши Косько и Ольги, с которым они успели поработать в поле у нас на о. Врангеля, а у «них» - в Канадской Арктике. Группа состояла из 6 человек, в том числе симпатичной супружеской пары почтенного возраста, еще одного пожилого джентельмена и двух геологов в расцвете лет – Джерри Гурба, работавшего у нас на Усинском месторождении в Республике Коми, и Джерри Рейсона.. Наш путь лежал в Тюмень, оттуда – в Ханты-Мансийск, затем – в Сургут, после чего – в Москву, экскурсия в Сергиев Посад и – по домам.

Тюмень встретила золотой осенью. Мы побывали в «Главтюменьгеологии», посетили ЗапСибНИГНИ, центральную лабораторию... Базировались мы на загородной базе отдыха «Главтюменьгеологии», где до нас останавливался Б.Н.Ельцин, и Майклу Сесилу предоставили его номер с бесчисленным количеством посуды. Приезд канадцев не прошел незамеченным, время было лихое, и ко мне обратился с просьбой родственник кого-то из обслуживающего персонала: не хотят ли канадцы недорого купить 12 цистерн нефти. А в геологических кабинетах в Тюмени (а потом и далее по маршруту) канадцам всерьез предлагали взять в освоение ряд месторождений, к части из которых и нужно-то было проложить всего несколько километров дороги.

Пора лететь в Ханты-Мансийск. Погода с утра испортилась, долго сидели в ЯК-40, но все же взлетели и пошли в облаках. Однако до Ханты-Мансийска долететь не удалось: по погодным условиям (снег, сплошная облачность) посадили в Нефтеюганске. Малюсенький аэропорт, непогода, соседи по рейсу как-то быстро улетучились (наверное, пошли в гости к землякам), мы с канадцами остались одни в полной неизвестности. Нашли кого-то из аэрофлотовского начальства, нам предложили разместиться в комнате матери и ребенка и ждать. Сколько? Бог знает... В комнате матери и ребенка оказалось 3 или 4 кровати длиной около 1 м 20 см, ночные вазы и все. Один из канадцев улегся в кроватку-малютку, чем вызвал восторг

соотечественников. Но нам с Олей Виноградовой и девушкой-переводчицей (из «Главтюменьгеологии») было не до смеха: если непогода надолго, как нам быть с нашими подопечными? В разгар этих тяжелых дум Майк Сесил и Джерри Гурба вышли ненадолго «ознакомиться с окрестностями» и, вернувшись через пару минут, Майкл на хорошем русском языке сказал: «Мы попали в г...» (он тогда уже учил русский). Десятки лет летая по восточным маршрутам и имея представление о сибирско-дальневосточных местах общего пользования, я машинально отнес его реплику в адрес местного отхожего места. Но какая-то недопонятость, какая-то заноза осталась в голове надолго.

Из Нефтеюганска, к счастью, мы улетели через несколько часов, а дальше все прошло великолепно. Ханты-Мансийск снова с золотой осенью, мороженой нельмой, отличной баней, замечательными геологами-геофизиками, перелет на люксовом Як-40 в Сургут, снова отличные познавательные беседы в «Сургутнефтегазе», рейс Сургут-Москва, гостиница «Турист», незабываемый Сергиев Посад, Оля ночным поездом возвращалась в Питер, у нас - короткий сон, аэропорт Шереметьево, ранним утром я простился с нашими замечательными коллегами, которые за 10 дней стали нам близкими людьми.

Но заноза-то оставалась. В 2005 году нам с Олей снова пришлось сопровождать Майкла Сесила в Москву в нефтяные компании «Сибнефть» и «Роснефть». И вот тут-то я и спросил Майкла, помнит ли он Нефтеюганск и свою фразу. – «Да, конечно. – Но тут возможно два смысла: 1) прямой, 2) косвенный - мы оказались в сложной ситуации. Какой смысл ты имел ввиду тогда?». Майкл был краток: «Оба смысла».

Устрицкий В.И.

“Зайцы!”

Небольшой, состоящий из четырех человек отряд был заброшен вертолетом на речку у восточного конца огромного Таймырского озера. В составе отряда трое молодых, но уже бывалых ребят и женщина-палеонтолог, попавшая на Таймыр впервые и восторгалась всем увиденным.

На следующий день после высадки отправляемся в первый маршрут в каньон на ручье километрах в 1,5 от лагеря. Только начинаем спускаться в каньон, из-под ног выскакивает заяц. Восторга женщины нет предела (“надо же, и тут зайцы есть!”).

Проработав день на разрезе, поднимаемся вверх, чтобы вернуться в лагерь. Поскольку каньон глубокий, а женщина довольно тяжеловатая на подъем, выпускаем ее, естественно, вперед. Она добирается до верха каньона первой, смотрит на открывшуюся взору плоскую тундру и неожиданно испускает восторженный вопль: “Зайцев-то, зайцев-то! Да какие большие!”

Карабкавший за ней техник выглядывает из каньона и столь же восторженно (хотя восторг явно фальшивый) орет: “Да с рогами!” Следом вылезает я и вижу... стадо удирающих от нас оленей! На плоской тундре расстояние до того или иного объекта, а, следовательно, и размер его не всегда легко определить.

История эта сопровождала женщину много лет и когда она начинала что-нибудь рассказывать, кто-нибудь из слушателей обязательно восклицал: “А зайцев-то, зайцев-то! Да какие большие!”

Гусенок

В 1960-1970 гг., в период широкого размаха геолого-съёмочных работ в Арктике в составе экспедиций или отдельно от них работали небольшие, состоящие из трех-четырёх человек тематические отряды. Часто самолетом АН-2, а позже вертолетом они забрасывались в верховья рек и сплавлялись вниз по реке на клиперботах, детально изучая береговые обрывы.

Один из таких отрядов в составе Игоря Сергеевича Грамберга, Виталия Ивановича Устрицкого и Ювеналия Андреевича Смирнова был доставлен вертолетом из Диксона в верховья р.Ефремовой на Западном Таймыре для составления детальных разрезов пермских отложений. Транспортom служили три небольших резиновых лодки.

В первый же день Ю.А.Смирнов поймал трех недавно вылупившихся диких гусят, которых на Таймыре было много. Мы знали, что они хорошо приручаются и оставили их у себя. Вскоре два из них сбежали, а один привык и стал совершенно ручным. Он без привязи пасся, пощипывая траву около палатки, но к обеду являлся и, теребя нас за пальцы, требовал кусочек лепешки. В холодные ночи он пытался или залезть в спальный мешок или прижимался к затылку спящего Ю.А.Смирнова, который, в основном, его и кормил. При переездах гусенка сажали сверху на нагруженный клипербот, а чтобы не свалился в воду на порогах, прикрывали ящиком.

Прошел месяц. Гусенок на смирновских лепешках рос быстро. Он стал уже размером в половину взрослого гуся, но оставался таким же домашним животным, привязанным к палатке и ее обитателям, которых он явно считал своими родителями. При переходах он спокойно сидел на лодке под ящиком, а при разгрузке лодок на новом лагере требовал кусочек лепешки.

На одном из переходов попался участок, на котором река широко разливалась и становилась настолько мелкой, что камни торчали повсюду. Пришлось слезать в воду и вести лодки между камнями. Я иду первым, за мной Ю.А.Смирнов. Внезапно он кричит: “Виталий Иванович, у Вас гусенок убежал!” Оглядываюсь назад. Действительно, метрах в шести за лодкой плавает наш гусенок. Иду к нему, но неожиданно гусенок начинает удирать, нырять, отказываясь признавать нас за хозяев. Не без труда мы с Ю.А. его поймали. Я провел с ним воспитательную работу (“Совсем от рук отбился, паршивец!”), слегка отшлепал его по хвосту в наказание и, приподняв край ящика на лодке, засунул гусенка на место. Часа через два добрались до начала очередного каньона, где был намечен следующий лагерь. Начинаем разгружать лодки, снимаем ящик и видим... двух совершенно одинаковых гусят! В то время, как «наш» гусенок мирно сидел под ящиком, поймали (и провели “воспитательную работу” - нашлапали) таких же размеров дикого!

На ночь посадили обоих гусят под ящик у палатки, а утром обнаружили лежащим на боку пустой ящик. Дикий гусенок, опрокинув его, сбежал и увел с собой и нашего. Нас это мало огорчило, т.к. сезон кончался. Вести питомца в Ленинград мы не собирались, а оставлять одного, не приученного к вольной жизни – на душе было неспокойно. А вдвоем они не пропадут!

Мамонтенок

В начале шестидесятых годов, когда на Таймыре начинались систематические съемочные работы масштаба 1:1000 000, транспорта практически не было, и геологи работали в условиях, которые сейчас кажутся невероятными, а с точки зрения техники безопасности - вообще недопустимыми.

Обычно геолог и техник, взвалив на плечи необходимое продовольствие, спальные мешки и легкую палатку, уходили в маршруты на 4 - 6 дней. Поскольку в тундре кольев для палаток не найдешь, а нести их тяжело, вместо них использовались геологические молотки с удлиненной ручкой. Естественно, в такую «палатку» можно было только заползть как в берлогу. Так как дров в тундре тоже нет, к поясу привязывался примус, а в рюкзак засовывалась (или привязывалась к нему) баклажка с керосином. По ходу маршрута убывающее продовольствие заменялось собранными образцами.

Вот в такой маршрут и отправились молодые геолог и техник. Для обоих это был первый год работы в Арктике. Маршрут прошел успешно, они вышли на берег моря, и до базы оставалось всего несколько километров, когда в основании берегового обрыва они обнаружили нечто непонятное. Покопавшись, они вытянули ... довольно большой череп с бивнями. Радостный вопль геолога:

- Слушай, это же череп мамонтенка! Такого ни в одном музее мира нет!! (Знаменитых на весь мир находок тогда еще не было). Мы же прославимся на весь мир!!!

- Так он же жутко тяжелый!

- Я возьму твой рюкзак, а ты тащи. Как Ф.Г. (Федор Григорьевич Марков, начальник экспедиции), обрадуется!

Сказано - сделано. Несколько раз садились отдыхать, но дотащились до базы. Приползли туда к утру (ночи-то в Заполярье нет), вся база еще спала. Из своей палатки вытащили какой-то ящик, напротив входа в палатку Ф.Г. его установили, водрузили на него череп и стали терпеливо ждать пробуждения начальника и его восторга при виде находки.

Через некоторое время Ф.Г., зевая, вылез из палатки, небрежно взглянул на череп и произнес совсем не те слова, которых ждали ребята.

- А какой идиот эту дрянь приволок? Выскочивший из засады геолог завопил:

- Федор Григорьевич! Какая дрянь? Это же череп мамонтенка! Такого в мире нет!

- Сам ты мамонтенок! Это морж, их костей тут на берегу полно валяется!

После этого к геологу надолго пристало прозвище «мамонтенок». А после конца сезона он уволился и перебрался в более теплые края.

Укрощение строптивого

В 70-е годы прошлого века НИИГА вел довольно большие работы на Шпицбергене. Существовала самостоятельная Шпицбергенская партия, начальником которой был вначале В.Н. Соколов, а после того, как он стал ученым секретарем института, - Д.В. Семевский.

Геологи в партии подобрались очень сильные. Через три-четыре года работы у всех было уже по 2-4 статьи. В дальнейшем многие из них защитили диссертации.

Среди этой дружной компании заметно выделялся один (назовем его Б.К.). Выделялся не столько способностями, сколько невероятным самомнением и апломбом.

Однажды в комнате, где сидела экспедиция, раздается телефонный звонок. Секретарь директора сообщает, что у нее на имя Б.К. лежит письмо из Норвежского Полярного института. Это было время, когда личные контакты с иностранцами не поощрялись и подобные письма были редкостью. Б.К. почти бегом бросается в канцелярию и у входа в нее сталкивается с Д.В. Семевским.

Короткий разговор:

- Ты за письмом?

- Да.

- А я его уже взял. На!

Протягивает фирменный конверт Норвежского Полярного института с норвежскими марками. Вместе идут в свою комнату. Б.К. вскрывает конверт, читает и издает радостный вопль. Все головы поднимаются с немимым вопросом. Б.К. дает письмо Семевскому - «Прочти вслух!» Семевский читает (привожу по памяти в сокращенном виде): «Рады сообщить, что, учитывая Ваши огромные заслуги в деле изучения Свальбарда, единогласным решением Ученого Совета Вы, первый иностранный геолог, избраны почетным членом Норвежского Полярного института. О времени вручения Вам соответствующего свидетельства сообщим дополнительно».

Директор Норвежского Полярного института /подпись/.

Следует дружный поздравительный хор и, естественно, требование немедленно обмыть это событие. Отмахиваясь, Б.К. бросается к двери.

- Ты куда?

- Как куда? Должен же я сообщить Борису Васильевичу (Ткаченко – директор НИИГА) об избрании!!

Следует общее смятение. Семевский еле успевает остановить в дверях Б.К. словами:

- Подожди., ты еще не совсем почетный член.- ?????

И тут открывается то, что было известно всем, кроме Б.К.

Начальник партии Д.В. Семевский, в отличие от Б.К., в Норвежском Полярном институте бывал, и привез оттуда несколько фирменных конвертов и бланков. Тогда и родилась идея розыгрыша. У В.И. Устрицкого, в то время увлекавшегося филателией, Семевский выпросил несколько норвежских чистых марок, наклеил их на фирменный конверт, соорудил подобие почтового штемпеля (неразборчивого) и вложил приведенный выше текст, который и вручил Б.К. у выхода из канцелярии.

О подготовке каверзы знала вся партия, но никому и в голову не приходило, что Б.К. поверит в реальность своего избрания. Однако, поверил. Вскоре он вообще ушел из института.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ Ордена Ленина Горный институт
ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЫПУСК ИНЖЕНЕРОВ ГЕОЛОГОВ

Шахматная команда НИИГА – ВНИИОкеангеологии – многократный чемпион геологических организаций Ленинграда (1970-1980 г.г.). Слева направо: В.М. Малявкин, В.И. Устрицкий, В.Э. Волк, Е.В. Лебедев, Н.К. Шануренко, П.Н. Рысин *

И в Арктике бывает тепло – Новая Земля, В.И. Устрицкий (1979 г.)

* Из альбома Устрицкого В.И.

Антарктическая коррида
Справа – Г.Э. Грикуров (1968 г.)

Птенцы полярной совы
Пай-Хой, 1952 год, слева В.И. Устрицкий

Заядлые преферансисты
Д.В. Семевский, В.И. Устрицкий, Г.Э. Грикуров, Могенович (вид сзади)

“Да, были люди в наше время!”

Воспоминания касаются, в основном, старшего поколения по двум причинам: во-первых, многие из них были люди незаурядные; во-вторых – я из немногих, кто их помнит.

1. Владимир Иванович Захаров, зам. Б.В. Ткаченко по общим вопросам, получает телеграмму от зам. начальника Усть-Енисейской экспедиции Воронова Ивана Николаевича: “Вылететь Красноярска не могу, думаю баржой”. Ответ: “Думайте головой выезжайте чем угодно”.

2. Середина 1950-х годов. Заседание Ученого Совета. Выступает представитель министерства. Рекомендует часть тем выполнить не в 3, а в 2 года.

Просит слова Иван Паисиевич Атласов. “Тут товарищ из министерства предлагает сделать темы двухлетними. Я вспомнил байку. У мужика умерла жена. Священник просит за отпевание целковый, мужик предлагает двухгривенный. Поп отвечает: “Можно и за пятиалтынный, но это будет дерьмо, а не отпевание. У меня все,” - говорит Атласов.

3. Связанное с Николаем Николаевичем Урванцевым. Красноярск, 1959 г. Совещание по северным регионам края. От НИИГА – Н.Н. Урванцев, В.Н. Соколов, Ю.Е. Погребницкий, М.Г. Равич (глава делегации), В.А. Черепанов, В.И. Ушаков. После завершения заседания все пошли в ресторан гостиницы Норильскокомбината. Сидевший во главе стола М.Г. Равич, посмотрев меню, сказал: «Наверное, закажем по 150 г коньяка и подумаем о закуске». Реплика Погребницкого: «Да мы с Вадимом по 150 грамм и на улице могли выпить». Далее неторопливые слова Николая Николаевича: «Позвольте мне, Михаил Григорьевич». Подзывает официантку. «Милая хозяйка, чем нас вкусно накормить, Вы знаете лучше. А для начала – два графина водки и какую-нибудь быструю закуску».

4. Опять же вспоминая Николая Николаевича. В 1959 г. он посетил Енисейскую экспедицию. Интересовался всем, но более всего – поисковыми работами на никель на южных флангах Енисейской провинции. Тогда я, будучи техруком экспедиции, руководил поисковыми работами на двух участках, отстоявших друг от друга на 20 км по прямой, на 25-28 км - по реке. Николай Николаевич сообщил по рации, что выходит к нам на второй участок. Я предложил встретить его с лошадьми. Он ответил, что пойдет с сопровождающим пешком. На мою настойчивую просьбу не идти пешком ответил со смешком, что яйца курицу не учат. В тот год горела тайга, и шли они больше суток. Можно представить, в каком состоянии мы все находились. Наконец, пришли. Перед тем как лечь спать, Николай Николаевич протянул мне бутылку коньяка со словами: “Это в качестве извинения за беспокойство”. И все. Вот это истинная, присущая ему интеллигентность. А ведь он – живая (в те годы) легенда Арктики!

5. О выдержке старшего поколения полярников. Ей, в наибольшей степени, отличался К.К. Демочкин. Главный механик Новоземельской экспедиции Горелов рассказывал нам, как их катер в проливе Маточкин Шар с отказавшим мотором понесло на о. Вильчека. Он спустился в каюту и сказал Кириллу Константиновичу, что катер “несет” на скалу, а мотор отказал. Демочкин: “Ты - главный механик, иди и разбирайся сам с этим. А мне не мешай”. Пронесло, мотор запустили.

6. 1950-е годы. Ефим Григорьевич Радин демонстрирует в кабинете Б.В.Ткаченко алмаз. Рассматривая, алмаз роняют. Присутствующий на этом собрании, отличавшийся сарказмом, Григорий Лазаревич Вазбуцкий, не вставая с дивана, роняет: “Сначала ищите пироп”.

7. В.А.Черепанов возвращается с поля. Вопрос к первому встреченному сотруднику: “Где Равич?”. Ответ: “В Антарктиде”. Словесная реакция Черепанова: “Такое географическое взаиморасположение меня вполне устраивает” (отношения М.Г.Равича и В.А.Черепанова, по причине частых выпивок последнего, были известны всему институту).

8. Диалог В.Д.Дибнера и В.А.Черепанова. Дибнер: «Меня вызывал Равич, оказывается (!), мы с Вами соавторы по теме «Перспективы алмазности Таймыра». Вы отвечаете за коренную часть, я за геоморфологическую». Ответ: «Виталий Давыдович, так как ничего не сделано, то мы не соавторы, а соучастники, и не темы, а преступления».

9. Середина 50^х годов. Александр Николаевич Кузнецов – нач. Таймырской экспедиции, отправляет АН-2 с Черепановым на г. Белую (месторождение флюорита). Вопрос Кузнецова: “Владимир Александрович, все загрузили?”. Ответ: “Не хватает одной детали – ящика спирта”.

10. Тот же Таймыр. Год 1954. Черепанов - главный геолог нашей экспедиции. Конец сезона. Просмотрев все наши материалы, разрешает вылететь мне и Комарову (прораб) в Диксон. Из Диксона на Архангельск перегоняют последний гидросамолет “Каталину”. Есть возможность улететь. Запрашиваю Черепанова. Ответ: – “До моего прибытия в Диксон вылет запрещаю”. Проходит несколько дней. Прилетает Черепанов. Мой вопрос – в чем дело, может нужна помощь Малову? (нач.партии, разведывавшей Убойнинское месторождение ртути). Ответ: “Нет, он кончает. Вот все соберемся и по-настоящему выпьем”.

Тот же Черепанов. На вопрос Комарова, какой из фотоаппаратов выписывать – “Зоркий” или “Киев”, Черепанов отвечает: “Конечно, “Киев” - в комиссионке за него больше платят”.

11. Опять о В.А.Черепанове. Как родились разведочные работы на киноварь на р. Убойной. Приехав с поля в 1953 г.(?), Черепанов пришел в кабинет Б.В.Ткаченко со штуфом руды, на 40-50% состоявшим из киновари. Тогда начинался «киноварный бум». И положив штуф в 3 кг весом на стол, сказал: “Если, Борис Васильевич, это не руда, то я не представляю, что такое руда”. Самое забавное, что проводя разведочные работы с большим объемом опробования, В.Г.Малов подобного оруденения не встретил на всем участке. Вот еще один штрих к психологическому портрету Черепанова.

12. О благоглупостях молодости. Диксон, 1956 г. Узнав, что моя жена Лида, вместе с А.А.Чайкой, летит на Хатангу с возможной (??) посадкой в Диксоне, я загодя, из-за плохого льда, перехожу на остров. В день прилета самолета с утра появляется Юлиан Евгеньевич, по шею мокрый (трижды проваливался из-за плохого льда, переходил бухту Летчиков с шестом). На мой вопрос “Ты-то что пришел?” отвечает: “Лида приехала, не мог же я застолье пропустить”.

13. О шутках НИИГовских радистов.

Базовый радист запрашивает радиста полевой партии: «Где Пук» (речь идет о Пинхосе Соломоновиче Пуке) Ответ: “Пук вылетел, пук в воздухе”.

Игарка, 1958 г. Радист нашей партии (он же прекрасный прораб – Г.П. Явщиц) ключом связывается с женой Галей – она работает лаборантом в Игарке. Будучи чрезмерно ревнивым, советует не увлекаться танцами. Ответ жены: “Не дерзи, а то лишу сладкого”. Г.П. Явщиц: “Сладкого давно лишен, не лишай горького”.

Юдовный Е.Г.

Две байки о Наталии Иосифовне Шульгиной

Получив широкую научную известность в России (с 1974 года доктор геолого-минералогических наук, автор многих десятков публикаций, участник и докладчик различных совещаний-симпозиумов и т.д.) и за рубежом (в частности, в 1994 году в Америке биографическим обществом избрана «Женщиной 1994 года»), Наталия Иосифовна Шульгина лишь небольшому кругу людей была известна как защитник дикой природы, пилот самолета, рулевой катера, винодел и даже как отважный ездок на оленьих упряжках. Недаром в ее исполнении по-особому воспринимались стихи Саши Черного: «Олень посмотрел умно, а я достала фрукты и стала пить вино! И на севере стало как-то сразу южно!». И это действительно было так!

Попробую рассказать две истории из экспедиционной жизни 50-70^х годов прошлого (увы!) столетия.

Наталия Иосифовна - пилот

Из Хатанги после окончания полевого сезона в 1955 году группа геологов со снаряжением и большим количеством (ящиков 20-25) образцов летела на спецрейсе самолета Ли-2 Полярной авиации. Маршрут полета - пос. Хатанга-пос. Амдерма - г. Архангельск. В этом городе пересадка-перегрузка на поезд или на самолет гражданской авиации и далее в Ленинград.

На одном из этапов полета, я, дремавший на ящиках с образцами, был разбужен прикосновением чьей-то сильной руки. Открыв глаза, увидел белую канистру емкостью литров на 5 в руках 2-го пилота, произнесшего: «Выпить хочешь?» Не дожидаясь ответа, содержание которого ему было известно заранее, он показал рукой на другую емкость, сказав «Вода там!», оставил канистру, в которой был спирт, и ушел.

Уютно устроившись с Леной Очаповским (самолет летел на высоте порядка 2000 метров), мы быстренько, разбавив спирт водой и ею же запивая -другой закуски я что-то не помню, - прекрасно провели часть многочасового полета, не обращая особого внимания на значительную болтанку.

Другие члены геологического отряда - Владимир Николаевич Сакс, Игорь Сергеевич Грамберг, Зинаида Зиновьевна Ронкина - дремали, во всяком случае, сидели с закрытыми глазами в передней части салона самолета, который летел явно не по прямой линии!

Когда через некоторое время к нам с Леной снова подошел 2-ой пилот, мы поинтересовались у него, почему самолет очень здорово бросало то вниз, то вверх, то влево, то вправо, предположив, что, наверно, очень скверная погода! На это он ответил: «Погода-то хорошая! Просто ваша девушка решила переквалифицироваться

на летчика и в данное время проходит летную практику, сидя за штурвалом самолета на моем месте 2-го пилота». Обучение проходило с переменным успехом, следствием которого и было «мотание» самолета в разные стороны. Но командиру корабля практикант настолько понравился, что он решил продолжить обучение до Ленинграда,

Так что, заправившись в Архангельском аэропорту горючим и получив соответствующее разрешение, командир корабля совместно с «практикантом» повел самолет дальше прямо в Ленинград, где мы попали воистину прямо с корабля на бал в дом к Натали.

Наталья Иосифовна – защитник животных

Наталья Иосифовна очень любила животных.

В 1971 г. небольшая группа в составе Н.И. Шульгиной, В.А. Захарова, В.А. Басова, В.Я. Санина, Е.Г. Юдовного, работавшая в восточной части бухты Нордвик - западный берег полуострова Пахса, поставила утром рыболовную сеть в метрах 30-40 от берега, прямо против лагеря, и ушла в маршрут. Возвратившись вечером, увидели, что в сеть попало что-то большое. Мужчины быстро вскочили в резиновую лодку и погребли к сетке. Вдруг, на глазах, сетка стала уходить под воду, а вблизи от лодки появился большой тюлень. Подплыли к месту, где затонула сеть, подцепили ее веслом и, вытащив на поверхность, увидели в ней запутавшегося тюлененка.

Попытались сразу распустить сеть в воде, но не получилось. А главное - очень агрессивно себя вела большая тюлениха, видимо, мамаша попавшего в беду тюлененка! Она кругами ходила вокруг нашей небольшой (2-3-х местной) резиновой лодки, с каждым разом уменьшая радиус круга, приближаясь к лодке. Было ясно, что если она протаранит лодку или, подпихнув ее снизу, перевернет, то нам будет худо - вода холодная, глубокая, а ведь мы были в полном снаряжении, особенно опасно упасть в воду в резиновых сапогах с высокими голенищами, которые, как якорь, потянут человека на дно. Мы начали быстро, насколько позволяла тянувшаяся сзади сеть с тюлененком, грести к берегу. Тюлениха же крутила вокруг лодки до тех пор, пока мы не достигли мелководья, лишь у самого берега оставив нас в покое.

Тюлененок в плену

Вышли на берег. Вытащили сеть с тюлененком, стали распутывать, но не тут-то было, тюлененок заматался основательно. Кто-то сказал, что придется резать сеть. Жалко, но что делать?! Достали ножи-финки, как правило, в маршруте висящие на поясе!

Тюлень, увидев нож, заплакал. Из глаз потекли крупные слезы. И в это время подошла Наталья Осиповна – Натали. Увидев плачущего тюлененка и нас с ножами, она взмолилась: - «Не убивайте! Не убивайте!».

А мы и не собирались убивать, наоборот, решили пожертвовать сетью, разрезав ее, и освободить тюленя! Но Наташа-то этого не знала и стала грудью на защиту зверя.

*Высвобождение тюлененка из “плена”.
Пришлось сеть разрезать.*

Разрезали сеть, высвободили тюлененка, похлопали его по упругим бокам и направили носом к морю. Но тюлененок, освобожденный из пут стягивающей его сети и увидевший, что с ним ничего плохого не делают, перестал лить слезы и не изъяснял особого желания самостоятельно ползти к воде! Лежал и по-доброму, спокойно глядел на нас своими круглыми большими глазами!

Пришлось похлопыванием его по попе, а вернее, по тому месту, где она, по нашим понятиям, должна была находиться, стимулировать его движение в сторону моря.

Интересно в этом деле то, что тюлень, запутавшийся в сетке, долго под водой находиться не мог. Ему обязательно нужен был воздух. И мать - тюлениха, понимая это, поддерживала тюлененка в сети над водой, подталкивая снизу, чтобы он мог дышать. Его-то мы и увидели, когда подошли к берегу.

Увидев же нас, плывущих на лодке, мать перестала его поддерживать, и он опустился вниз. Но мы во-время подплыли и вытащили сеть с тюлененком на поверхность. Тюлень сообщество оценило это.

Поэтому, когда, спустя несколько дней, мы ходили изучать береговые обнажения и шли вдоль кромки воды, нас от лагеря и до места работы сопровождало два-три тюленя – наш почетный эскорт.

Мы пешком по берегу, они вплавь вдоль берега!!! Дружба!

Тюлененок, “спасенный” Натальей Иосифовной

II. Байки – воспоминания

Аветисов Г.П.

Материалы празднования 10-летия сейсмологического отряда НИИГА

Краткая историческая справка

В 1967 году Пятое Геологическое управление Министерства Геологии СССР приступило к инженерно-геологическим изысканиям на о. Земля Александры архипелага Земля Франца-Иосифа. Цель изысканий состояла в подготовке площади под строительство здесь военно-морской базы. Соисполнителем работ был Научно-исследовательский институт геологии Арктики (НИИГА), взявший на себя геофизическую часть исследований: сейсмические, электро и магниторазведочные наблюдения. Для их производства создали Арктическую геофизическую партию. Научным руководителем всех работ был Ярослав Владимирович Неизвестнов, геофизические работы НИИГА возглавляли Борис Васильевич Гусев, Сергей Иванович Иванов, Алексей Лазаревич Пискарев.

Среди многочисленных геолого-геофизических характеристик, которые должны быть получены в результате подобных исследований, необходимой и обязательной является оценка сейсмической опасности района предполагаемого строительства. Выполнение этой составляющей исследований также поручили НИИГА, а возглавил сейсмологические наблюдения автор этих строк. Так в составе Арктической партии появился сейсмологический отряд.

В летний сезон 1968 года в Нагурской была поставлена экспедиционная сейсмологическая станция «Нагурская», ставшая первой экспедиционной станцией не только в советской, но и в зарубежной Арктике. Ее устройство принципиально не отличалось от устройства стационарных станций. Колебания почвы регистрировались трехкомпонентной установкой сейсмографов (вертикальная и две горизонтальных, ориентированных по странам света). Сейсмический сигнал поступал на гальванометры, зеркальца которых освещались сфокусированным лучом от лампочки коллиматора. Колеблющиеся световые «зайчики» попадали на укрепленную на вращающемся барабане регистратора осциллографную бумагу. Марки времени подавались от морского хронометра, контролируемого сигналами по радио.

Я специально даю эти подробности, потому что знакомство с ними позволит лучше понять дальнейший текст. Еще необходимо знать следующее:

- регистрация открытая, т.е. требующая изолированного от источников света помещения;
- система «регистр – гальванометры» должна стоять на твердом грунте, т.е. полы в регистраторской должны отсутствовать;
- барабан регистратора вращается от часового механизма, оборудованного тяжелой (18 кг) гирей, которую нужно периодически подтягивать, как в старых часах – «ходиках»;
- для установки сейсмографов делается углубление в грунте, называемой «ямой». Хорошая яма – залог высокого качества наблюдений.

Эта станция вела регистрацию два года и внесла большой вклад в решение поставленной задачи.

После завершения всех изысканий естественно стал вопрос и о прекращении сейсмологических наблюдений. Однако, после тяжелой борьбы удалось их сохранить, показав, что они с успехом могут быть использованы для изучения современной тектоники и глубинного геологического строения Арктики. За 10 лет с такой аппаратурой (у нас стало два комплекта) сейсмологический отряд, в составе которого было два постоянных сотрудника, Аветисов Г.П. и Барычев Б.Т., провел наблюдения на Новосибирских островах (1972-1976 гг.; 8 точек), в Западной Якутии (1974-1976 гг.; 8 точек), Шпицбергене (1976-1977 гг.; 2 точки), Новой Земле (1978 год; 2 точки).

В июле 1978 года сейсмологическому отряду НИИГА стукнуло 10 лет. В честь этой памятной даты на базе отряда по адресу Ленинград, 1 линия, д. 30 состоялось пышное празднество, продолжавшееся двое суток. В нем принимали участие сотрудники отряда разных лет, сотрудники других родственных подразделений, друзья и знакомые. Празднество предварялось торжественной частью, в ходе которой были зачитаны, опубликованные в стенной печати отряда материалы, посвященные славным сотрудникам отряда.

Заповеди сейсмолога

1. СЕЙСМОЛОГ, ПОМНИ – ТЫ ОТВЕРЖЕННЫЙ НА ЗЕМЛЕ: ТО, ЧТО ТЕБЕ РАДОСТЬ, ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ ГОРЕ;

2. ОСОБЕННО РАДОВАТЬСЯ РАЗРУШИТЕЛЬНОМУ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЮ ВСЕ-ТАКИ НЕ СТОИТ: ВО-ПЕРВЫХ, ЭТО ОПАСНО, ВО-ВТОРЫХ, У ЭТИХ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ ПЛОХОЙ ПЕРВЫЙ ИМПУЛЬС И ВЫДЕЛИТЬ ОБМЕННЫЕ ВОЛНЫ НЕ УДАСТСЯ;

3. КИТАЙЦЫ ХОТЬ И НЕБЛАГОДАРНЫЕ СВОЛОЧИ*, НО ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ ВЫДАЮТ ХОРОШИЕ;

4. ВЫЕЗЖАЯ В ПОЛЕ, ДУМАЙ О ЯМЕ;

5. ВЫБИРАЯ ДОМ ПОД СТАНЦИЮ, НЕ СЛУШАЙ ГЕОЛОГОВ;

6. УСТРАИВАТЬ РЕГИСТРАТОРСКУЮ В СОБСТВЕННОЙ КВАРТИРЕ НЕЦЕЛЕСООБРАЗНО ПО ДВУМ ПРИЧИНАМ: ПЕРВАЯ (для настоящего сейсмолога не главная) – ВЫЛАМЫВАНИЕ ПОЛОВ БУДЕТ СТОИТЬ ВАМ ДОРОГО, ВТОРАЯ (для настоящего сейсмолога главная) – ДИСКУССИЯ С ЖЕНОЙ ПО ПОВОДУ СЛОМАНЫХ ПОЛОВ МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К ВЫСОКОМУ УРОВНЮ МИКРОСЕЙСМ;

7. В ПОЛЕ ТЫ ДОЛЖЕН РАБОТАТЬ, КАК ЧАСЫ, ХРОНОМЕТР НЕ ДОЛЖЕН РАБОТАТЬ, КАК ЧАСЫ;

8. НЕ СПИ НА РАБОТАЮЩЕМ РЕГИСТРИРЕ – ЭТО НЕ УДОБНО. КРОМЕ ТОГО, БЛИК ОТ КОЛЛИМАТОРА БУДЕТ СЛЕПИТЬ ТЕБЕ ГЛАЗА;

9. РАДИОПРИЕМНИК НА СТАНЦИИ ПРЕДНАЗНАЧЕН НЕ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ СЛУШАТЬ «ГОЛОС АМЕРИКИ»;

10. ИСПОЛЬЗОВАТЬ ВРАЩАЮЩИЙСЯ БАРАБАН РЕГИСТРИРА ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНИЯ БРАГИ-СКОРОСПЕЛКИ НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ: ПРИ СМЕНЕ СЕЙСМОГРАММЫ НАПИТОК МОЖНО ПРОЛИТЬ;

* Официальное мнение в 1978 году (Г.А.)

11. НЕ ПУТАЙ ОСЦИЛЛОГРАФНУЮ БУМАГУ С ТУАЛЕТНОЙ, МОЖЕШЬ ПОРАНИТЬСЯ;

12. УВАЖАЙ ОПЫТ СТАРШИХ ТОВАРИЩЕЙ: ВЕРЬ ИМ НА СЛОВО, ЧТО ГИРЯ СПЛОШЬ ЧУГУННАЯ;

14. ВЫЕЗЖАЯ В ЛЕНИНГРАД, НЕ ЛАБАЗИРУЙ СЕЙСМОГРАММЫ.

Краткие характеристики членов сейсмологического отряда

АВETИCOB ГEOPГИЙ ПAPУИPOBИЧ

(сезоны 1968-1978 гг.)

Странная и подозрительная фигура в отряде. Лезет во все дела и ходит по каким-то трупам. Очень любит сидеть перед картой, разглядывать ее, рисовать на ней всякие кружочки, треугольнички и прочую ерунду. Лишь в эти минуты бывает в хорошем расположении духа и по трупам ходить перестает. Трудиться не любит и поэтому по три раза в год меняет место работы. Самогон гнать умеет лишь теоретически. Совершил тяжкое преступление перед человечеством – в 1976 году на о. Малый Ляховский не давал по 50 капель М.Н. Ширшину и, кроме того, отказался от присылки водки с базы. Очевидно, за это наказан судьбой – он единственный в Ленинграде человек, пострадавший от румынского землетрясения 1977 года.

БAPЫЧEВ БOPИC ТИХOHOBИЧ

(сезоны 1969, 1972-1978 гг.)

Лучший в мире оператор и специалист по сейсмологической аппаратуре. Virtuозно устанавливает станцию без всякого ущерба для установки самогонного аппарата. При наличии визы способен установить и то и другое на обратной стороне Луны. Про него слагают песни: «кто в местах немногочисленных пьет из рога беспробудно».

Пользуется большим уважением и любовью в отряде, а также во всех населенных пунктах в сфере его действия. Гроза оленей, песцов, зайцев, куропаток, уток, дрожжей, сахара. Ударник коммунистического труда.

ГAPCKOВ BИKTOР CEPГEEBИЧ

(сезоны 1973, 1974, 1976-1978 гг.)

Человек кристальной честности, временами беззаветно преданный делу, постоянно ищущий его, совесть отряда, без которого все было бы разворовано, пропито и Первым, и пока единственным, разоблачил Аветисова, указав, что тот движется по трупам. Считает, что для того, чтобы успешно бороться с врагами, надо их знать, поэтому самогон гнать умеет. Первый, кому было доверено налаживать международные отношения сейсмологического отряда. С задачей успешно справился, показав, что у них тоже трясет.

CIДOPOВ AЛEКСAНДP AЛEКСAНДPOBИЧ

(сезон 1974 года)

Любимый ученик Б.Т. Барычева. Он не только много почерпнул у своего маститого учителя, но и многое дал ему сам. К сожалению, их совместная деятельность продолжалась недолго. Трудно даже представить те задумки Александра Александровича, которые остались неосуществленными, но и того, что он сделал, достаточно. Надолго останется в памяти жителей Советского Заполярья

транссибирский рейс Александра Александровича и Бориса Тихоновича, совершенный ими в 1974 году по маршруту Мирный – Чокурдах. Они показали себя мужчинами и, несмотря ни на что, доставили ценнейший груз на место, обеспечив успех последующим экспедициям. Выдавший виды В.И. Ильченко, пораженный их мужеством, до сих пор рассказывает молодым полярникам о подвигах их старших товарищей. Эти подвиги отражены также в архивах отделений милиции по всей трассе их знаменитого рейса.

ОЧАПОВСКИЙ ЛЕОНИД БОРИСОВИЧ

(сезоны 1976-1977 гг.)

Лучший геолог среди сейсмологов и лучший сейсмолог среди геологов. Отношения с сейсмологическим отрядом у Леонида Борисовича складывались трудно. Он владел богатым хутором в Темпе и регулярно совершал разбойничьи набеги на владения сейсмологической станции. Однако знакомство с интересной полнокровной жизнью миролюбивых честных сейсмологов благотворно отразилось на Леониде Борисовиче. Он признал свои ошибки, покался, был прощен и принят в отряд (правда, похищенное не вернул). Велика роль Леонида Борисовича в создании выдающегося сейсмологического дуэта Барычев – Очаповский. Фигуры этих богатырей прекрасно вписываются в арктический пейзаж. Их пример показывает, что из двух сильных одиночников возможно создание еще более сильной пары. Леонид Борисович – ветеран Арктики, дух его по-прежнему стоек и крепок, глаз остер, руки не дрожат.

ОЗОЛИН СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ

(сезоны 1975-1976 гг.)

Видный советский гравиразведчик, магниторазведчик, сейсморазведчик, сейсмолог, математик, геолог, физик, химик, кибернетик, мобилист, фиксист, охотник, рыболов, стрелок, культурист, офицер запаса и пр. и пр. В течение двух часов после ознакомления с устройством сейсмологической станции разработал принципиальную схему аппарата регистрации землетрясений, не требующего затемнения помещения. К сожалению, по независящим от Сергея Ивановича причинам подобный аппарат был построен лет за 30-40 до него и носит название «осциллограф сейсмический».

К обязанностям относится добросовестно, хороший семьянин, гнать самогон, конечно, умеет (возможно, теоретически). В настоящее время Сергей Иванович брошен на спасение Норильского горно-металлургического комбината.

СЕМАШКИН ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ

(сезоны 1975-1976 гг.)

Вес 105 кг (до начала наблюдений) и 85 кг (после окончания наблюдений). Подающий большие надежды второй оператор. Стал автором и, к счастью, единственным исполнителем уникального трюка: глубокий безмятежный сон на работавшем до начала номера регистратора. К обязанностям относится весьма добросовестно, в быту ровен и спокоен, очень любит какого-то зайца и пишет ему длинные письма. Самогон гнать умеет.

ТАРХАНОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

(сезоны 1973-1974 гг.)

Про Алексея Алексеевича сказано: сколько бы сейсмологический отряд его ни кормил, он все равно на взрывную машинку смотрит. Тем не менее, Алексей Алексеевич много сделал и оставил о себе самые приятные воспоминания.

Регистраторская, созданная его руками на Темпе, долго еще будет пугать слабонервных черепом и костями. В поле любит комфорт. Возможности Алексея Алексеевича были велики и, по-видимому, раскрылись бы в полной силе, если бы вторым оператором на станции была женщина. Отличный семьянин. Самогон гнать умеет, но предпочитает брагульку.

ШИРШИН МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ

(сезоны 1969, 1976 гг.)

Ветеран Арктики и сейсмологического отряда, непримиримый борец с алкоголем. За свои убеждения неоднократно страдал. Жертва садистской политики Аветисова на о. Малый Ляховский. После этого так и не смог оправиться, вынужден был эмигрировать в Новоземельскую партию и большую часть своей жизни скрываться на Новой Земле. Тем не менее, и там успешно ведет свою борьбу. В 1978 году был окружен агентами Аветисова, но благополучно ушел от них. Значительно меньше повезло ему с агентами охотнадзора.

ЛЕБЕДЕВ РОМАН МИХАЙЛОВИЧ

(сезон 1975 года)

Яркой звездой сверкнул Роман Михайлович на небосклоне сейсмологического отряда. Его пытливый ум был в вечном поиске, он мечтал об открытиях, диссертации, интересной работе. Его желание освоить сейсмический метод было огромно, причем подкреплялось практическими шагами. В поле он взял «Сейсморазведку» для техникумов И.И. Гурвича и, несмотря на невероятно тяжелые условия и постоянную «замаску» прочитал от корки до корки ее первую страницу. Тяжелейшие семейные обстоятельства, атмосфера непонимания не позволили ему продолжить свою кипучую деятельность и заставили переключиться на новую работу. Можно не сомневаться, что и на новом поприще Роман Михайлович добьется огромных успехов.

БЕЛЬГОВСКАЯ ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА

Никогда не числилась на штатах отряда, но всегда была в нашем сердце, мозгу и еще одном органе. Любовь отряда к Ирине Васильевне обладает одной уникальной особенностью: она становится еще больше и безграничнее по мере удаления отряда от Ирины Васильевны. Взаимная любовь отряда и Ирины Васильевны – мощный стимул, толкающий сейсмологов в Арктику.

ПИСКАРЕВ АЛЕКСЕЙ ЛАЗАРЕВИЧ

Его фамилии Вы не встретите на сейсмограммах ни одной из станций, но он стоял у колыбели сейсмологического отряда, долгое время был его вышестоящим начальником, много сделал для успешной работы. Свою плодотворную научно-производственную деятельность Алексей Лазаревич совмещает со спортивной: бегают, прыгает, плавают. Особенно больших успехов он достиг в нардах, по праву являясь сильным любителем. В его активе победа в чемпионате о. Большой Ляховский (правда, следует отметить, что отсутствовали сильнейшие профессионалы, а участники первенства были кем-то споены), а также поражение с почетным счетом 96:100 от Г.П. Аветисова.

Награждения

За достигнутые успехи и в связи с 10-летием сейсмологического отряда:

1. **Аветисова Г.П.** сфотографировать на фоне развернутой сейсмограммы с разрушительным арктическим землетрясением.
2. В честь **Барычева Б.Т.** избу на юге Земли Бунге назвать Борькиной избой.
3. **Гарскова В.С.** премировать гирей с третьей станции на капроновом фале. Носить на шее.
4. Ходатайствовать перед дирекцией о повышении окладов **Сидорову А.А., Лебедеву Р.М. и Озолину С.И.**
5. **Лебедева Р.М.** сфотографировать на фоне второй страницы «Сейсморазведки» И.И. Гурвича. Фотографии разослать женам.
6. **Очаповского Л.Б.** перестать называть «е...ным» геологом.
7. **Сидорова А.А.** навечно зачислить в списки отряда. На всех торжествах держать его стопку наполненной.
8. **Ширшину М.Н.** разрешать в конце торжеств выпивать стопку Сидорова А.А.
9. **Озолину С.И.** выпивать стопку Сидорова А.А. в том случае, когда Ширшин М.Н. делать это будет не в состоянии.
10. В честь **Семашкина В.П.** «пасть» в районе гидробазы на о. Новая Сибирь назвать Семашкиной пастью.
11. **Тарханову А.А.** дать право выламывать полы в регистраторских с помощью взрывчатки.
12. **Бельговскую И.В.** принять в почетные члены отряда (без права получения премий). На всех торжествах место ее держать свободным.
13. **Пискарева А.Л.** принять в почетные члены отряда. Считать его желанным гостем на всех отрядных торжествах. В дни его рождения всем проигрывать ему в нарды.
14. **Фамилии всех членов отряда каленым железом выжечь на гире станции №1.**

После торжественной части был организован праздничный ужин, органично перешедший в завтрак, обед и снова ужин.

Послесловие

На момент празднования уже ушел из жизни А.А.Сидоров. В последующие годы к нему добавились М.Н.Ширшин, В.С.Гарсков, Л.Б.Очаповский. Вечная им память.

В свое время вышли на пенсию ныне здравствующие С.И.Озолин, А.А.Тарханов, И.В.Бельговская. Болеет, но продолжает трудиться по мере своих сил Б.Т.Барычев. Нет информации о судьбах Р.М.Лебедева и В.П.Семашкина. Продолжают активную деятельность Г.П.Аветисов и А.Л.Пискарев.

В последующие за первым десятилетием годы отряд на новом техническом уровне успешно работал в Норильском рудном районе (1979-1984 гг.) и в дельте Лены (1985-1988 гг.). Руководителем его оставался Г.П.Аветисов, до 1983 года работал и Б.Т.Барычев.

Фотографии

Станция «Темп». 1973 год.

Станция «Утес Деревянных Гор». 1975 год.

Станция «Мыс Хвойнова». 1976 год.

Станция «Уджа». 1976 год.

Станция «Баренцбург». 1977 год.

Путевые заметки о поездке во Францию

Проснулся от громких хлопков за стенкой палатки. Шел четвертый месяц нашего пребывания в экспедиции на реке Молодо в полярной Якутии. Кончились почти все продукты, на реке появились забереги, а вертолет, обещанный нам еще месяц назад, все не прилетал. Начальником отряда был Владимир Васильевич Рогожин. Когда мы грузились весной на самолет АН-2, кроме основного снаряжения и продуктов он взял с собой лишний мешок соли и муки, на мой вопрос по этому поводу – ответил коротко и непонятно: «дай бог не пригодятся». Но оказалось все наоборот, мы уже месяц ели только пойманную сеткой рыбу, пекли лепешки на рыбьем жиру и солили рыбу впрок на зиму. А вчера появилась связь с Саскылахом, к нам направили Ми-4 из Оленека, который должен прилететь сегодня. Собрали многочисленное снаряжение и ящики с образцами, легли спать в ожидании чуда.

Хлопки оказались выстрелами из охотничьего ружья. Стрелял Рогожин, похоже сдали нервы или он решил усугубить ситуацию – расстрелять весь боезапас, мол, патронов нет, охотиться нечем, защищаться от дикого зверя тоже нечем – значит, вертолет обязательно прилетит. Хлопки перешли в равномерный шум и боль в ушах. Понял, что это был только сон – воспоминание, а на самом деле самолет идет на посадку в аэропорту Шарль де Голль города Париж во Франции!

Предложение поехать на рабочую встречу в Университет Эколь – Нормаль в Париже было не очень сбыточным, требовалось оплатить самостоятельно дорогу. Но так вышло, что деньги на дорогу удалось заработать. Это было начало 90-х годов, в нашей стране шла перестройка, случались неожиданные предложения по оценке перспектив освоения месторождений алмазов за рубежом. За месяц работы в Танзании удалось покрыть расходы на билеты во Францию и оставить семье на жизнь в ближайшие месяцы. Летел я один, в отличие от обычных групповых делегаций наших специалистов на конференции, среди которых всегда находятся уже бывавшие здесь люди. Коллеги объяснили мне, как доехать до гостиницы, где был забронирован недорогой номер. Самолет коснулся полосы и быстро вырулил к современному зданию аэровокзала с гофрированными шлюзами для выхода пассажиров непосредственно из двери самолета. В то время для нас такие терминалы были необычными, и я только однажды их видел в аэропорту города Осло. Прилетели туда мы группой во главе с Женей Мусатовым обсуждать результаты Российско-Норвежского проекта Земля Франца Иосифа – Шпицберген. Вспомнился курьезный случай, произошедший со старейшим членом нашей делегации – Виталием Давыдовичем Дибнером. Самолет также пришвартовался к гофрированному «хоботу» – коридору, и пассажиры потянулись на выход. Мы с Женей сидели в хвосте самолета и вышли последними, немного задержавшись. В коридоре на пункте контроля полицейский спросил нас о цели визита и, услышав ответ про геологию Арктики, без сомнений поставил нам штампы прибытия в паспорта и пропустил через норвежскую границу. Коллеги нас уже поджидали, чтобы двинуться дальше к таможенному контролю и на выход. Естественно, мы окинули всех взглядом, на всякий случай пересчитали, оказалось, одного нет – нет Дибнера. Все видели его в самолете, но никто не заметил его переходящим границу. Послали гонца вперед, может быть, он успел раньше уйти на таможню, но там его не оказалось. Пришлось оставить вещи и бежать обратно в самолет, стало тревожно – все же Виталию Давыдовичу уже было почти восемьдесят лет. Полицейский удивился, когда мы, размахивая паспортами, пробежали мимо него в самолет, у них почему-то там нет вертушек с запором. Мы ворвались в самолет,

расспросили стюардессу: « не остался ли кто на борту, может быть, в туалете?». Она говорит: «никого». Пропустить мы его не могли. Решили идти медленно и осматривать любое возможное для проникновения человека пространство от самолета до полицейского. На изгибе шлюза я обратил внимание на маленькую полукруглую дверь. Она была плотно закрыта, но я решил проверить, чтобы не оставлять сомнений. Взялся за ручку и дверь легко открылась наружу на приличной высоте от земли. Я уже хотел ее снова закрыть, но вдруг, о счастье, увидел среди самолетов знакомую одинокую фигуру, волочившую за собой дачную клетчатую тележку, уверенно вышагивающую по летному полю аэродрома города Осло. «Виталий Давыдович!» – закричали мы с Женей, высовываясь из шлюза и размахивая руками, но Дибнер нами совсем не заинтересовался и продолжил движение. Внизу оказалась металлическая лесенка с узкими ступеньками, я быстренько спустился на поле и собрался догнать Виталия Давыдовича, но тут он вдруг обернулся, увидел нас с Женей и бросился к нам с необыкновенной радостью и некоторой виноватостью. Мы тоже были очень рады, что Виталий Давыдович жив – здоров, подняли его и тележку обратно в шлюз, захлопнули служебную дверь и благополучно миновали полицейского уже втроем.

Памятуя об этом случае, выходя из самолета в Париже, я настроился на самый строгий контроль своих действий: «здесь я один и никто меня искать по полю не станет». Миновав все виды контроля в аэропорту Шарль де Голль, далее вы перемещаетесь исключительно по стрелкам с надписями, при этом вокруг двигающаяся в различных направлениях масса людей. Эскалаторы поднимают и опускают пассажиров так, что через стеклянные трубы, в которых эти эскалаторы бесшумно движутся, вы видите других пассажиров, которые едут вниз или, напротив, вверх. Наконец, я вышел на площадь под козырьком аэровокзала и нашел почти пустой автобус до Парижа. Расплачиваться пришлось сразу, неорганизованных пассажиров оказалось немного и мы вскоре поехали, пересекли большие поля, много автодорог и мостов, город начался внезапно с маленьких домиков и затем сменился пятишестиэтажными доходными домами в петербургском стиле и редкими дворцовыми постройками.

Очень хотелось спать, так как всю ночь накануне вылета я провел в сборах и уже в пять утра приехал в Пулково. В автобусе на мгновение заснул, а открыл глаза, когда въехали и затормозили на Плас - Опера, площадь перед оперным театром была пустыня – воскресенье, раннее утро. Мои немногочисленные попутчики быстро засобирались и разошлись из автобуса в разных направлениях. Я замешкался, т.к. в аэропорту мне оторвали ручку от старенького картонного чемодана, пришлось его перевязать веревкой и взять подмышку, в другой руке я нес дипломат с бумагами и документами. Автобус закрыл двери и уехал, вокруг никого. По плану, выданному мне коллегами, дальше я должен был доехать на метро до станции Плас де Итали. Метро должно было быть рядом, поэтому я быстро пошел по периметру площади, разглядывая величественное красивое здание Оперного театра. Однако никаких признаков входа в метро не оказалось ни на противоположной стороне, ни дальше, когда я уже возвращался к театру по другой стороне площади. Наконец, я увидел какого-то пожилого мужчину, одиноко прогуливающегося у входа в театр. Похоже, что он меня заметил раньше и теперь без смущения смотрел прямо на меня. С надеждой отыскать метро, я направился к нему, заранее заготовив вопрос с французским началом: «Извините, я не говорю по – французски...» и дальше на английском - где вход в метро, чтобы доехать на Плас – де Итали. Меня предупредили, что французы по-английски не говорят или не хотят говорить, а мне нужен был ответ на этот вопрос. Подойдя к старику ближе, я разглядел его берет, пальто, блестящий фотоаппарат в

руках и понял, что это западня, что меня будут фотографировать, а потом заставят платить франки, которых у меня было очень не много. Я остановился на почтительном расстоянии и, держа чемодан под мышкой, произнес, не глядя в лицо фотографу: «Добрый день, хорошая погода, не правда ли?». Он ответил – «О, да, погода замечательная, солнечная, ваша фотография хорошо получится». Я попятился и выкрикнул: «Нет, нет, спасибо, я по утрам не фотографируюсь!». Тут фотограф широко улыбнулся и любезно спросил: «Видно, что вы только что приехали, откуда, если не секрет?» Я с гордостью ответил, что из России и прибыл на научную конференцию, наверное, чтобы убедить фотографа, что я не шпион. Он улыбнулся еще шире и спросил, из какого я города. Я понял, что ему просто скучно одному здесь на площади и он решил со мной поболтать, однако мне было не до бесед. Я ответил, что из Питера и быстро спросил: «А где у вас здесь вход в метро, ищу уже полчаса, не могу найти?» Фотограф: «Как где? - Вот на углу площади один и второй - на противоположной стороне». Смотрю и не вижу: «я там был и никакого метро не видел». Он показывает носом: «Вон там маленькая оградка и лестница под землю». «Неужели? Ни за что бы не подумал»- изумился я. Поблагодарив фотографа, я быстро пошагал в сторону оградки, которая при первом беглом осмотре показалась мне входом в подземный туалет.

Спустившись по ступенькам, я обнаружил узкий коридор с небольшой стеклянной будкой, где никого не было. Когда я приблизился и заглянул внутрь через стекло, то увидел седенькую голову, лежащую на столе, – кассир спала. Постучал в окно, мадам встрепелась, с улыбкой обратилась по-французски, я ответил по-английски, что мне нужно десять билетов. Женя Гуревич, еще в Петербурге, сказал, что так дешевле на 30%, по сравнению с приобретением билетов на метро по одному. Дальше по коридору с белокафельными стенами и немного вниз по лестнице, и вы уже оказываетесь на платформе.

В то утро на станции никого, кроме меня, не было, я нашел по надписям нужное мне направление и стал ждать электричку, держа в обеих руках мой багаж. С рекламных плакатов нового кино, расположенных на полукруглом потолке, на меня смотрели огромные физиономии знаменитых Алена Делона и Жана-Поля Бельмондо. Оба были очень загорелыми и хитро улыбались.

Поезд скоро пришел и остановился напротив, жду, когда откроют двери, но через минуту понимаю, что они или сломались, или поезд не туда заехал, в общем, он постоял и тронулся дальше. Минут через пять прибыл еще один, остановился напротив, в нем было больше народу, среди которого довольно много африканцев с белыми яблоками глаз, которые от нечего делать с любопытством уставились на меня – двери опять не открылись и поезд пошел дальше. Меня охватило беспокойство от безвыходной ситуации, но когда прибыл третий поезд, одна дверь в соседнем вагоне открылась и из нее вышла женщина. Я не раздумывая бросился вдоль вагона к открытой двери и влетел в нее, боясь, что не успею. Она действительно закрылась автоматически, но с большой паузой после моей посадки.

Пассажиры разглядывали меня с нескрываемым интересом. Одна африканка явно пыталась скрыть улыбку и я незаметно осмотрел себя, но ничего необычного, кроме перевязанного веревкой чемодана, не обнаружил. Я взглянул на нее с суровым упреком – мол, грех смеяться над бедностью и, прижимая чемодан к груди, сел с ней рядом на мягкое кресло. Пассажиры в парижском метро сидят не рядом, как у нас, а парочками в креслах, расположенных по сторонам вагона наподобие купе. У меня была задача выяснить, как же открываются двери, чтобы мне выйти на своей остановке. Поэтому я сел так, чтобы видеть дверь, но смотреть пришлось через плечи сидящего

напротив, лицом ко мне, пожилого француза, который стал ерзать уже через две остановки, видимо, я так напряженно вглядывался в механизм дверей, что он все мои усилия воспринял на свой счет. Наконец, он быстро засобирился и направился к этой двери, после остановки пассажир неувлимым движением руки сбросил крючок или на что-то нажал и дверь с шипением распахнулась. Тут я понял, что двери нужно открывать руками самому и стал планировать, как мне удержать свой багаж в одной руке, а другой заняться дверью. Моя станция была конечной, там выходили все оставшиеся, поэтому я пристроился к общему потоку и благополучно вышел из поезда. На Плас де Итали выход из метро был посолоннее, чем на Опера, на манер нашего пешеходного подземного перехода.

Банковскую улицу нашел по плану без труда. Маленький отель располагался на улице Банкер, при входе колокольчик, чистенький вестибюль, в углу стойка регистрации. Мне был заказан номер, и я обратился к полуспящему служащему за стойкой по-английски с просьбой вселить меня в гостиницу. Он с трудом понимал, о чем я говорю, попросил заполнить карточку, и глядя на нее, нашел мое имя в списке заявок, выдал мне ключ, указав на дверь в глубине коридора. Я бодро зашагал к этой двери, открыл ее и оказался на улице под дождем... Это был двор – колодец, слева большой помойный ящик и прямо напротив еще дверь в дом, я направился к ней, по-прежнему перехватывая из руки в руку мой багаж, открыл ее и оказался в полной темноте на лестничной площадке. Мой номер был 03, а значит на первом этаже, но видимости на лестнице никакой, поэтому сначала вновь пришлось открыть дверь во двор, чтобы разглядеть, где находится выключатель, потом его включить, а затем взять вещи и двинуться в поисках своего номера. Прюделав все это, я счастливый дотронулся до ручки двери, ведущей в коридор первого этажа, но свет вдруг опять погас. Достал зажигалку и зажег ее, так, почти со свечой в руках, я снова нашел выключатель в коридоре, нажал на него и бегом ринулся в поисках двери с номером 03. Она оказалась рядом с входом, я вставил ключ в замок, повернул его и вошел в мои апартаменты...

Первое, что бросилось в глаза, - это белоснежный унитаз по середине комнаты. Кровать и шкаф стояли вдоль стен. Удивляться за этот день я уже устал, поэтому просто проверил, работает ли сантехника, в лицо брызнуло свежей струей, внутри оказалось сливное отверстие с пробкой на цепочке и я понял, что это не унитаз, а биде – французское изобретение. Возможно, так принято во французских гостиницах – туалет в коридоре, а биде обязательно для удобства в номере. Потом я убедился, что это не так, просто это был уникальный номер со старинным оборудованием. В дальнейшем я его приспособил для стирки носков, т.к. чистота этого сооружения была идеальной. Оставив вещи в номере, я взял большой черный зонт и пошел на улицу прогуляться по берегу Сены. Дождик понемногу стих, и я вышел на мост, ведущий на остров Ситэ со знаменитым храмом Нотрдам де Пари. Это величественное сооружение классической готики – Собор Парижской Богоматери - поражает не только и не столько снаружи, сколько внутри своей бесконечной высотой и длиной.

Уже была вторая половина дня, на площади перед собором толпились туристы, фотографировались. Ко мне неожиданно обратился молодой человек с протянутым фотоаппаратом и что-то произнес по-французски. Я к тому времени уже расслабился и совсем не предвидел, что меня захотят сфотографировать за деньги второй раз на дню. Поэтому я прореагировал несколько резковато – выкинул растопыренную ладонь в сторону аппарата и заорал, что есть мочи: «Ноу, ноу!» У молодого человека застыла улыбка на лице и мигом превратилась в гримасу обиженного ребенка. Здесь я увидел, что парень не один, а с девушкой, и до меня дошло, что они меня просили сфотографировать их на фоне собора. Заулыбавшись, я извинился за ошибку, взял

аппарат и снял их несколько раз в обнимку на разных фонах острова Сите, красивейшего места на Сене.

Смеркалось, решил поспешить вернуться в гостиницу. На улице Банкер, на подходе к отелю, вдруг вижу - навстречу идет Дараган Юрий Иосифович, мой друг со студенческих лет, под ручку с хорошенькой дамой. Эта встреча не была запланирована, но я знал, что Юра выехал в Париж на неделю раньше и скоро должен вернуться в Россию. Мы крепко обнялись и пошли ко мне в номер. Даму взяли с собой, так как вблизи она оказалось Анечкой, дочерью Юрия Иосифовича, знакомой мне с пеленок, а ныне уже совсем взрослой, жившей несколько лет за границей. Открыли привезенную водку, нарезали докторскую колбасу и с удовольствием выпили за встречу. Анна была не в восторге от таких посиделок, и вскоре мы вместе пошли бродить по ночному Парижу.

Начав осмотр с витрин Мулен-Руж, знаменитой мельницы с полуобнаженными танцовщицами, мы поднялись на гору Монт-Мартр, зашли в собор, послушали вечернюю молитву и пошли вниз к Сене по улице Сен-Дени. Это узкая темная улочка известна своими красными фонарями. На одном из освещенных углов собралась толпа туристов, мы тоже к ним присоединились. В центре стояла высокая дама с совершенно невероятной величины бюстом, беспредельно обнаженном в глубоком декольте. Большинство мужчин, онемев смотрели на это торжество плоти, но один француз спокойно беседовал с полногрудой, не обращая внимания на окружающих. Полюбовавшись этим зрелищем, мы заспешили в свои гостиницы, утром нужно было явиться во время в Эколь-Нормаль и начать работу.

Утро выдалось солнечным, в Университет можно было дойти пешком за полчаса. Путешествие по утреннему Парижу мало чем отличается от Петербурга – большинство спешат на работу. По узкой пешеходной улочке, ведущей к университету, шла толпа, но впереди происходило какое-то замешательство, обходили кого-то или что-то перегораживающее путь. Наконец и я приблизился к препятствию и увидел перед собой лежащего на мостовой огромного черного пса породы водолаз, он спокойно расположился поперек улицы и наблюдал за хозяином лавки, выставляющим свой товар вдоль стены. Создавалось впечатление, что все прохожие его знали и безропотно с улыбками обходили собаку.

Без труда нашел кирпичный дом университета естественных наук - Эколь Нормаль, но вот вход в него пришлось поискать, он оказался во дворе и без всякой вывески. Туда направлялись редкие сотрудники. Я поспешил за ними, но немного не успел, внизу оказалась дверь с кнопчным кодовым замком, подошел еще кто-то из сотрудников и помог ее открыть, поднялся на лифте на 4 этаж и опять дверь с кодовым замком. Пришлось нажимать кнопку звонка, после чего мне открыла пожилая дама и любезно объяснила, куда двигаться дальше. Заведующий кафедрой был занят; после небольшого ожидания, меня представили ему, в ответ он вежливо выслушал мою короткую речь о намерениях, проводил к свободному письменному столу и ушел. Через пятнадцать минут сидения за эти столом я понял, что до меня никому здесь нет дела. Тогда я сходил в библиотеку. Она оказалась буквально на крыше в небольшом стеклянном пентхаузе. Книг было в библиотеке очень немного. Я нашел пару полезных статей, сделал выписки и полюбовался видом на Париж с крыши университета. Что-то мне подсказало, что нечего здесь штаны протирать, а пока есть время, нужно побольше посмотреть в Париже. С этими мыслями я направился к заведующему кафедрой и с порога ему объявил, что Париж – это столица мира и вообще очень красивый город, что ему очень повезло, что он здесь живет, и что я тоже хотел бы приобщиться к этой

красоте и пойти посмотреть достопримечательности города. Шеф не стал возражать, заулыбался и сказал, что увидимся позже.

Я бегом выскочил из университета и направился осматривать город. В этот раз решил посетить Лувр и Эйфелеву башню, но передумал, так как в Лувр советовали идти рано утром, тогда туда можно попасть почти без очереди. На следующий день вместо университета я отправился в Лувр. Грандиозная стеклянная пирамида во дворе оказалась не такой большой, как складывается впечатление из кинофильмов и фото, под ней гардеробы, кассы и можно получить автоматического радио-гида, если одеть наушники с пультом управления. С таким гидом удобно, когда он надоедает, можно нажатием кнопки его отключить. В целом, Лувр произвел бедноватое впечатление по сравнению с нашим Эрмитажем, а темнота в залах напомнила о патологической склонности французов к экономии электричества. Толпа у портрета Монны Лизы привлекла и меня. Портрет расположен за толстым пуленепробиваемым стеклом и поэтому плохо различим. Но, если приблизиться, то можно поймать завораживающий с вечной тайной взгляд мадонны Леонардо да Винчи.

От Лувра, через Елисейские поля, я дошел до Эйфелевой башни. Внизу оказалось две длинные очереди на подъем. Я выбрал, естественно, ту, что короче. Простояв некоторое время, стал вглядываться в людей в очереди – одна молодежь, тут я понял, что длинная очередь на подъем на лифте, а короткая – пешком. После экскурсии по Лувру, подниматься пешком на Эйфелеву башню оказалось выше моих сил. Поэтому я выбрал простое решение: вышел из этой очереди и встал в третью, самую короткую – за французскими батонами с горячими сосисками и кетчупом. С утра ни крошки во рту, поэтому эта очередь оказалась самой привлекательной из трех. Получил свой батон и откусил кусок побольше, одновременно присаживаясь на ближайшую лавочку. Оторвав глаза от батона, я увидел напротив себя мальчика цыганского вида, который протягивал ко мне руку и просил ему что-то дать. При этом малыш не производил впечатление голодного туриста. Зрелище было очень знакомым, поэтому слова вырвались по-русски: «Сам хочу есть!». Чтобы парень не мозолил мои глаза, я встал, повернулся и сел на лавку к нему спиной. Только я взглянул на свой батон с сосиской, передо мной нарисовалась девочка, очень похожая на парня, наверное, его сестра, протянула руку и произнесла: «Месье ...», я дал ей медные сантимы, но ей этого оказалось мало и она продолжила свои просьбы более настойчиво и громко. Давать было больше нечего, а в глазах стоящей очереди за булками я выглядел патологической жадиной. Поэтому решил поскорее покинуть это лобное место под башней и пойти в ближайший сквер, чтобы наконец спокойно съесть свой батон.

Я нашел свободную скамейку довольно скоро и приступил к еде. Не прошло и минуты, как на мою скамейку присели парень с девушкой, причем парень сел на скамейку, а девушка оседлала его верхом, растопырив ноги, стала страстно целовать. Я от изумления прекратил жевать и отвернулся от них. Дальше хуже, скамейка вдруг стала подпрыгивать вместе со мной, я обернулся на парочку и увидел, что девушка подсакивает на парне, явно изображая половой акт. Есть хотелось по-прежнему, но в условиях разгула французских нравов жевать батон было как-то неудобно. Я встал и направился искать другую свободную скамейку в глубине сквера.

Наконец повезло, я увидел одинокую фигуру пожилого человека, сидящего с газетой в руках. Я уселся на другой край скамьи и продолжил наслаждаться поеданием батона с сосиской, залюбовался красотой огромной Эйфелевой башни над моей головой, весенним солнцем и опустил руку с сосиской под скамейку. Вдруг, чувствую,

что-то теплое, мокрое и нежное лизнуло меня в руку и вырвало остаток батона с сосиской вместе. Я заглянул под скамейку, но было поздно, собака – бульдог облизывалась, а заметив мой «дружественный» взгляд, быстро прижалась к ноге хозяина-старичка. Значит, доест батон была не судьба, решил я и отправился на улицу Банкер, вспомнив про привезенные с собой консервы.

О чем еще мне хотелось бы упомянуть, так это об очаровательном чувстве юмора французов. Вернувшись в номер, я захотел ополоснуться в душе. Номер был самым недорогим, и в нем отсутствовали такие удобства, как туалет, ванна или душ. Я пошел к стойке регистрации и спросил, где можно принять душ. В этот раз за стойкой сидела молоденькая блондинка, она улыбнулась и сказала, что душ у них стоит двадцать франков, давайте деньги и вы получите ключ от кабинки. Я заплатил, выяснил, что душ находится в другом здании, пошел на второй этаж, нашел кабинку, включил свет и проверил, есть ли горячая вода. Все было в порядке, и я вернулся в номер за полотенцем, мылом и сменой белья. За время моего отсутствия кабинку никто не занял, я разделся, включил душ и принялся мыться. Как следует намылив голову и все тело, хотел начать ополаскиваться, и в этот момент погас свет. Сначала это меня не очень встревожило, я стал искать наощупь выключатель, чтобы снова включить его. Но у входа его не оказалось и тут я вспомнил, что он находится не внутри, а снаружи, в коридоре, на расстоянии примерно метра от двери. Собрав все мужество, я тихонько приоткрыл дверь и голый, но намыленный выскочил в коридор, глаза не открыл, мыло уже начало щипать, нащупал выключатель, вслушиваясь в малейшие шорохи гостиницы, наконец, включил свет и шмыгнул обратно в кабинку. На этот раз я стал проворно смывать мыло, вытираться и по-солдатски быстро оделся, понимая, что свет скоро снова погаснет. Когда я закрыл кабинку на ключ и подошел к стойке регистрации его вернуть, блондинка вежливо улыбнулась, но мне было не до улыбок, я решил возмутиться и рассказал ей о случившемся. Настороженное лицо блондинки вдруг ярко покраснело и она стала громко и безудержно хохотать. Было видно, что она старалась остановиться, но хохот так ее разбирал, что даже потекли слезы. При виде женских слез я всегда смягчаюсь, поэтому я криво улыбнулся ей в ответ, сказал мерси за душ сразу на двух языках и отправился в свой номер. С тех пор, когда я сдавал или брал у нее ключ от номера, блондинка начинала давиться смехом, еле справляясь с желанием расхохотаться мне в лицо.

Французы оригинально называли универсам, в котором все продукты продаются в два-три раза дешевле, по сравнению с остальными магазинами. Дело в том, что по истечении половины срока годности, чтобы не залеживался товар, его перевозят в другой магазин со звучным и однозначным названием «Ля Мутант» и продают его там по более низким ценам. Несмотря на страшное название, в Страсбурге в этот магазин всегда стоит очередь, берут оптом все подряд, включая французское шампанское.

Французы экономят деньги. Например, в Страсбурге, в университетском городке мне пришлось отстоять длинную очередь в столовую, соизмеримую с очередью под Эйфелевой башней, только затем, чтобы пообедать за 50% стоимости, остальную часть обеда там оплачивает университет. Коллеги из физического института научили меня, что нужно представиться кассиру и сказать: «я профессор из России и прибыл к ним на стажировку». Кассир сделал какие-то пометки и взял с меня тоже всего половину стоимости обеда.

Вообще во Франции обеденный перерыв отличается от нашего. Он длится не менее двух часов. После вкусного обеда в университетской столовой все поднимаются

наверх, в уютный бар и пьют кофе, мило беседуя на животрепещущие темы. В баре можно курить и сидеть, сколько тебе захочется. Это мне очень понравилось.

В поезде, на пути из Страсбурга в Париж, я сел в половину вагона, где висели таблички «Для курящих». То есть можно курить, не сходя со своего места. Напротив устроилась юная дама, сразу достала пачку сигарет и закурила, вторую и третью сигареты она прикуривала от предыдущих. Я с тревогой на нее посмотрел – не случилось ли чего непоправимого, но дама беспечно глядела на мелькающий за окном пейзаж, продолжая испускать клубы дыма. Дышать стало трудно, я понял, что мое место среди некурящих и пересел на другую половину вагона. За четыре часа пути до Парижа можно выйти в тамбур пару раз покурить, но сидеть остальное время приятнее среди некурящих.

Получить деньги нужно было в социальном научном центре, созданном для поддержки иностранных ученых. Там был длинный хвост из арабов, индусов, болгар, румын и африканцев. Когда я дождался своей очереди и подошел к чиновнику, то выяснилось, что я напрочь забыл фамилию моего французского куратора, пришлось обойтись только именем – Мишель из Эколь-Нормаль. Мне поверили на слово и, выдавая крупные купюры, предупредили, чтобы я не доставал их в метро. На мой вопрос: «Почему?» кассир коротко ответила: «Воруют» - и закрыла за мной окошко.

Полученные деньги захотелось сразу истратить, и я направился за подарками родственникам в крупный универмаг “С & А”. Мне было велено купить себе куртку, а жене плащ. В отделе верхней одежды было сначала мало народу, и я довольно спокойно подобрал себе нужного размера ветровку и оплатил. Задача покупки плаща для Нади оказалась сложнее. Размеры у французов другие, я понял это при покупке мужской одежды. Наконец нашел приемлемый цвет и длину плаща, чтобы прикрывал ноги почти до пола. А вот размер определить было невозможно. Неожиданно тишину магазина нарушили громкие крики соотечественников: «Ма-а-а-нька, беги сюда! Здесь плащи дают!». Я обернулся на возглас и увидел рядом огромную женщину с пунцовыми от беготни щеками. Она не обращала ни на кого внимания и продолжала громко делиться впечатлениями со своей подругой на своем районном диалекте, наверное, Манька была туга на ухо. Я с улыбкой и надеждой обратился к крупной соотечественнице: «Мадам, извините, не могли бы вы мне подсказать, чем отличаются наши размеры от французских?» Дама сильно вздрогнула, открыла рот и после долгой паузы тихо вымолвила: «Ой, я не знаю», лицо у нее стало свекольного цвета. Очевидно, что она никак не ожидала встретить здесь соотечественника или ее впервые назвали мадам. Однако дама с готовностью предложила свои услуги по примерке плаща. В общем, плащ я купил, но Наде он оказался велик почти на пять размеров.

Чтобы не опоздать на самолет, я приехал в аэропорт Шарль де Голль заблаговременно, примерно за три часа до отлета. В автобусе выяснилось, что аэропорт имеет несколько порталов для отправки в разные направления и что автобус останавливается возле них по очереди. Я пустил свой билет по рядам пассажиров, чтобы каждый высказал свое мнение о том, где мне лучше выйти. Все сошлись на том, что мне нужно доехать до Центрального портала, и это было правильно. Я нашел свою стойку, где и стал ждать объявления посадки, до которой оставалось почти два часа. В это время здесь стали собираться пассажиры на рейс в Объединенные Арабские Эмираты. Напротив меня уселись в кресла десятки мужчин в различных по цвету халатах, некоторые в роскошной европейской одежде. Вдоль ряда ходил услужливый мужчина и предлагал коробки с играми, приносил чай в пиалах и неприметно кланялся, подходя к каждому из пассажиров. Меня он распознал сразу и обходил стороной. Тем

временем мой арабский сосед слева что-то прокричал этому человеку и ему быстро принесли стеклянную миску с водой и двумя плавающими там половинками лимона. Я подумал, что араб очень захотел пить, но он не взял чашу с водой, а только погрузил в нее свои ладони, быстро вынул и сунул их в протянутое обслугой полотенце. Руки ему стали вытирать, так как он застыл с вытянутыми вперед ладонями и не шевелил ни одним пальцем. Вокруг разносились ароматы благовоний или духов. Другому пассажиру принесли тазик с водой и он бесцеремонно снял туфли, носки и засунул туда свои волосатые ноги, а слуга начал их тщательно массировать и потом протирать полотенцем. Я был совершенно ошеломлен зрелищем царского быта и не заметил, как ко мне подошел служащий аэропорта с вежливым вопросом, куда я лечу. Выяснив, что в Россию, он перешел на русский и попросил меня подождать в других свободных креслах. Наверное, кто-то из арабов пожаловался, что я бесцеремонно плююсь на них.

В самолете опять снилась Якутия, прилет на базу и скорое возвращение домой в Ленинград.

Март, 1997 г.

III. Воспоминания

Аветисов Г.П.

“Каждому свое:

Одним – ICAM,

Другим – АМ”*

Поход НЭС “Академик Федоров” в район полюса недоступности

(Впечатления старого арктического сейсморазведчика)

Предыстория вопроса и цель похода. Задыхающаяся от узости своих границ и скудности минерально-сырьевой базы Россия напряженно ищет возможности для расширения того и другого. В связи с этим, во II половине 80-х гг., еще в бытность СССР, партия и правительство обратили внимание на арктические шельфы и прилегающие к ним океанические акватории. Согласно положениям “Конвенции ООН по морскому праву” 1982 года, при выполнении определенных геологических критериев, а именно, наличии осадочного чехла большой мощности и/или доказанном континентальном типе земной коры, внешняя граница континентального шельфа может быть отодвинута за пределы континентального склона далеко в глубь Арктического бассейна. Если с абиссальными котловинами все более-менее ясно, то тип коры провинции хребтов и поднятий и разделяющих их впадин в Амеразийском суббассейне весьма дискусионен. Для решения проблемы в марте-апреле (наиболее благоприятное для работы авиации время) 1989 года Полярная морская геологоразведочная экспедиция (ПМГРЭ) совместно с ГУНИО организовала и провела геофизические исследования в Центральном Арктическом бассейне по субмеридиальному профилю через котловины Макарова и Подводников. Главным видом исследований, ради которого все и затевалось, были глубинные сейсмические зондирования (ГСЗ), непосредственным руководителем которых был назначен автор этих строк. Работы выполнялись авиадесантным способом с дрейфующей ледовой базы. С помощью вертолетов МИ-8 на льду выставлялись сейсмические регистраторы, и разбрасывалась взрывчатка. Длина линии наблюдений достигала 200-220 км. После того, как на льду все было подготовлено, на высоту 2-3 км поднимался самолетик АН-2, с которого подавались радиосигналы на включение регистраторов и команды к производству взрывов. По окончании все быстро убирали со льда и сматывались на базу. Таких сеансов за сезон было три. Надо сказать, что до того момента подобного масштаба сейсмические работы на дрейфующем льду не проводились никем и никогда. Успех в первую очередь зависел от четкости и оперативности работы на профиле. Расстановка должна была отрабатываться максимум за сутки. В противном случае можно было потерять всю технику уже в начале работ, после чего осталось бы, рыдая и размазывая слезы по обмороженным лицам, отправляться домой на растерзание начальству. Однако сейсморазведчики отработали блестяще. Если учесть, что все это проходило в апреле, в тридцатиградусные и более морозы с ветерком, необходимо признать наличие у исполнителей не только высокого профессионализма, но также и большого мужества. Важным достижением работ 1989 года было не только получение новой информации. Был преодолен некий психологический барьер, сомнение в том, можно ли вообще реализовать подобные исследования на дрейфующем льду. Аналогичные ситуации

* Шутка автора (ICAM – Международная конференция по арктическим (континентальным) окраинам, АМ – арктическая окраина). Намек на то, что одни обсуждают научные проблемы, а другие в это время потом и кровью добывают знания об этих самых окраинах.

часто встречаются в спорте: рубеж 500 кг в тяжелой атлетике, 2 м в прыжках в высоту, 10 с в беге на 100 м и т.д. Главное – первый раз, дальше – проще, до следующего рубежа.

Наблюдения были продолжены в последующие, вплоть до 1992, годы. В результате был отработан профиль от шельфа островов Де-Лонга до Северного полюса, позволивший увязать структуры заведомо континентальной коры шельфа с корой глубоководной части океана, а также субширотный профиль вкрест хребта Ломоносова. Бессменным начальником экспедиции все эти годы был М.Ю.Сорокин.

Хотя полной ясности насчет природы коры не было, работы из-за недостатка ассигнований были прекращены. Тем не менее, вопрос с повестки дня не снимался, и при первой же возможности, в 2000 году, работы решено было продолжить по той же, оправдавшей себя системе наблюдений, но уже не с ледовой базы, а с борта ледокольного судна. В качестве объекта наблюдений был выбран наименее изученный во всех отношениях район подводного хребта Менделеева и зон его сочленения с прилегающими котловинами, район максимально удаленный от любой суши, район полюса относительной недоступности (рис.1). Судовой вариант базирования имелся в

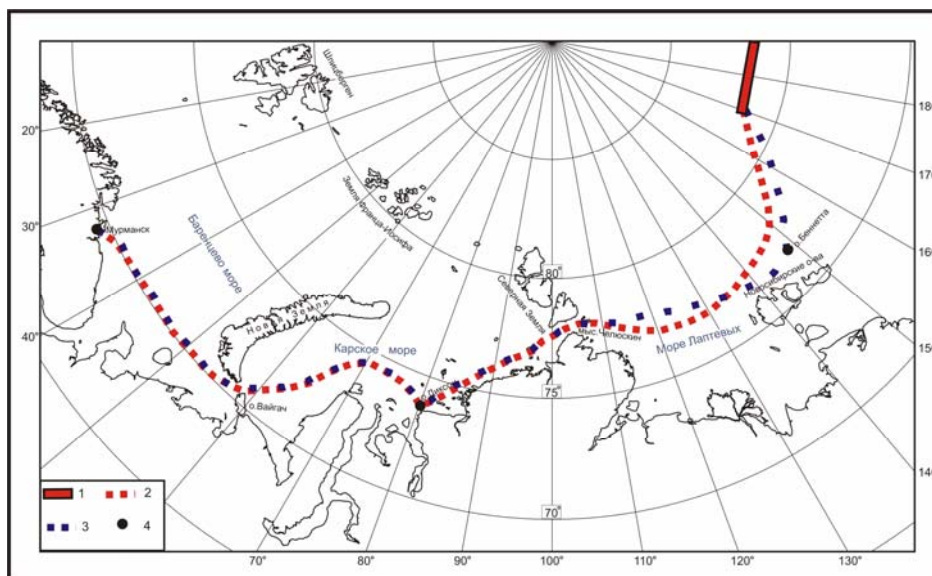

Рис.1 Схема маршрута и район работ

1 – сейсмический полигон; 2 – путь туда; 3 – путь обратно; 4 – пункты захода

виду всегда, сейчас он стал единственным реально осуществимым. Однако использование судна, обеспечивая множество организационных преимуществ, ставило целый ряд новых вопросов, однозначный ответ на которые могла дать только практика. Все эти вопросы возникали из-за необходимости переноса сроков наблюдений: в настоящее время нет такой ледокольной техники, которая могла бы в условиях наиболее сплоченных льдов гарантированно и оперативно доставить экспедицию в намеченный район работ и обеспечить регулярное передвижение там. По всей совокупности ограничительных условий, первым из которых была возможность предоставления судна, новым сезоном работ был выбран период август-сентябрь. Сомнения одолевали из-за того, что этот период в отличие от марта-апреля был одним из наименее благоприятных для полетов. Как правило, это время года в Арктике – период постоянных туманов. Кроме того, большие опасения вызывала возможная

ледовая обстановка. Нужен был оптимальный вариант. С одной стороны, лед должен быть недостаточно сплоченным, чтобы судно могло без особых проблем передвигаться, с другой стороны, он должен быть достаточно сплоченным, чтобы на него могли садиться вертолеты. В данных, не зависящих от человека обстоятельствах, оставалось надеяться на удачу, а везет, как говорят в спорте, сильнейшим, т.е. наиболее подготовленным. Как показала жизнь, подготовка была отличной, и удача не заставила себя ждать.

Для работ было задействовано научно-экспедиционное судно ледокольного класса “Академик Федоров”, многократно участвовавшее в арктических и антарктических походах (рис.2), и два специально оборудованных для высокоширотных полетов вертолета МИ-8 (рис.3). Для проводки в район работ был привлечен атомный ледокол “Россия” (рис.4).

Помимо главного вида, работ ГСЗ, комплекс наблюдений включал в себя широкий круг геолого-геофизических, гидрологических, экологических и др. исследований. Сейсморазведчики должны были добыть информацию о глубинном геологическом строении региона.

Рис.2 Научно-экспедиционное судно “Академик Федоров”

Рис.3 МИ-8 взлетает с вертолетной площадки НЭС “Академик Федоров”

Рис.4 Атомный ледокол “Россия”

Состав геофизической группы. Отправление. Из опыта известно, что возобновлять что-либо после долгого перерыва весьма сложно. Как говорится, “иных уж нет, а те далече”, аппаратура устарела и разрушилась. Руководством ПМГРЭ было принято логичное решение о подключении других организаций, имеющих нужных специалистов и необходимое оборудование. Для производства работ ГСЗ был привлечен отряд сотрудников московской организации “ГЕОН”, специализирующейся на проведении широкомасштабных исследований ГСЗ. Отряд был оснащен первоклассной отечественной аппаратурой “Дельта” с цифровой регистрацией сейсмического сигнала. За плечами этих прекрасных ребят были тысячи километров профилей ГСЗ в различных регионах постсоветского пространства. Огромный опыт сейсмических исследований и высокий профессионализм позволили им предусмотреть мельчайшие детали предстоящих работ, что во многом предопределило успех задуманного предприятия. Возглавлял отряд отличный парень, жизнерадостный и предприимчивый здоровяк Андрей Маухин. У геонцев было все, кроме, естественно специфического опыта работы на дрейфующем льду. Восполнить этот пробел, а также осуществить научное руководство исследованиями, обработку материалов и их геологическую интерпретацию должны были сотрудники ПМГРЭ и ВНИИОкеангеология. Руководил сейсмическими работами опытнейший Ю.Я.Заманский, участник всех предыдущих исследований по этой проблеме. Начальником экспедиции был все тот же М.Ю.Сорокин. Вообще коллектив подобрался отменный. Здесь были опытные полярники, прошедшие школу разнообразных исследований в Арктике, почетные полярники, доктора и кандидаты наук и даже один мастер спорта.

К 11-12 августа вся экспедиция собралась в Мурманске и загрузилась на борт судна. Оставшиеся до отправления дни были использованы на загрузку взрывчатки (18 тонн), обустройство, решение мелких организационных вопросов и, главное, отдых после тяжелых перегрузок, испытанных при переезде в Мурманск. К понедельнику 14 августа все было готово. Стояла прекрасная теплая погода, у всех было в целом радужное настроение, вера в успех, свои силы и благополучный исход. В то же время все реально представляли возможные трудности. Проводы прошли без излишней помпы, с пожеланиями успеха от высокого (в районе метра девяносто) начальства. После некоторых затруднений с одним из швартовых канатов (суеверные люди могли бы расценить это как дурное предзнаменование) в 20^h 10’ “Академик Федоров” отправился в район полюса недоступности. Начал отодвигаться и уменьшаться, становясь все более привлекательным, городской амфитеатр, пока не исчез совсем в туманной дымке. Дольше всех над горизонтом вырисовывался силуэт “Алеши”. Все было прекрасно, отравляла абсолютную радость лишь информация о том, что совсем недалеко от нас терпела аварию атомная лодка “Курск”.

Дорога туда. Практически вся моя научная и производственная деятельность связана с Арктикой. Однако в моей практике основными транспортными средствами доставки в Арктику и передвижения по ней были авиация, вездеход и собственные ноги. Исключением явились 1970 год, когда дизель-электроход “Обь” снимал нашу группу с Земли Франца-Иосифа, и 1976 год – доставка и снятие со Шпицбергена. Розовой мечтой жизни для меня было пройти на судне Великим Северным морским путем и посетить места былых сражений. Последняя моя арктическая командировка состоялась в 1989 году, и я был уверен, что вряд ли когда-нибудь еще побываю в высоких широтах. Участие в рейсе на “Федорове” оказалось подарком судьбы. Конечно, полностью реализовать свою мечту мне не удалось, некоторая доля воображения позволила лишь приблизиться к ней.

Маршрут проходил через Баренцево, Карское моря и северную часть моря Лаптевых, после пересечения которой мы должны были углубиться в Центральный Арктический бассейн (рис.1). Мысленно я разделил трассу перехода на интересные и неинтересные отрезки. К интересным, в первую очередь, относились участки перехода вблизи берегов: Кольский залив, пролив Карские Ворота, о. Диксон, шхеры Минина, архипелаг Норденшельда в восточной части Карского моря и, конечно, пролив Вилькицкого. В идеале хотелось увидеть здесь с правого борта мыс Челюскина, а с левого – о.Большевик архипелага Северная Земля. Надежда была именно на рейс “туда”, так как он должен был пройти при еще незаходящем солнце.

До этого Кольским заливом мне уже доводилось проходить. С 70^х гг., на мой взгляд, здесь мало что изменилось. Впечатление двойственное. С одной стороны красивейшая своей суровой северной красотой природа: скалистые, поросшие лесом уходящие за горизонт сопки, сине-зеленые летом, желто-красные осенью, свинцовые, холодные воды залива, постепенно раскрывающегося в акваторию Баренцева моря. В голову приходило все известное о славном и трагическом военном прошлом этих мест: представлялись караваны PQ, пикирующие бомбардировщики, фонтаны взрывов, грохот орудий, героическая оборона Советского Заполярья. Эти мысли навевали светлые, хотя и грустные чувства. С другой стороны досаду и раздражение вызывали следы человеческой деятельности, скудость и неустроенность бытия: разбросанные по обоим берегам группы, кучки разновозрастных, разнокалиберных жилых и промышленных сооружений, многие из которых полуразрушены или разрушены совсем, многокилометровые и внешне весьма не эстетичные коммуникации жизнеобеспечения, захламленность и запущенность. Береговая линия трассируется густым пунктиром в разной степени затопленных ржавых морских судов, тысячи тонн разрушающегося металла, отравляющего воду и землю. Редкими островками цивилизации в море разлухи выглядят причалы с атомоходами и другими еще действующими военными и гражданскими судами. А ведь это северный парадный подъезд России.

На следующий день проснулись уже в открытом Баренцевом море. Шли по чистой воде, волнение 1-2 балла. Вообще в течение всей дороги туда волнение не превышало 3-4 баллов, так что никаких признаков морской болезни никто не испытывал. Море весьма унылое и безжизненное. Еще через день проходим Карские Ворота, одно из ожидаемых мною интересных мест. Отличие от неинтересных оказалось в том, что справа по борту, на большом удалении в бинокль увидел возвышенный берег о. Вайгач с триангуляционным знаком. Скорее всего, это северная оконечность Вайгача – мыс Болванский Нос. Новая Земля слева по борту была не видна. Название о. Вайгач по одним данным связывается с нарицательным словом северорусских говоров – наносный, намывной, по другим, менее достоверным источникам, с именем русского промышленника Ивана Вайгача. Напрягаю память и вспоминаю, что именно на мысе Болванский Нос 5 июля 1826 года завершилось первое гидрографическое описание Вайгача, произведенное отрядом штурмана Ивана Никифоровича Иванова, удивительно скромного русского человека, обследовавшего многие сотни километров побережья и островов Севера России между Печорой и Обью.

К утру 18 августа, деля по чистой воде 300-320 миль в сутки, подошли к столице западного сектора Арктики о. Диксон. Не пришлось особо напрягаться, чтобы вспомнить: впервые удобство гавани острова отметил шведский полярник Адольф-Эрик Норденшельд в 1875 году и назвал ее в честь шведского предпринимателя, владельца электротехнической компании Оскара Диксона, на средства которого

снаряжались многие знаменитые полярные экспедиции. О. Диксон – это шведский аналог русских полярных меценатов А.М.Сибирякова и М.К.Сидорова. Норденшельд провидчески писал, что бухта Диксона быстро превратится “в сборное место для множества кораблей, которые будут способствовать сношениям не только между Европой и обским и енисейским речными бассейнами, но и между Европой и северным Китаем”. Так и стало, но Норденшельд не мог предвидеть тех событий, которые происходят в наши дни. Мне пришлось часто бывать на Диксоне, особенно в конце 60-х гг. при перелетах на Землю Франца-Иосифа или дрейфующий лед. В те годы это было процветающее место. Население острова достигало нескольких тысяч человек, активно работали аэропорт и морской порт, зимой принимали большие самолеты, в период навигации в районе Диксона скапливалось большое количество морских судов, разгружающихся, ждущих разгрузки, отходящих. Сейчас картина представилась весьма унылая, чему дополнительно способствовала пасмурная, туманная погода. Акватория вокруг острова была пустынная, виднелся только ждущий нас атомоход «Россия». На острове тоже особого движения не наблюдалось, в бинокль можно было разглядеть множество домов с заколоченными окнами и дверями. Как рассказывали потом работавшие с нами диксоновские вертолетчики, на острове осталось не более 500 человек. Духом они, однако, не падают и надеются на скорейшее улучшение ситуации.

На рейде Диксона простояли 8 часов, приняли на борт два МИ-8 и в хвосте у атомохода двинулись дальше. Море по-прежнему чистое, 7-8° тепла, штиль, туман. Ночью проспал шхеры Минина – архипелаг бесчисленных мелких и плоских островков, впервые обследованных Обь-Енисейским отрядом Великой Северной экспедиции 1733-1743 гг. Название в честь начальника этого отряда Ф.А. Минина дал в 1900 году Э.В. Толль. Вообще Карское море характерно большим количеством мелких островов, образующих многочисленные архипелаги. Многие из них исследовались в 1930-е гг., откуда и такие названия как “Известий ЦИК”, “Комсомольской Правды”, “Сергея Кирова” и т.п. Днем шли через архипелаг Норденшельда, поэтому я торчал на палубе и глазел в бинокль. Море было практически свободно ото льда, что, в общем-то, не свойственно данному району, считающемуся одним из самых затруднительных для плавания судов. Острова совсем даже не низменные, в распадках лежит снег. Обращает на себя внимание хорошо развитая триангуляционная сеть. С любого места даже невооруженным взглядом видны 2-3 тригопункта. На самом крупном острове архипелага, Русском, в бинокль можно было разглядеть покинутую полярную станцию. Как рассказали ребята из ААНИИ, за последние годы в Карском регионе закрыто до 80% полярных станций.

Недалеко от входа в пролив Вилькицкого встретили атомный ледокол “Таймыр”, который ждал подхода судна “Михаил Сомов”, совершающего инспекционный рейс вдоль Северного морского пути. Кроме “Таймыра”, на всем пути мы не встретили больше ни одного судна. И это в тот период, когда в прежние годы был самый разгар навигации, шли морские караваны, а в районе пролива Вилькицкого, одного из самых сложных мест по ледовой обстановке, и с той и с другой его стороны образовывалось скопление судов, ждущих ледоколы для проводки. А сейчас неприкаянные атомоходы ищут, кого бы куда-нибудь провести.

К концу дня 19 августа погода разъяснилась, сияло солнце, и я находился в предвкушении встречи с мысом Челюскин, которая должна была состояться примерно в 3 часа ночи. В идеале можно было надеяться увидеть и южные берега о. Большевик. Однако, увы и ах. Когда я поднялся среди ночи и, вооруженный биноклем и фотоаппаратом, выскочил на палубу, то не увидел не только вождеденный мыс Челюскин, но и рубку нашего судна. Мы шли в тумане с нулевой видимостью.

Оставалось только опять напрячь память и воображение и представить, как во времена Великой Северной экспедиции крутились здесь во льдах и гибли утлые суденышки Василия Прончищева и Харитона Лаптева, как в лютые морозы пробивался по суше пеший отряд Семена Челюскина, стремясь достигнуть самой северной точки Азиатского материка. Чем больше были страдания и лишения, тем больше была потом радость победы. Эти люди завоевали право на то, чтобы их имена были увековечены на карте Арктики. Крупнейшее географическое открытие XX столетия произошло именно в этом районе. В 1913 году суда русской гидрографической экспедиции “Таймыр” и “Вайгач” под командованием Б.А. Вилькицкого и П.А.Новопашенного выполняли гидрографические работы в море Лаптевых. При благоприятных условиях они должны были совершить сквозное плавание до Кольского полуострова, однако экспедицию ждало горькое разочарование: восточнее мыса Челюскин они столкнулись с невзломанными льдами и вынуждены были вдоль кромки льдов двинуться на север. И вот именно на этом пути, как награду за мужество и упорство, судьба преподнесла им бесценный подарок. Через сутки 2 сентября был обнаружен маленький низменный остров, известный теперь под названием Малый Таймыр (первоначально Цесаревича Алексея), дальше стали встречаться большие айсберги, а 3 сентября открылись очертания высокого берега. Когда туман рассеялся, взорам моряков открылась “широко раскинувшаяся, покрытая изрядно высокими горами земля”. Это была Северная Земля, названная первооткрывателями Землей Николая II. Подобный счастливый случай в Арктике не единичен. Можно вспомнить, что ровно за 40 лет до этого “Тегеттгоф” – судно австро-венгерской полярной экспедиции под руководством Юлиуса Пайера и Карла Вейпрехта, после более чем годичного ледового дрейфа вынесло в район неизвестной земли – Земли Франца-Иосифа.

Полностью Северная Земля была обследована и нанесена на карту лишь в 1930-1932 гг. сухопутной экспедицией под руководством Георгия Алексеевича Ушакова, в состав которой входил прославленный сотрудник нашего института Николай Николаевич Урванцев. И Б.А.Вилькицкий, и Г.А.Ушаков имели одну Родину, но в то же время были представителями разных государств, с разной политической системой. Первый называл открытые им земли в честь членов царской семьи (после революции и он, и Новопашенный эмигрировали за границу), второй – в честь Октябрьской Революции, большевиков, комсомольцев, пионеров, членов советского правительства. Правда, справедливости ради, надо сказать, что пролив между Таймыром и Северной Землей, названный первоначально проливом Цесаревича Алексея, после 1917 года был переименован в честь “изменника родины” Бориса Вилькицкого.

Наше же судно, ведомое атомоходом, мощно крушившим воды моря Лаптевых, продолжало движение на северо-восток. 22 августа дошли до кромки льдов, 23 – достигли района работ, прошли до его восточной трети и 24 числа в 7^h 00’ встали в центре первой расстановки в точке с координатами 82° 02’N и 172°05’W. Из-за благоприятной ледовой обстановки весь путь туда занял менее 10 суток вместо планировавшихся 14-15. Атомоход ушел 23 числа, и больше мы его не видели.

Бытовые условия. Опыт моих морских путешествий весьма мал, и это не позволяет мне проводить сравнения с условиями жизни на других судах. Мне мои бытовые условия нравились. Особенно в сравнении, например, с палаткой на Земле Бунге или промерзшей поварней на Котельном, где вместо стекол на окнах были куски укрепленного льдом полиэтилена. Не надо было копытить плавник, поддерживать вечный огонь в печке-якутке, топить снег, варить обед и, гремя чем только можно, наслаждаться удобствами во дворе. Начальство пошло мне навстречу и, учитывая мой преклонный возраст, предоставило отдельную каюту со всеми мыслимыми и

немыслимыми для полярника удобствами, за что я начальству глубоко благодарен. Самым же ценным в рейсе было то, что подобрался очень хороший коллектив – настоящие полевики, доброжелательные, с чувством юмора, умеющие ужиться с соседями, готовые оказать поддержку. Со многими из них я неоднократно бывал в экспедициях, и даже с москвичами нашлись общие знакомые. Моими ближайшими соседями были два гравиразведчика, два Сани – Картелев и Щеринов. С первым из них мы несколько сезонов отработали в Тикси, в 1989 году были на дрейфующем льду. Со вторым Саней мы тоже неплохо знакомы.

Распорядок дня определялся режимом работы столовой (за исключением дней полетов). В 8 часов завтрак, затем с разрывом в 4 часа шли обед, полдник и ужин, который, вопреки бытующим правилам, был столь же обилен, что и обед. Хотя вражеских отношений между участниками экспедиции не наблюдалось, многие этот ужин кому-то оставляли. Вообще тема питания была предметом постоянных шуток. После ознакомления с режимом работы столовой говорили: “Вот, всего половину суток кормят, как жить остальное время, начнем пухнуть с голоду”. Должен сказать, что к концу рейса я опух на 6 кг. Или кто-нибудь после посещения столовой голосом Левитана произносил фразу в стиле записей в дневниках погибающих полярных экспедиций: “Сегодня такого-то числа кончились бананы, надвигается голод”. Или еще: “Сегодня утром Картелев не поднялся на завтрак”. Отравляла нам жизнь, правда, одна мощная женщина, старшая по столовой, женщина-гора (по Щеринову). В конце февраля этого года ее можно было увидеть по телевизору в программе “Вести. Санкт-Петербург”. Эта женщина почему-то нас просто ненавидела, и чувствовалось, что она еле сдерживается от того, чтобы задушить кого-нибудь из нас в объятьях (жуткая смерть). Мы вели себя сдержанно, но сейчас мне пришла в голову мысль, что ужин-то многие оставляли именно ей.

О событиях, связанных с нашим судном, мы узнавали по радиотрансляции. Ежедневно перед завтраком объявляли местонахождение судна, температуру воды и воздуха, скорость и направление ветра, давление, количество пройденных за сутки миль. Информация о делах в мире была достаточно скудная и односторонняя. Дело в том, что по мере нашего углубления в Арктику российские станции исчезали из эфира, и нас душили “Голос из Лондона”, “Голос Америки”, “Свобода” и т.п. Согласно их данным, получалось, что Россия почти рухнула, президент не оправдал надежд и рейтинг его на нуле, а весь западный мир вкупе с российской оппозицией ночи не спит и думает, как нас спасти. Можно было бы вообще не слушать радио, но шли Олимпийские Игры, и мы не могли обойтись без информации об их ходе. Среди других развлечений были просмотр видеофильмов по вечерам, библиотека с невероятным количеством детективов, настольный теннис и прогулки по палубе. По вечерам ходили в гости, беседовали и пили чай. Предусмотрительный Саня Щеринов запасся огромным количеством кроссвордов, которые мы втроем разгадывали. Периодически порции кроссвордов он мне дарил, и тогда я уже ничем другим больше не мог заниматься.

Работа. Итак, 24 августа мы встали на ледовый якорь в центре первой сейсмической расстановки. Надо сказать, что льда и чистой воды было примерно фифти-фифти, и это немного смущало. Начальник провел организационное собрание научного состава и экипажей, на котором были определены списки летных составов, уточнены разные технологические детали, рассмотрены возможные варианты. Сейсмические исследования намечено начать, как только позволит погода. Пока туман и чувство, что худшие опасения сбываются.

26 августа резко установилась яснейшая погода, видимость, как говорят летчики, миллион на миллион, и мы ринулись в бой. Технология здесь такая. Каждый отряд на своем вертолете обрабатывает половину профиля. В первый вылет расставляются 25 регистраторов с шагом 5 км, общая длина расстановки – 120 км. Координаты точки наблюдения определяются с помощью спутниковых приемоиндикаторов, вмонтированных в регистратор, для облегчения визуального поиска точка обозначается двумя красными полотнищами. Самое интересное начинается во второй вылет. Каждый отряд должен сделать по 4 взрыва из пунктов, отстоящих друг от друга на 40 км: 4 пункта в пределах расстановки и по 2 с каждой стороны за ее пределами. Максимальное расстояние от пункта взрыва до крайнего регистратора составляет, таким образом, 200 км. Заряды 1 т, 600 кг, 400 кг и 200 кг, т.е. на вертолет грузится 2 т 200 кг ВВ. Отработка пункта взрыва – дело весьма ответственное и требующее неукоснительного соблюдения правил техники безопасности. Вертолет садится недалеко от разводья, взрывчатка выгружается и на волокуше подтаскивается к краю льдины. Взрывник начинает готовить магистрали, а кто-то с пешней и лопатой подходит к самому краю льдины для того, чтобы провести весьма ответственную операцию. Ответственность настолько велика, что выполнять эту операцию доверяется самым квалифицированным и опытным специалистам (желательно со степенью доктора наук). Суть операции состоит в том, чтобы ликвидировать ледяной козырек. Что это такое? Известно, что над поверхностью воды возвышается примерно 0.1 общей толщины льдины. В летнее время вода вымывает подводную часть льдины, и над водой остается выступающая часть толщиной не более 15-20 см. Человека она, как правило, держит, но если положить тонну взрывчатки, можно.... На первой расстановке в том отряде, которому доктор наук не достался, на первом пункте взрыва это произошло. Так вот, человек с пешней подходит к краю льдины и осторожно сбивает козырек. Лишь только после этого, на самый край льдины кладутся крест накрест по две веревки (фала), на них – специально предусмотренные куски обычной рыболовной сети. На сетку штабелем укладываются мешки со взрывчаткой (1 тонна – 25 мешков). В середину штабеля взрывник вставляет 1 или 2 боевика: тротиловые шашки с детонирующим шнуром. Затем весь штабель упаковывается в сетку, края которой связываются обрывками фала, и крепко обвязывается подложенными под сетку веревками. К образовавшемуся тюку привязываются 1 или 2 (в зависимости от веса заряда) длинные веревки, которые закрепляются на вбитые в лед металлические якоря. Важно, чтобы длина детонирующего шнура была больше глубины погружения заряда. После завершения указанных процедур взрывник, словно озверевший ваххабит, бросается с ножом на подготовленный тук и начинает дырять мешки. Если этого не сделать, тук не потонет. Наконец, 3-4 человека сталкивают тук в воду. Несколько секунд он пускает пузыри, а затем с нарастающей скоростью начинает погружаться. Регулировать скорость погружения тонны ВВ руками – безнадёжное дело. На стадии погружения заряда надо соблюдать предельную осторожность, чтобы ногой не попасть в петлю растягивающегося фала и не быть утянутым под воду. Конец еще более жуткий, чем в объятиях женщины-горы. Чтобы избежать этой опасности, фалы наматывались на якоря восьмеркой, и тогда один человек мог спокойно удержать тонну. После опускания заряда вертолет улетает на положенное по технике безопасности расстояние, взрывник подсоединяет детонирующий шнур к боевой магистрали и разматывает ее на необходимую длину. Во избежание накладок время взрывов каждого отряда заранее обговаривается, с учетом программы включения и выключения регистраторов. Сам взрыв является кульминационным моментом работы: все застывают с фото и кинокамерами наготове, взрывник, глядя в сторону разводья, говорит: “Кто не

спрятался, я не виноват” и включает машинку. Через доли секунды ощущаем резкий удар по ступням, затем 1-2 более слабых (пульсации газового пузыря), и вот султан воды и обломков льда вздымается над поверхностью (рис.5).

Рис.5 Отработка пункта взрыва

После производства обоими отрядами всех положенных взрывов начинается сбор регистраторов. Перед съемом регистратора производится вспомогательный взрыв для уточнения глубины океана и получения более надежной информации о строении верхних горизонтов разреза. Разгром довершают гравиразведчики, которые производят свои замеры, используя время, необходимое для сбора сейсмической аппаратуры. Весь процесс отработки расстановки производится на одном дыхании с краткими перерывами на заправку вертолетов и занимает 18-20 часов. Люди на профиле обеспечены сухим пайком, соками. После окончания работы питание в столовой независимо от времени суток.

На следующий день отправились на вторую расстановку. Погода стояла такая же великолепная, и, чтобы не гневить Арктику, надо было использовать удивительное везение на полную катушку. И вот тут руководством была совершена единственная, на мой взгляд, ошибка. Не доходя до места второй расстановки, судно остановилось и при звенящей погоде в течение полусуток занималось гидрологическими и донными наблюдениями. На это можно было решиться, только будучи очень уверенным в своей везучести. Как показали дальнейшие события, эта вера оказалась обоснованной.

29 числа начали II расстановку. Погода стояла такая же великолепная, и мы, получая удовольствие от жизни, начали резво расставлять регистраторы. Хорошему настроению способствовала и улучшившаяся ледовая обстановка: лед стал более сплоченным, и проблем с выбором места посадки не было. Однако меня мучила одна мысль, которая не давала впасть в полное блаженство. Мысль заключалась в том, что такой прухи долго быть не может, тем более что мы буквально наплевали Арктике в душу, потратив полсуток на работы, которые можно делать в любую погоду. И вот на самом горизонте мы увидели узенькую серенькую полоску. Каждый, кто работал в Арктике знает, что это такое. Эта полоска стала расширяться буквально на глазах, превращаясь в мощный фронт облаков, который вскоре уже занял полнеба. Надвигался он с востока, солнце было на юго-западе, все сияло и сверкало, но не надо было иметь

много воображения, чтобы представить себе недалекое будущее. На заправку, после расстановки регистраторов, мы прилетели уже в полном тумане. В любом другом случае полеты пришлось бы прекратить, но в данной ситуации об этом не могло быть и речи. Полагаясь на мастерство полярных авиаторов и везучесть руководства, работу продолжили. И та, и другая надежды оправдались. Летчики были большие мастера, а в беспросветном тумане стали появляться просветы, в том смысле, что туман иногда стал подниматься до 150-200 метров, что позволило нам успешно отработать и II расстановку. Такая погода держалась до 6 сентября. Если бы циклон пришел на несколько часов раньше, до начала полетов на II расстановке, сроки выполнения работ сдвинулись бы как минимум на неделю. И вообще хорошо все то, что хорошо кончается.

На III расстановке набравшиеся опыта отряды работали очень слаженно и завершили ее за 15 часов к 12 часам дня 7 сентября. Из 18 тонн ВВ осталось 4.8 т, до даты запланированного ухода из района работ оставалось 8 дней, и было принято естественное решение сделать дополнительную небольшую, но более детальную, расстановку для лучшего расчленения верхней части разреза.

После трех больших расстановок сделать маленькую было сущим пустяком. Все настолько верили в свои силы, что расслабились и позволили прорваться на пункт взрыва одной бойкой девушке. Естественно, что ее присутствие немедленно превратило этот пункт в натуральный балаган. Природа настоящих мужчин известна. При появлении женщины их сразу начинает тянуть на подвиги. Причем не имеет значения, привлекательна женщина до бесконечности или до минус бесконечности. Мужчины начинают говорить всякие мужественные слова, бросаться что-то совершать, в общем, начинают пыхиться. Вот и в данном случае, все стали шутить, острить, командовать, демонстрировать силу и удаль, хватать вместо одного мешка два, тянуть провода и т. д. и т.п. Штурман вертолета, который обычно редко вылезал из кабины, схватил пешню и начал сбивать уже сбитый козырек. И конечно, не имея ни опыта, ни докторской степени, тут же эту пешню утопил. Одним словом анархия была полная, но запас прочности был настолько велик, что все закончилось успешно. IV расстановку отработали в ночь с 11 на 12 сентября за 7 часов. Остатки взрывчатки, как и положено, полностью уничтожили и с чувством честно выполненного долга отправились в обратный путь

Обратная дорога. Экспресс-обработка материалов началась сразу после I расстановки и продолжалась всю обратную дорогу. К концу рейса был готов полевой отчет с сейсмическим разрезом земной коры по профилю наблюдений. Тем не менее, свободного времени было много, после успешного завершения работ коллектив расслабился, раскрепостился, кто-то, кое-где, порой немного нарушал спортивный режим. Очень интересным, на мой взгляд, занятием было стоять на палубе и смотреть, как наш “Федоров” крушит лед. В двухметровом льду он шел совершенно спокойно и лишь более мощные перемычки проходил с 2-3 попыток. Вот нос наезжает на льдину, огромные глыбы уходят под днище и затем, как поплавки, выскакивают из воды по обе стороны от судна. Они шуршат, скрежещут, переворачиваются подобно резвящимся доисторическим животным, с них, бурля и пенясь, стекают целые водопады. К сожалению, фотокамера, да и видеокамера, не в состоянии передать всю привлекательность этого зрелища. Нижние части льдин населены колониями микроорганизмов и окрашены различными оттенками бурого, красного, серого, темного цветов. Переворачиваясь, льдины выбрасывают мелких рыбешек, которые, сделав несколько конвульсивных движений, застывают на снегу.

По дороге домой 18 сентября мы остановились около о. Беннетта, самого крупного и самого западного из пяти островов архипелага Де-Лонга. Он был открыт 29 июля 1881 года американской экспедицией Де-Лонга и назван в честь субсидировавшего экспедицию владельца газеты “Нью-Йорк геральд” Джемса Гордона Беннетта. В 1902 году сюда, в поисках Земли Санникова, добрался русский полярник Э.В.Толль и три его товарища. В том году судно за ними придти не смогло, а на следующий год спасательная экспедиция во главе с А.В.Колчаком обнаружила их зимовье и записку, в которой сообщалось, что они по льду отправились на юг. С тех пор следы их затерялись.

Целью нашего посещения о.Беннетта была установка на нем автоматической метеостанции. Эту операцию сотрудники ААНИИ проделали на вертолете. Погода была пасмурная, мрачная. На море отдельные ледяные поля. Остров состоит из нескольких столообразных возвышенностей, разделенных достаточно широкими распадками, покрытыми снегом. Зимой его, наверное, можно принять за несколько островов.

Поставив станцию, без остановок двинулись к Диксону. 21 сентября опять прошли траверс мыса Челюскина. При видимости несколько километров все равно ни южного, ни северного берегов не увидели: скупо демонстрирует Арктика свои красоты. Море все время спокойное, лед максимум 1-2 балла.

25 сентября встали на рейде Диксона. Тепло распрощались с вертолетчиками, насладились спортивными телерепортажами с Олимпийских игр и в тот же день двинулись домой. В Карском море покачало до 6 баллов. Воображение нарисовало картину, на которой путешественники прошлых столетий ходили в этих местах на утлых деревянных суденышках. Стало как-то не по себе. Шторм резко прекратился, когда спрятались за Новую Землю.

В Баренцевом море наконец-то встретили пару судов, по-видимому, рыбаки. Над ними вились тучи чаек, в волнах мелькали плавники белух. Вообще виденный нами животный мир оказался очень бедным. Помимо этих белух и чаек, на стоянках несколько раз замечали нерп.

Как и планировалось, утром 30 сентября вошли в Кольский залив и в 11^h 30' встали у стенки Мурманского порта. В Мурманске стояла великолепная теплая солнечная погода. Встречал нас военный духовой оркестр и то же высокое начальство. Капитан и начальник экспедиции отдали рапорт, после чего начальство поднялось на борт. Когда торжественная часть закончилась, все начали отмечать успешное завершение рейса доступными и привычными для них способами.

Заключение. Получены уникальные материалы по широкому кругу самых разнообразных геолого-геофизических, океанологических, экологических проблем. Предстоит тщательная и кропотливая обработка. Можно не сомневаться, что наши геомоделисты получают не одну единственно правильную модель земной коры. А в голове сидит один вопрос: “Почему богатые западные страны не проводят таких дорогостоящих работ?”.

Глобус крутится, вертится...

Впечатления детства

Того дома и даже улицы, где я родился, давно уже нет. А память нет-нет и возвращает меня в прошлое, на небольшую, мощеную булыжником улицу, спускающуюся от подножья холма к реке. В моем мозгу она запечатлена как на пожелтевшей, но еще четкой фотографии.

К сожалению, дом зафиксировался почему-то менее четко. Но хорошо помню оконные переплеты нашей квартиры на первом этаже, а главное, деревянные ставни с небольшими отверстиями- сердечками на каждой створке. Именно через них солнечным утром пробивались лучики света, напоминая - вставай, тебя ждет новый и солнечный день.

И этот дом, и эта улица находились в небольшом, но довольно известном старинном городе, который менял свои названия в зависимости от превратностей истории. Первоначально он звался Юрьев, потом Дерпт и уже в самое последнее, мое время -Тарту. Находился он в те тридцатые годы моего рождения, как теперь принято говорить, в ближнем зарубежье и шестьдесят лет спустя вновь перешел в этот разряд.

Я родился в сугубо русской семье и воспитывался с ощущением того, что Родина - это Россия. В те детские годы для меня это понятие было хотя и безусловным, но фактически относительным, так как та большая и прекрасная Россия была мне известна только по маминым рассказам. И только много позже ощущение Родины-России стало незыблемым.

Наверное, мое представление о Родине противоречит общепринятому, сводящемуся к «березке у своего крыльца». Я же эту березку воспринимаю очень тепло, но только в качестве места рождения. А вот Родина в лице России ощущается, как нечто необозримо огромное и необъятное, близкое и родное.

Но вернемся вновь в детство, в деревянный дом с печами, с водой из колодца и туалетом во дворе. По меркам советским наша квартира из четырех комнат и кухни на четверых была большой. По меркам же эстонского буржуазного зарубежья - достаточно скромной. Правда, и в те времена не все имели возможность жить в таких «хоромах». Мои приятели - эстонцы в соседних квартирах ютились со своими семьями в гораздо более стесненных условиях. Так, например, мой одноклассник, сын портного в квартире напротив, занимал с семьей из четырех человек две небольших полуподвальных комнаты, одна из которых была и кухней, и мастерской.

Мы же занимали несколько иное положение, поскольку бабушка была владелицей дома. И все-таки наша квартира была далеко не шикарной, а к тому же имела характерные особенности. По сути дела, она была разделена на две неравные половины и разграничена невидимой, но ощутимой границей. На одной, бабушкиной половине, была ее комната и столовая, общая для всех во время еды. Окна упирались в брандмауэр, находящийся в полутора метрах от стены, поэтому здесь всегда было сумрачно и сыро. На второй половине находились две наших комнаты. Но жилой для нас троих с отцом и мамой была только одна, так как вторая являлась рабочим кабинетом отца. Такое разделение квартиры происходило из сугубо личных причин и для того, чтобы это пояснить, необходимо подробнее остановиться на каждом из моих близких.

Мой отец родился и вырос в Тарту, а родители его происходили из русского старообрядческого Причудья (побережье Чудского озера). Бабушка, рано овдовевшая (я

своего деда по отцовской линии и не видел), была правоверной староверкой. За всю свою жизнь она не выпила ни рюмки вина и не терпела табака. Дважды в день она истово молилась в своей комнате, отбивая поклоны и перебирая лестовку (это своеобразная разновидность четок, расшитых бисером). Она еженедельно и по всем праздникам ходила в молельню, так по-староверски именовалась церковь, куда время от времени и меня брала с собой. На этот случай и у меня была своя маленькая лестовка, как у настоящего старовера, хотя я ни тогда, ни позже религиозным вообще не был.

Молельню помню смутно, за исключением отдельных деталей. Так - все женщины были в темных платках (бабушка снимала свой только на ночь). Но главное, что запомнилось, - это своеобразное пение на разные голоса, которое мне не нравилось. Да и вообще весь аскетический старообрядческий уклад уже с детства вызывал во мне неприятие. В этом сказывалось влияние родителей.

Отец старовером был только по крещению, а по сути - атеистом. Побившая его жизнь оторвала от старых обычаев и привычек. С гимназической скамьи он ушел вольноопределяющимся, то есть добровольцем, на первую мировую войну. Встретил революцию в Петрограде в качестве юнкера Владимирского училища, что потом и аукнулось. Несколько лет он служил во вновь образованной эстонской армии и ушел из нее по ранению. Переростком сел за школьную парту, окончил юридический факультет Университета и стал адвокатом. На моей памяти он ходил, прихрамывая, и с палочкой. Любил выпить в компании друзей и был ярым курильщиком. Иногда и мне выпадала удача вместе с отцом посидеть в мужской компании в ресторане за любимым всеми детьми лимонадом.

Насколько мне представляется, к политике отец отношения не имел, но русский дух сидел в нем глубоко. Появившийся к концу тридцатых годов в нашей комнате радиоприемник «Филлипс» с уютным зеленым глазком чаще всего вещал голосом московского диктора. Для меня захватывающе интересной звучала «Пионерская зорька», хотя ясно представить себе пионера было трудно.

Отец был активным членом Русского студенческого общества и шефствовал над его библиотекой. Хотя и ограниченно, но в библиотеку поступала литература и из Советской России. Именно поэтому я прочел еще до школы несколько исторических романов Яна.

Были у отца братья и сестры, но большинство из них не пережило детского возраста. Остался один старший брат, служивший в Красной Армии и оставшийся в СССР, переписка с ним прекратилась давно. Сестра отца вместе с сыном, моим двоюродным братом Шуриком, старше меня на десять лет, жили в том же доме в одной комнате на втором этаже. К сожалению, более далекая отцовская линия родства для меня почти неизвестна. Вероятно, они обживали Причудский край, рыбачили и орошали крестьянским потом землю.

О маме, с которой мы расстались навечно не так давно, думаю часто. По сути дела, она одна вырастила меня и вывела в люди. Она дарила безмерное тепло, заботу и любовь, которые будут жить со мной до конца жизни.

Мама родилась в Петербурге и жила в Гатчине, а в Эстонию занесло ее подростком вместе с родителями ветром революции. С какой любовью и тоской рассказывала она о Петербурге, о гатчинской жизни, о своих игрушках. Я все это представлял так, как будто бы видел на самом деле. Это были лучшие мгновения в моей детской жизни - забраться к маме в постель, слушать ее и узнавать о мире, для меня

неведомом, но красиво притягательном. Да, этот далекий сказочный Петербург. Разве мог я тогда мечтать, что именно он станет моим вторым родным домом.

Мамины родители, мои дедушка и бабушка, были родом из нынешней Польши и кровей в их жилах было намешано разных. В Петербурге дедушка служил на железной дороге, а бабушка никогда не работала, если не считать работой дела домашние. Жили они устроено и вполне благополучно до той страшной революционной поры, которая в восемнадцатом году смела их вместе с сотнями тысяч других русских из родных гнезд.

В Эстонию они приехали в немолодом уже возрасте с несколькими чемоданами и жизнь в этом чужом краю без знания языка надо было начинать сначала. Благодаря родственникам дедушка смог устроиться на работу и содержать семью. Первый этап был самым тяжелым, так как в новообразованной республике они были полубесправными чужаками с так называемыми «нансеновскими» паспортами. Тем не менее, постепенно они формально ассимилировались, получили эстонское гражданство, оставаясь при этом глубоко русскими, православными людьми.

Мама, окончив в Таллинне гимназию, поступила на филологический факультет Тартусского университета и, как все русские студенты, активно вошла в жизнь Русского студенческого общества, где и познакомилась с отцом.

Теперь можно вернуться к ранее написанному и объяснить «раздел» нашей квартиры на две части. На одной стороне - бабушка-староверка, женщина простая, неграмотная и религиозная, а на другой - семья молодых интеллигентов. Отец - атеист, а мама - православная, мало приспособленная к жизни без элементарных удобств. И ко всему этому - оба курящие! Бабушка практически на нашу половину не заходила вообще, чтобы, как она говорила, «не опоганиться от табачища». Когда же появился радиоприемник, в ее представлении в комнате поселился черт в ящике.

Да, в те времена чудеса техники XX века только входили в обычную жизнь. Автомобилей в городе было считанное количество, главенствовал лошадиный транспорт. Лошади запомнились и ярмарками, которых в году было несколько крупных и довольно много мелких. В дни ярмарок все улицы, примыкающие к рыночной площади, а мы жили недалеко от нее, были заставлены подводами. Уже с раннего утра нас будило лошадиное ржание и визг поросят под окнами. Обычный ритм жизни нарушался, город жил торжищем несколько дней. И обязательно в один из них бабушка отправлялась за покупками и брала меня с собой. Для меня, конечно, самыми притягательными были балаганы, карусели и особенно пряничные ряды, где развешивались украшенные цветной глазурью медовые пряники различной величины в форме зверей. Больше всего предлагалось пряников-лошадок. А какие они были вкусные!

Наш домашний быт отчетливо помню лет с семи. Всем командовала бабушка. Она сама закупала продукты, владея лишь парой эстонских слов, сама и готовила на кухне в большой русской печи. Лихо орудовала набором ухватов и чугунных горшков. Обычно еда была незамысловатая, деревенская. Но каждую субботу она пекла пироги самого разного сорта - с капустой, с мясом, с рыбой и ватрушки с вареньем. Пирогов выпекалось много. Хватало на всю семью (вместе с нами столовалась и тетя с сыном), то есть на шесть человек на два-три дня. В субботу на кухню регулярно приходила женщина, которую бабушка кормила и снабжала пирогами.

Да, не все в благополучной Эстонской республике жили, как мы. Хорошо помню ночлежку на той стороне реки, возле которой всегда можно было встретить неопрятных,

плохо одетых и часто пьяных пожилых мужчин. Но меня тогда подобные проблемы не касались и не интересовали.

Самыми большими праздниками для нас с отцом являлись посты, особенно Великий пост. Поскольку бабушка постилась, ей приходилось допускать к готовке маму, правда, с определенными ограничениями. Так, например, для мамы выделялось особое ведро и черпак, так как своим « православным » черпаком она не имела права брать воду из бабушкиного ведра. По словам мамы, на первом этапе вживания промашки с ее стороны случались именно с ведрами. Тогда бабушка выбрасывала «опоганенную» утварь и над домом проносилась гроза.

Со временем мама все стала делать правильно и в семье установилось спокойствие. Самое же главное, она так вкусно и разнообразно готовила, что мы всегда с нетерпением ждали наступления постов.

Касаясь староверских обычаев, следует отметить и разделение посуды. У каждого в семье были своя чашка, ложка, вилка и т. д. Но вот самовар был общим, а чаепитие - священнодействием. Бабушка пила чай только вприкуску, выливая его из чашки на блюдце, которое держала тремя пальцами, как иногда показывают в кино. И весь вечерний самовар (вероятно, полуведерный) выпивали вчетвером почти до дна - меня и Шурика из числа «водо хлебоб» следует исключить.

Рос я мальчиком послушным, воспитанным и домашним. Работы для мамы не было, и она много мною занималась. За первый класс она меня полностью подготовила дома, так что в 1939 году я сразу попал во второй класс русской начальной школы. Русскую гимназию к тому времени ликвидировали, поскольку в конце тридцатых годов заметно усилилась эстонизация. Нас, правда, это касалось мало, так как мама вообще не работала, отец занимался частной практикой, а у меня впереди было шесть лет школьной жизни. Семейное окружение было сугубо русским, с примесью обрусевших немцев, маминых и папиных друзей. К этому времени мы все, кроме бабушки, свободно говорили по-эстонски.

Еще до школы я пристрастился к чтению, собрал собственную библиотеку, где был и чудесный детский дореволюционный журнал «Задушевное слово». Любимыми играми были оловянные солдатки и географический атлас. Знал все страны мира, их положение, крупные города и любил мысленно путешествовать по карте. Несомненно, эта увлеченность в какой то мере сказалась на выборе специальности в будущем.

Из всех довоенных радостей самыми большими были поездки к дедушке и бабушке в Таллинн. Тем более, что они приурочивались к таким праздникам, как Рождество и Пасха. Задолго до отъезда я уже был охвачен дорожной «лихорадкой». Наконец, мы с мамой отправлялись на извозчике на вокзал. Несколько часов пути казались бесконечно долгими. Тем больше была радость встречи. Целуя, дедушка приятно щекотал меня своей маленькой бородкой. Потом мы усаживались в такси марки «форд» или «оппель» и ехали по предпразднично украшенному городу. А уж дома ждала милая бабушка. Такая маленькая, худенькая, с виду строгая, но бесконечно любящая.

Квартира у них была трехкомнатная, но одна комната сдавалась из чисто финансовых соображений. Обстановка очень скромная, кое-что сделано руками самого дедушки, но очень уютная. К тому же в сравнении с нашим тартуским жильем - полный комфорт: водопровод, туалет в квартире и даже дровяная ванна, правда, в подвале - на всех жильцов дома.

К рождеству всегда подбиралась елка почти до потолка и украшалась множеством игрушек. В Сочельник зажигались свечи и из-под елки извлекались подарки, потом все садились за праздничный стол. Не хватало только папы, который редко ездил вместе с нами.

Почти все мы, будучи детьми, испытывали подобные радости и особенно беззаветную любовь дедушек и бабушек. Я же остановился на этом периоде подольше, так как он был таким счастливо-спокойным и безмятежным.

С началом моей школьной жизни совпало и начало второй мировой войны. Внешних изменений жизни на первых порах будто бы и не проявлялось. Пожалуй, только по радио немецкие станции непрерывно передавали бравурные марши. Постепенно напряжение нарастало. Заметным отголоском войны стало нормирование сахара и керосина, а в еще большей степени отъезд всех немцев из Прибалтики по зову фюрера. Среди них было много друзей моих родителей и расставание часто происходило для всех болезненно.

Потом наступила пора советских военных баз в Эстонии. В нашем городе это никак не ощущалось, а в Таллинне зазвучала русская речь и появились флотские офицеры в красивой форме, но непривычно без погон. Мы этому радовались все, хотя у отца примешивалось к этому скрытое беспокойство. События нарастали и, наконец, летом сорокового года сотысячная Красная Армия внешне мирно и спокойно вошла в Эстонию. Мы, мальчишки, бегали к красноармейцам, знакомились с ними и катались на пропахших бензином ЗИСах. До сих пор помню одного чернявого водителя по фамилии Грач, который охотно с нами болтал и удивлялся, что мы русские. А мы были на седьмом небе от русской речи, от перемен.

В июле мы с мамой уехали на дачу под Печоры, называвшиеся тогда официально Петсери. И вдруг дачный сезон неожиданно прервался телеграммой отца: «Возвращайтесь срочно». Не зря мы ехали домой с волнением. Отца арестовали, но через несколько дней выпустили. Он изменился и чувствовал себя очень тревожно.

Наступила осень, я пошел уже в советскую школу, с интересом и любопытством входя в новую жизнь. Дома же было беспокойно - арестовали многих знакомых отца, а также некоторых наших родственников. Хотя со мной обо всем этом не говорили, но скрыть случившееся было трудно. А у мамы появилась работа - преподавание русского языка и литературы в школе милиции.

Но черный день, когда нас навсегда разлучили с отцом, не миновал нашу семью. Возвращаясь из школы, я не обратил внимания на черную легковушку у дома, но войдя в комнату с перевернутыми вещами и чужими мужчинами в штатском, все понял. Меня посадили на стул и велели никуда не выходить. Рядом, бледная, сидела мама. Не знаю, сколько все это длилось, помню только, как уводили отца, Он погладил меня по голове, положил в руку ириску и внешне спокойно ушел навсегда из нашей жизни. Так в десять лет я стал наполовину сиротой.

К Рождеству меня увезли к бабушке в Таллинн. Там я заболел брюшным тифом, попал в больницу, потом долго лежал дома. Весной 1941 года отца тройкой осудили на восемь лет и увезли в неведомое. Маме перед этим удалось добиться свидания, я же больше отца не видел.

Горе заглянуло не к нам одним - с каждым днем ряды родичей и знакомых редели.

22 июня мы с бабушкой были на кладбище, которое находилось рядом с военным аэродромом. Именно там из аэродромных динамиков услышали речь Молотова и узнали о начале войны. Первое же проявление войны наступило ранним утром пару дней спустя. Взорвали мосты через реку. Особенно запомнился взрыв Каменного моста, построенного еще при Екатерине - мощного гранитного сооружения, похожего на Калинин мост в Питере. Ввиду его прочности, взрывчатки было заложено много, так что гранитные глыбы долетали аж до нашего дома (метров 500). Одна из глыб пролетела над бабушкой, коловшей во дворе дрова, и пробила крышу соседнего дома.

Настоящая же война пришла в конце июля, когда в течение двух недель в городе шли уличные бои. Наша улица простиралась от холма до реки, - на нашей стороне находились немцы, а на другой - красноармейцы. Поэтому улица простреливалась с обеих сторон и была абсолютно безлюдной. Параллельно проходила и артиллерийская дуэль, в результате которой загорелись близлежащие дома. Несколько дней мы отсиживались в окопе, вырытом в соседнем саду, и с ужасом наблюдали за надвигающимся пожаром.

Только через три с лишним года услышали мы вновь свободную русскую речь. Но пришедшая армия была уже иной, чем в начале сороковых годов. На плечах появились погоны, командиры именовались офицерами, вместо допотопных газиков преобладали студебеккеры и виллисы. Это была армия победителей, а для нас, русских, и спасителей. Так мы во второй раз стали советскими.

Жизнь надо было начинать заново - мне впервые, а маме во второй раз. Во время уличных боев 44-го года сгорел не только наш дом, улица, но и весь этот район, застроенный преимущественно старыми деревянными домами. Город лежал в развалинах. Наше пепелище еще чуть-чуть пахивало гарью. Потянулись тяжелые, еще военные, будни с карточками и коптилками - электричества не было еще почти год. Остатки нашей семьи поселились у знакомой, тетя с бабушкой в одной комнате, мы с мамой - в другой. Солнечным весенним днем 45-го года пришла Победа. В тот день был первый стихийный митинг на Ратушной площади. В социалистическую эпоху помню только два таких несанкционированных митинга, второй был в честь полета Гагарина, но уже на Дворцовой площади Ленинграда.

Невозможно не коснуться школьной жизни в военные и послевоенные годы. В феврале 1944 года, в период немецкой оккупации, нашу школу закрыли, превратив ее в казарму. Нам, счастливым столь феноменальным событием, выдали свидетельства об окончании шестого класса, то есть начальной школы, и распустили на вольную жизнь.

Осенью занятия в седьмом классе начались уже в советской школе. Класс выглядел просто фантастически. Мы по трое или более сидели за широкими столами на табуретах. Новое пополнение одноклассников было необычным. Рядом с нами, в основном четырнадцатилетними старожилками, сидели 17-18-летние ученики и ученицы — школа как была смешанной, так до окончания ее и осталась. Старшие наверстывали упущенное, так как в самые тяжелые военные годы трудились в тылу наравне со взрослыми. И хотя война и нас заставила повзрослеть раньше времени, интересы у нас со «стариками» были разные. К тому же, особенно поначалу, существовало определенное противостояние истинно советских и новообращенных учеников, ведь даже одеты мы были по-разному. Они в чем-то полувоенном, а мы - кто в чем мог. Но очень быстро класс сдружился. «Старички» крутили романы, устраивали вечеринки с вином, мало-помалу приобщая к этому и нас.

Учительский состав был пестрый. Наряду с прежними, уже весьма пожилыми учителями появились молодые, в основном жены офицеров, они часто менялись. Все это мало способствовало успешной учебе. Да и с программами, вероятно, не все было ладно. Так например, до конца 44-го года нам преподавали латынь, которую класс просто игнорировал.

Негласным вожаком и общим кумиром стал Гоша - высокий интересный восемнадцатилетний парень. Всем он запомнился до конца дней и из-за случившейся год спустя трагедии. На Первомайские праздники он с двумя друзьями отправился в лодочную прогулку по реке, предварительно хлебнув хмельного. Речка наша небольшая, но коварная, с мощными водоворотами у взорванных мостов. Попав в один из них, лодка перевернулась и двое молодых парней, в том числе и очень сильный Гоша, утонули.

Тяга ко всему русскому, особенно усугубившаяся за годы немецкой оккупации, сделала меня правоверным обожателем всего советского. У моей кровати на стене красовался портрет вождя в маршальском мундире. Величайшим для меня счастьем было вступление в комсомол. За годы, прошедшие со времени отъезда отца, у меня притупилось ощущение потери, а самое главное, я никак не связывал это с советским строем. В этом возрасте редко находится место объективному анализу и все строится, как правило, на внешнем эмоциональном восприятии. Только через полтора-два года произошло взросление и переоценка ценностей.

В немалой степени этому способствовало появление двух новых учеников и особенно моего будущего друга Гуннара. После нашего сближения он поведал мне горькую правду сына расстрелянного в 37-ом году командарма и коммуниста, и это навсегда повергло в моем сознании обожаемого идола. Это сейчас мы многое знаем о волнах большевистского террора. Для нас же, бывших в те годы вне пределов его досягаемости, правда оказалась отрезвляющей.

Судьба одной одноклассницы, дочери голландских коммунистов, бежавших в СССР от фашизма и расстрелянных «верными ленинцами», лишь добавила новые мазки ко всему вновь узнанному. Не только портрет исчез со стенки, исчезли и иллюзии, связанные с ним.

Тем не менее, жизнь продолжалась и молодость брала свое. Пришла пора юношеской любви и страданий, которые затмили все остальные проблемы, в том числе и учебу. Результатом оказался далеко не блестящий аттестат зрелости, хотя до зрелости было еще ох, как далеко.

Студенческая пора

После окончания школы я приехал в Ленинград поступать в Университет, приехал в город своей мечты, любовь к которому передала мне мама. Моим выбором оказался географический факультет, а специальностью - геоморфология. Попросту-учение о формах Земли. Это наука, хотя и самостоятельная, но граничащая с географией и геологией, прежде всего с четвертичной геологией, самой молодой, охватывающей всего лишь какой-то миллион лет из очень долгой истории строения Земли. Но это та жизненно важная часть оболочки Земли, на которой мы все живем, и процессы, происходящие в ней, непосредственно влияют на жизнь человека. Недаром самые верхние слои четвертичных отложений носят название антропогенных. Правда, геологи, изучающие более древние слои, в быту называемые коренными породами, несколько свысока относились, да и относятся, к четвертичникам, но, тем не менее, работают с ними рука об руку. В геологии специализаций много и каждый занимается своим делом,

что определяет комплексный и квалифицированный процесс исследований. Времена же универсалов завершились Обручевым и быть им сейчас никому не под силу.

Начало студенческой жизни не было легким - юноша из-под маминого крыла попал в коммунальную жизнь общежития. Но это была хорошая школа как в смысле воспитания коллективизма, так и полного приобщения к советской действительности. Здесь же завязалась и студенческая дружба, которая, казалось, продлится всю жизнь. Увы, нас всех разбросало в разные стороны и, кроме теплых воспоминаний, мало что осталось.

Вспоминая студенческие годы, можно сказать, что у нас были чудесные преподаватели, преподавшие основы того, чем мы должны были заниматься в дальнейшем. Но это были прежде всего основы теоретические. Много дала нам и двухгодичная практика в Саблино. И все-таки, только поработав в экспедициях, вначале в качестве рабочих и коллекторов, мы прошли настоящую полевую школу.

Первая настоящая полевая практика, первая экспедиция - она, как первая любовь. У меня она случилась северной и, как потом оказалось, определяющей. Именно с нее началась долгая работа в Заполярье, хотя и с небольшим перерывом в самом начале.

Весной 1952 года после окончания третьего курса я был принят на работу коллектором в Обскую экспедицию ВАГТа (Всесоюзный аэрологический трест). Запомнилась первая встреча с моим будущим начальником партии Марком Николаевичем Бойцовым и, прежде всего, он сам. Среднего роста, чуть сутуловатый и очень сильный, с крупной, словно вырубленной головой, прокуренным басом и большими очками близорукого человека. В железном пожатии его громадной лапы чувствовалась хватка бывшего кузнеца. Рабфаковцем пришел он в Географический институт и еще до войны побывал в нескольких экспедициях. Насколько сейчас помню, в армии провоявал он начальником картографической службы при особом отделе. Что-то от особиста в нем так и осталось, во всяком случае, взгляд у него был пронизывающий.

Запомнилась дорога на базу экспедиции в Лабытнанги, особенно ее уральский отрезок от станции Сайды, а также сама база. Это была та, выстроенная на костях дорога, которая потом протянулась до Игарки и так и пропала за ненадобностью. Наша часть дороги только что вошла в строй и была еще не МПС-овская, а ведомственная, энкаведистская, с бесчисленными лагерями вдоль всего пути. Пересекая пологие сопки Полярного Урала, поезд тащился со скоростью пешехода, а вдоль полотна взмахивали кайлами темные тени зеков. Чуть в стороне полыхали костры, у которых грелась полушубковая охрана с винтовками с примкнутыми штыками. Все новички не открывали взглядов от этой жуткой картины.

Лабытнанги (по-ненецки - семь лиственниц) оказался деревянным поселком зоной, протянувшейся на много километров по берегу Обской протоки. В центре стоял единственный одноэтажный каменный дом, окруженный несколькими чахлыми лиственницами, может быть, действительно их было семь. К нашему приезду основную часть заключенных куда-то перевели и в поселке было почти пусто. База экспедиции располагалась в покинутой зоне, и мы поселились в бараках, окруженных колючей проволокой с пустыми вышками по углам.

В нашей партии, кроме начальника, оказалось всего три человека: геолог - молодая женщина по имени Софа, радист, мой ровесник, и я. Геологическими и организационными делами занимались начальник с Софой, а мы с Лешей-радистом

включились в черновую подготовительную работу. Пришлось впервые взять в руки топор не для колки дров, а для изготовления рукояток геологических молотков, черенков для лопат и прочего. Стружку с нас двоих Бойцов снимал до тех пор, пока не добился от нас вполне приемлемых результатов.

Выдавались и редкие свободные часы, когда мы могли побродить по поселку, зайти в магазин, на полках которого навалом лежали матерчатые ушанки и плотными рядами стояли банки американского чая, завезенного во время войны, а также дальневосточных крабов. В изобилии стояли бутылки, преимущественно со спиртом. Пару раз удалось сделать вылазку в тундру, окружающую поселок. На одном из пикников я прошел крещение неразбавленным спиртом, которое мне на всю оставшуюся жизнь отбило охоту употреблять спирт в чистом виде.

В конце концов мы погрузили все свое хозяйство на баржу с катером - буксиром, который трое или четверо суток тащил нас вниз по Оби до районного центра Яр-Сале, базы нашей партии.

На берегу нас встретила толпа аборигенов - ненцев в малицах (плащи из оленьих шкур с капюшоном и без рукавов) и тучи комаров. Разгрузились, перетащили весь наш груз (а эти процедуры сопровождают любую экспедицию многие десятки и сотни раз) в школьный класс, отведенный для жилья, быстро обустроились, отужинали и улеглись спать в свои теплые, но пахучие собачьи спальные мешки.

В поселке были наняты двое рабочих из бывших зеков — Клава-повариха и Саша, бывший казачий офицер, здесь они были на поселении без права возврата домой. Выход в поле задерживался, так как отсутствовал транспорт - олени. Арендованное стадо было где-то на пути сюда. А пока Марк Николаевич всех загрузил работой. Мне впервые пришлось заняться дешифрированием аэрофотоснимков. Поначалу не было даже стереоэффекта, потом дело пошло, естественно, с постоянной помощью Бойцова - он читал снимки даже без стереоскопа. Донимал меня начальник с дешифрированием здорово, и я на него обижался за постоянные придирки. Позже вспоминал его с благодарностью - ведь вся моя дальнейшая работа была связана с дешифрированием.

В конце концов прибыла бригада оленеводов с оленьим стадом, ни много, ни мало - около трехсот голов. Ненцы появились в нашем жилище-классе почти всем составом. Сразу запахло рыбой, влажными оленьими шкурами и спиртным перегаром. Бригадир был грамотным, хорошо говорил по-русски. А старики знали только по несколько слов. Здесь же в классе, присев на корточки, они затянули бесконечную бессловесную кочевую песню. Один сидел молча и жевал табак, который пузырился на губах зеленой пеной. Лагерь из нескольких чумов они разбили за поселком и на следующий день мы побывали у них в гостях. Мог ли я подумать, что когда-нибудь придется сидеть у костра в конусообразном шалаше, обложенном оленьими шкурами, есть полусырое мясо без соли и запивать его черным плиточным чаем, а вокруг будет бескрайняя Ямальская тундра, освещенная незаходящим солнцем, в лучах которого вьются мириады летучих кровопийц. Здесь же, в Яр-Сале, совершил я и свой первый авиаполет. Об том не стоило бы и вспоминать, если бы не самолет. Это был легкий маленький двухместный гидросамолет ША-2 (Шавров-2) - водный аналог известного ПО-2. Ныне этот раритет хранится в музее Арктики и Антарктики в Санкт-Петербурге.

Наконец, все продукты, снаряжение, вещи были погружены на нарты и караван под водительством Софы двинулся в путь. Ей и мне предстояло работать двумя отрядами на оленях, а Марк Николаевич отправился на лодке вдоль Обских берегов, так как лучшие разрезы приурочены всегда к береговым обрывам.

Мне же пришлось осваивать две главные вещи - ориентирование по карте и аэрофотоснимкам и умение вести геологические наблюдения. Если с первым я справился в целом успешно, то со вторым результаты оказались далеко не безупречными. Правда, выяснилось это уже только в Ленинграде в камеральный период. А от точности описания нюансов напрямую зависело качество всей работы. Мы ведь занимались геологической съемкой, где по составу пород, их габитусу, цвету и т.д. надо определить, к какой части разреза в целом относится данный пласт или пачка. У меня же явно не хватало опыта, и фиксация часто сводилась только к механическому описанию, так что надо признать — первый блин вышел комом. Но опыт я все-таки приобрел. А главное - понял, что с виду очень простые четвертичные отложения - пески, супеси, глины - расшифровываются с трудом, и надо улавливать каждую мелочь, чтобы разобраться, какая часть стратиграфического разреза лежит перед тобой. Точность и правильность этого определяет качество составляемой карты, а она является результирующим итогом любой геологической съемки.

Глубокой осенью с ночными заморозками вернулись мы в Яр-Сале, где нас уже поджидал Марк Николаевич. Полевые работы были окончены, закартирована площадь около двенадцати тысяч квадратных километров - это четверть территории всей Эстонии! Столь огромная площадь определялась масштабом съемки. Мы занимались геологической съемкой 1:1 000 000 (на карте в одном сантиметре вмещается 10 км), которая практически завершалась по всему СССР. На смену ей шла более детальная двухсоттысячная съемка, с которой оказалась связана почти вся моя дальнейшая геологическая жизнь.

Жизнь экспедиционная

После Ямала Север запал мне в душу. Но прежде, чем к нему вернуться, геологическая судьба забросила меня в Алтайское высокогорье, где пришлось исследовать сложный комплекс древних пород и учиться верховой езде. Там полевым транспортом служили лошади, с которыми надо было уметь обходиться. Моим наставником стал радист-радиометрист Виктор Голиков, проработавший на Алтае уже несколько лет и познавший почти все о лошадях. Он помог мне подобрать спокойного мерина по кличке Васька, научил седлать его и ухаживать за ним в маршрутах. Премудрости же верховой езды познавались по мере приобретения опыта. Так началась моя многолетняя служба на геологической съемке двухсоттысячного масштаба.

Три года я набирался опыта, наслаждаясь красотами Горного Алтая, страной необыкновенно красивой, мало населенной и экологически чистой. Приведу одну из дневниковых записей в июле 1955 года. “Едем вдвоем с Виктором, спускаемся с гор в долину Катуня по направлению к пасеке, где собирались заночевать. Слышу, как сзади чертыхается Виктор - опять за ветку задела трубка радиометра, уж больно она громоздкая. Тропа вьется по долине Катуня, то приближаясь, то отдаляясь от зеленого пенящегося потока. Вот она снова пошла в гору и лошади испуганно прядут ушами, посматривая вниз на бегущую ленту волны. Темнеет, только белокорые березы видны еще отчетливо. Останавливаемся, разнуздываем лошадей. Рублю лапник для постелей, а Виктор спускается за водой. Разжигаем костер, ужинаем и забираемся в спальные мешки.

Утро будит сырым туманом. Постепенно, как в сказке, в мутной еще дымке обрисовываются сначала вершины гор, а потом и всё окружающее. Совсем недалеко видна пасека, до которой не успели вчера доехать. Пасечник и вся его семья

встречают нас и приглашают позавтракать. Для них любой человек в радость. Они живут почти в полной изоляции, добираясь до поселка один-два раза в год. Мы - источник информации и вообще люди из другого мира: ленинградцы.

На столе - хлеб, масло, творог, мед, огурцы, зелень, и притом все свое. После завтрака оставляем лошадей на пасеке и отправляемся в пеший маршрут к вершинам. Сразу становится жарко, пот льет градом, да и сердечко бьется громко. С короткими передышками для записей в дневнике продолжаем восхождение. Наконец, мы на вершине. Под нами развалы гранитов, вдалеке бесконечные цепочки гор. Далеко-далеко внизу вьется тонкая нить Катуня, а мы сейчас выше всех и всего. Временами кажется: раскинь руки - и полетишь. Вниз спускаемся по крупноглыбовым развалам через лесные завалы вновь к пасеке, за лошадьми". Но в 1957 году ленинградская группа Алтайской экспедиции ВАГТ прекратила свое существование. Пришлось распрощаться с отличными специалистами и прекрасными товарищами: начальником партии В.Г. Молчановским, геологами Г.В. Кунаевым, С.С. Шульцем, радистом В.М. Голиковым и другими.

Весной этого же года я впервые переступил порог здания на Мойке 120 со звучным названием Научно-исследовательский институт геологии Арктики, который покинул уже пенсионером. Правда, названий в нем за это время сменилось несколько, но дух «нииговский» не выветрился даже теперь.

Попал я на геологическую съемку того же двухсоттысячного масштаба в знаменитую Бирехтинскую (алмазную) экспедицию, которой руководил известный геолог и прекрасный организатор Б.Е. Радин. Внешне он тоже производил неизгладимое впечатление. Очень высокий и худощавый, с маленькой головой, орлиным взглядом и носом, изогнутым, как клюв, резкий и решительный. По опыту под стать ему был и главный геолог В.Я. Кабаньков, но по духу - полная противоположность: мягкий и интеллигентный. Но спарка эта была блестящая. Да и начальники партий (по нынешним временам - начальники отрядов) подобались классные. Так я попал к будущей «алмазной звезде» В.А. Милашеву.

После долгого перелета на маленьком уютном ИЛ-12 с московского аэродрома УПА (Управление Полярной авиации) в Быково, через Амдерму и Диксон мы добрались в устье Оленека. Там пересели на грузовой ЛИ-2 и на нем долетели до базы экспедиции при впадении Бирехты в Оленек. Посадка происходила на снежном естественном «аэродроме» большого острова. Сама же база располагалась на высоком таежном берегу и еще только строилась.

Были готовы столовая, склад и несколько «индий» - больших военных шатров-палаток с печкой-бочкой посередине (на всю палатку тепла не хватало и у стенок вода замерзала). И мы все: начальники партий, геологи, коллекторы и рабочие превратились в строительных рабочих. Часть народа валила лес, другая - перетаскивала его. А потом все мы строили палатки: вначале - сруб с полом, потом - каркасы, нары и печки. Периодически все отправлялись на заготовку дров. Недели через две база приобрела вид таежного поселка, как-никак наше население приближалось к двум сотням.

Уже в теплых и уютных наших палатках началась предполевая камералка - дешифрирование аэрофотоснимков, ознакомление с районом работ по имеющейся литературе. В конце мая по Оленеку с грохотом и вздыблением льдин пронесся ледоход, снег почти везде растаял и началась подготовка к отъезду в поле. Как обычно, произошло это неожиданно. Авралью погрузили весь свой скарб на попутный понтон, который вверх по реке доставил нас на место. Здесь все началось опять со

строительства лагеря, теперь уже базового для нашей партии. Сюда же пришли и тощие олени с каюрами-якутами.

Наша партия по составу была большая, около двадцати человек. Помимо съемочников (В.А.Милашева, Е.Мельникова и меня), имелся поисковый отряд под командой старого полярного волка - прораба Валентина Власова, а также рентгенолог и магнитометристы. Самыми молодыми и зелеными оказались магнитометристы и я.

Если первая моя заполярная экспедиция была оснащена нартами и стадом оленей в 300 голов (работали в тундре), то здесь все транспортные перевозки осуществлялись десятком вьючных оленей, на которых надо было нагрузить радиостанцию с тяжеленными батареями, оборудование магнитометристов, личные вещи и продукты (поэтому последние и ужимались до минимума). А весь основной продуктовый запас оставался на базовом лагере на лабазе - деревянном настиле, сооруженном на обпиленных лиственницах на высоте более двух метров, чтобы уберечь от медведей. Из продуктов самым дефицитным был колотый сахар. Каждому на месяц выдавалась определенная порция (около трех килограммов), хранимая, как зеница ока, в мешочках из-под образцов. Кололся сахар тыльной стороной ножа-финки. К концу месяца, а у некоторых и раньше, мешочки тощали, ведь объемы выпитого чая всегда были большими.

От комаров спасал диметилфталат и марлевые полога, которые натягивались еженощно в палатках. Но выдавались ночи, когда не было ни палаток, ни продуктов, так как аргиш (олений обоз) либо запаздывал, либо приходил на другое место. Тогда ночь короталась у костра, как это однажды случилось в июле.

...Зной июльского полдня застал нас на болотистом водоразделе. Ни малейшего ветерка. Тайга замерла. Пот струился по лицам и заливал глаза. Ничего, кроме комаров и мерзлоты под ногами, не напоминало, что мы на Севере за Полярным кругом. Лето не проходит мимо этой суровой стороны. Как хорошо бы сбросить душную сетку накомарника, снять плотную спецовку. Нельзя - вокруг вьется бесчисленное множество комаров. Прямо перед глазами мельтешат они, просовывая жала в отверстия накомарника. Стоит сетке случайно коснуться лица и жала впиваются в кожу.

Звонко чавкает под ногами болото. К концу нашего довольно большого маршрута мы оба идем все медленнее. Подбадривает мысль о близком отдыхе и чае. Вот-вот должен показаться лагерь. Спускаемся в долину к назначенному месту. Никого нет. Достая карту и компас, тщательно ориентируюсь и убеждаюсь, что мы там, где надо. Остается разжечь костер и сесть, с наслаждением вытянув уставшие ноги. Вскоре к нам присоединяются еще двое геологов, а оленьего каравана все нет и нет. Пока не очень беспокоимся. Аргиш часто приходит с опозданием. Ведь пастухам приходится долго собирать и вьючить оленей.

Но с наступлением ночи закрадывается сомнение, а не ошиблись ли оленеводы, не ждут ли в другом месте. Такое, хоть и редко, но бывает. Кричим в четыре глотки, но только слабое эхо раздается в ответ. Под утро пришли еще двое маршрутчиков, тоже усталые и голодные.

Теперь нас шестеро. Что делать? Решаем искать оленеводов поблизости. Разбиваемся на три группы и расходимся в разные стороны. Тайга безмолвна и безлюдна. Снова солнце плавит наши тела, бесятся комары, а есть хочется все сильнее. Конец первых суток встречаем все вместе у того же костра. Начинаются разговоры о еде. Потом вспоминаем, кто и когда попадал в подобную ситуацию. Постепенно начинаем дремать. Но по-настоящему заснуть не удастся. То застынет бок, то спина, или

затечет нога, а то и померещится звяканье оленьего ботала. Так проходит вторая ночь у костра.

Утром еще раз выворачиваем все карманы и сумки. Находим несколько замусоленных кусочков сахара и раскрошившихся сухарей. По-братски делим их и решаем двигаться к лабазу, которого собирались достичь вместе с оленеводами через два дня. До лабаза около двадцати километров, сейчас для нас это очень много. Ноги тяжелеют и цепляются за кочки. Все чаще отдыхаем и все-таки двигаемся вперед. К полудню погода портится, небо затягивается тучами. Спадает жара, и идти становится легче. Наконец, впереди мелькнул знакомый изгиб реки и показался лабаз. Но и здесь не оказалось никого. Последними спичками разжигаем костер и обшариваем лабаз. Это зимний охотничий склад, у которого мы сами ничего, кроме резиновой лодки, не оставляли. Все-таки небольшой мешочек с остатками муки удалось найти. Но на чем печь? Нашли сломанную лопату, и работа закипела. На лопату бросали мучнистую жижу и пекли на костре. Лепешки казались вкусными, но голод утолить ими было невозможно.

А погода все ухудшалась, начал накрапывать дождь. Набросали в костер побольше дров. Для прикрытия от дождя попробовали использовать лодку. Трое ложились и накрывались ею, остальные грелись у костра, а потом менялись. Утро третьего дня встретило непрекращающимся дождем. Кое-как напекли лепешек из остатков муки. Каждому достался маленький полусырой блин. День тянулся долго. Начали вспоминать разные байки, кто-то пересказывал давно читанный детектив. Снова посменно спали под лодкой и у костра, так прошла четвертая ночь. Наступила апатия, разговоры почти прекратились.

На общем совете решили здесь больше не ждать, а двинуться к озеру, куда к этому времени должен был выйти еще один отряд. Поход отложили на завтра. Пятая ночь показалась самой холодной, спали урывками, часто грелись у костра.

На шестой день дождь прекратился. Нам предстояло пройти чуть более десяти километров. Это расстояние казалось огромным и все-таки мы пошли. На наше счастье, к озеру вела сравнительно хорошая тропа. Тишину тайги нарушал только шорох шагов, щебетание птиц и звон комаров. Примерно на полпути силы окончательно иссякли. Внезапно кого-то осенило: надо выкупаться. Не обращая внимания на кровососов, мы разделись и кинулись в реку. Холодная ванна помогла. Появилось второе дыхание. Вдруг мы увидели - к нам навстречу спешат люди...

Окончание сезона завершилось почти экстремально. Последние маршруты пришлось заканчивать по снегу, а впереди нас ждала опасная переправа через бурную Бирехту, так как пригодная для посадки АН-2 коса находилась на противоположном берегу.

Средством переправы служили резиновые лодки, а по реке уже пошла шуга. В результате один из клипперботов был протаранен льдиной и затонул, но мы все благополучно добрались до косы.

Прилетевший АН-2 приземлился благополучно, а вот взлетел с явной перегрузкой на пределе возможностей. Ведь коса эта по своим размерам еле дотягивала до необходимых габаритов. Но в те годы полярные летчики были мастерами-ассаами, садились и взлетали в невероятно сложных условиях.

Второй и последний год в Бирехтинской экспедиции я проработал в съемочной партии ветерана-фронтовика А.Я. Клейзера. Третьим съемщиком был совсем еще молодой Э. Эрлих - будущая геологическая звезда с очень непростым характером. В

ту пору мы с Эдиком быстро сдружились, особенно потому, что оба были молодоженами, я уже с годичным стажем, а он только что испеченный.

По окончании полевого сезона мы вдвоем «контрабандой» улетели на самолете из Магдагачи в Ленинград, вслед за посланными домой телеграммами: «Лечу на крыльях любви». Тем самым мы выкроили почти свободную неделю, так как официально мы добирались якобы поездом по транссибирской магистрали.

Камералили мы, как и в прошлом году, в знаменитой 105 комнате, отгороженной от нииговского коридора тонкой фанерной стенкой. В этой двухполовинной комнате одновременно сидели и работали человек 20-25 - вся экспедиция. Чтобы как-то разгрузить камералку, в начале следующего года нас переместили в подвал и установили двухсменную работу.

Следует добавить, что дисциплина в те годы была достаточно жесткая. У каждого был свой табельный номер, который вешался утром в ящик, уносимый после третьего звонка в отдел кадров - опоздание, неявка фиксировались просто.

Весной 1959 года в институте организовалась новая Усть-Енисейская экспедиция (геологическая съемка масштаба 1:200 000), во главе с известным еще по Университету Ю.Н. Кулаковым. Район работ охватывал низовья Енисея, практически сложенные исключительно четвертичными отложениями. И всех четвертичников и геоморфологов призвали под ее крыло. Предложили и мне стать начальником партии в ее составе.

Коллектив подобрался очень дружный и знакомый. Возглавляли партии Ю.М. Михалюк, Г.Д. Значко-Яворский, Г.П. Махотина, Д.В. Семевский, с которыми я проработал до завершения съемки.

Теперь мы переместились к западу и путь в поле выглядел так: самолетом до Норильска, электричкой до Дудинки и на «Гедройце» (экспедиционный катер) до базы в Малой Хете. Со мной работали геолог Е.П.Семенов, радист -радиометрист А.Булаев, два студента и рабочий.

В поле мы отправились совместно с партией Д.В.Семевского. Начало было неудачным. При выходе на наших утлых моторках из Малой Хетты в Енисей попали в шторм. Несколько лодок перевернулось. На аврал и просушку ушли сутки.

Через день мы все прибыли на место, где разбили большой лагерь, в котором просидели три недели, ожидая оленей.

Здесь, как и на Ямале, практиковались оленье нарт, но количество оленей оказалось небольшим и переброски лагерей были непростыми. Сезон закончили благополучно. Впоследствии район реки Соленой, где мы тогда работали, стал моим первым листом Государственной геологической карты, завершенной в 1963 году. Кстати, редактором листа от ВСЕГЕИ был назначен М.Н.Бойцов - начальник партии моей первой экспедиционной практики на Ямале. После защиты листа мы с ним славно посидели в плавучем ресторане у Тучкова моста, и это была моя последняя встреча с ним - светлая ему память.

Нет смысла детально описывать дальнейшую работу в этой экспедиции, но стоит остановиться на особых ситуациях и событиях.

В сезон 1960 года моя работа по правобережью Енисея оказалась под угрозой срыва. Из-за сильной жары и обилия комаров наше оленье стадо разбежалось и частично погибло. Пришлось перекраивать все планы и переходить на лодочный

транспорт. С тех пор запомнились два поселка: Байкалово, где основную часть населения составляли ссыльные латыши, и Казанцево со ссыльными немцами Поволжья. И этот поселок немцы превратили в самый уютный и чистый на енисейском побережье.

Следующий год был переломным для экспедиции - в качестве транспорта впервые появились вездеходы (ГАЗ-47), заметно облегчившие работу.

1962 полевой год закончился печально. При погрузке на катер горючего бочка с бензином упала на нашего вездеходчика Володю. Темной ночью, по незнакомой тундре мне пришлось везти Володю на вездеходе в поселок Караул, чтобы доставить его в больницу. Увы, для него, молодого парня, это обернулось инвалидностью.

Навсегда запомнился конец лета 1963 года, когда при переправе через реку Большая Хетта один вездеход на острове посередине реки потерял гусеницу, а второй - потонул метрах в пяти от берега.

На помощь пришли геофизики А.Н.Платоненкова с двумя вездеходами. Пришлось долго нырять в очень холодную воду, чтобы зацепить тросом как «утопленника». С общей помощью все завершилось благополучно.

В 1965 году меня оставили на лето в городе, обязав подготовить к защите еще один лист Государственной карты, не обеспеченный необходимыми данными. Работу я завершил, но, к счастью, с «дистанции» был снят. Работа же Усть-Енисейской экспедиции завершилась, и я оказался на распутье.

Но тут как волшебник, появился главный геолог вновь образованной Приморской партии (теперь экспедиции именовались партиями) А.И. Самусин и предложил мне работу в ее составе, где я и задержался на следующие очень интересные двенадцать лет. А главное, обрел в его лице, а также в лице Г.В. Труфанова, двух моих самых близких друзей на всю оставшуюся жизнь.

Приморская партия (позднее Восточно-Сибирская) проводила геологическую съемку все того же масштаба на территории Яно-Индибирской низменности и базировалась в поселке Чокурдах. До базы мы добирались теперь на безотказных ИЛ-18 с полетным временем от Москвы около десяти часов. Разница поясного времени от столицы составляла восемь часов!

К месту работ нас забрасывали бензиновые вертолеты МИ-4, а вездеходы добирались еще по весне своим ходом. На весновке же оборудовался и базовый лагерь - рубились срубы и каркасы для палаток, столовой и пекарни.

Район работ оказался плохо обнаженным, физически трудным. Комариная тайга изобиловала горельниками (абсолютно безжизненные участки), заболоченными местами с трудно проходимым кочкарником. Вездеходы, перебрасывающие лагерь, часто застревали как в ледяных трещинах полигональных почв, так и при переправах через небольшие речки с заболоченными берегами и илистым дном. Лето стояло жаркое, маршруты изматывали всех. Как всегда, спасал чай, который при возвращении в лагерь выпивался в невероятных количествах, дабы восстановить водный баланс наших телес.

После двухлетней работы на съемке возникла возможность заработать на кооперативную квартиру, удлинив полевой сезон. Я перешел в буровой отряд в качестве геолога.

Особенным был первый буровой сезон, когда я прилетел в Чокурдах еще в конце апреля, то есть совсем по зиме. Предстоял переход в несколько сот километров по снежному бездорожью. В перегоне участвовало два трактора-сотки с «болотными» гусеницами, буровой станок, вездеход и двое саней, нагруженных «под завязку» буровым оборудованием и бочками с горючим. Буровой отряд состоял из двадцати человек.

Впервые мне пришлось быть штурманом в зимнюю пору и это оказалось ох, как нелегко. Путь по тундре без ориентиров, с реками и озерами, закрытыми снегом - глазом не за что уцепиться.

В тайге стало еще сложнее, так как надо было валить деревья, пробивая дорогу каравану. Больше всего задерживал движение буровой станок, особенно при форсировании рек и ручьев. Часто приходилось останавливаться, цеплять тросом станок и выдергивать его одним, а чаще двумя тракторами.

И все-таки на восьмые сутки мы добрались до намеченного места, в последний день пересекая реки, где поперх льда уже пошла верховодка.

Далее пошли будни бурения с осмотром керна, отбором проб, промывкой шлихов. Теперь к опыту геолога-съемщика добавился двухлетний опыт буровых работ, а заработок помог в 1969 году впервые переселиться нашей семье в собственную отдельную квартиру.

Через два года работа на материке закончилась и Приморской экспедиции предстояло провести геологическую съемку на Новосибирских островах.

В мае 1972 года на двух вертолетах МИ-8 (вертолеты МИ-8 - современные машины, пришедшие на смену МИ-4, их грузоподъемность была в три раза больше, а радиус действия значительно длиннее) я высадился на мысе Шалаурова острова Большой Ляховский. Там уже находилась первая группа отряда с двумя вездеходами.

В палатке, заваленной снегом, мы пережили первую штормовую ночь, когда пришлось удерживать каркас руками, чтобы его не сломало и не унесло ветром палатку. Сразу почувствовали, что находимся не на материке.

Как только распогодилось, начали искать место для базы отряда, подошло для этой цели охотничье зимовье «Дымное» на южном побережье острова. Место оказалось просто прекрасным и прослужило нам добрым кровом в течение двух лет.

Зимовье состояло из небольшой приземистой избушки с комнатой, кухней и пристроенной баней, еще был большой сарай с глубокой ямой-ледником. Рядом протекал ручей - источник пресной воды, а морской пляж изобилдовал плавником, нашим будущим стройматериалом и топливом.

К прилету основной группы отряда во главе с А.И. Самусиным мы обжили избушку и начали строительство палаточного городка, так как народу собралось много - 16 человек плюс молодой пес - овчарка по кличке Дик.

Лобастый, с толстыми мягкими лапами, красивой серой с подпалинами шерстью, Дик стал всеобщим любимцем. Все 16 бородатых, лишенных сентиментальности мужиков самозабвенно играли с ним, превращаясь на какое-то время в больших детей.

Особенно интересной жизнь Дика стала, когда растаял снег. Открылись норки леммингов, маленьких юрких зверьков-грызунов с такими волнующими для собачьего нюха запахами. Инстинкт толкал Дика в погоню за ними, но неизвестность его пугала.

Он подолгу крутился у норок, пытаясь раскопать их еще неокрепшими лапами, и конечно, совал туда свой черный нос.

К лету Дик подрос и окреп. Теперь лемминги не вызывали у него страха и часто попадали к нему на острые зубы. Заинтересовали Дика наши геологические маршруты. Многие километры бежал он за вездеходом, а когда усталость его одолевала, мы сажали его в кузов. Так Дик изучал вместе с нами Большой Ляховский. Завершив работу поздней осенью, мы передали Дика на метеостанцию на мысе Шалаурова и начали подготовку к обратной дороге.

Вернувшись следующей весной на остров для работы на его западной половине, все мы испытали радость встречи с уже возмужавшим Диком. Зимой он работал в упряжке и ходил на охоту. И все же было в нем еще что-то от прежнего щенка - всегда хорошее настроение, дружелюбный характер и неизменная привязанность к людям. Но стоило появиться на острове чужакам с собаками, как нрав его на глазах менялся. Знакомился настороженно, среди сородичей устанавливал свой порядок, при необходимости злобно щелкая зубами, а некоторым задавал основательную трепку.

К чувству любви к нашему верному другу прибавилось и чувство уважения, без которого дружба, вероятно, не может быть полноценной даже между собакой и человеком.

Второй год работы на Большом Ляховском оказался особенно удачным. На севере острова мы обнаружили проявления касситерита (рудопоявления олова), и не только на суше, но и в прибрежной части.

О тех методах опробования на акватории следует сказать подробнее. Предварительно на бумаге разбивалось несколько профилей, после чего мы вдвоем с Александром Иосифовичем и только в тихую погоду садились в резиновую лодку и отправлялись в плавание для обработки намеченных профилей. Привязка, естественно, была самая приблизительная. Один из нас втыкал в дно длинный шест и держал на месте клиппербот, другой же черпаком пытался достать донную пробу. Черпак представлял собой загнутую на конце лопату, надетую на длинный шест. И даже такой примитивный, а тогда единственно возможный, метод позволил получить положительные результаты. А.И.Самусин был признан первооткрывателем месторождения.

Впоследствии этот участок разрабатывался уже по всем канонам месторождения в течение почти полутора десятков лет и прежде всего с детальным бурением со льда. Руководил работами С.В.Беймарт, которого также, как и моего друга А.И.Самусина, давно уже нет среди нас.

Второй островной год запомнился еще и многодневным маршрутом на полуостров Кигилях, поразивший всех нас после равнинной тундры остальной части Большого Ляховского. Почти весь полуостров занимают две невысокие (до 180 м) горы, обрывающиеся к морю крутыми, местами отвесными стенками. Вершину одной из них венчают гранитные останцы - кигиляхи.

В первый день мы их практически не увидели, так как всё окутывал густой туман. На следующий день установилась солнечная погода и перед нами открылась впечатляющая панорама. На фоне голубого неба вырисовывалась каменная гряда, увенчанная останцами, стоящими отдельно и группирующимися в цепочки. Вблизи кигиляхи оказались еще величественнее. На высоту 10-15 метров вздымались гранитные глыбы самой различной формы. Узкая пирамидальная стела сменялась окаменевшим парусом, сужающимся к основанию. Далее виднелись останцы, похожие

на фантастических животных и на людей-великанов. Готовым памятником высилась группа из трех каменных людей.

Подобные останцы часто встречаются в зоне выходов гранитов, но такие живописные попадаются редко. Сфотографировав кигиляхи, мы спустились к морю, к небольшой чистой ото льда бухте. Здесь тоже было интересно. Гранитные скалы спускались к морю плоскими, сглаженными ступенями, в которых море и выветривание выбило «ванны» и ниши различной формы, заполненные водой.

У кромки воды песчано-галечный пляж бухточки переходил в мелководье с совершенно прозрачной водой, в которой плавали бледно-розовые медузы. Чуть дальше берег становился круче, а еще дальше переходил в отвесные скальные обрывы, над которыми с резкими криками парили сотни чаек.

Ночевали мы на полярной метеостанции Кигилях. В библиотеке мне попала в руки книга Н.Н. Ляха «На трассах Северного полюса» с дарственной надписью автора на обложке: «Зимовщикам полярной станции Кигилях, несущим нелегкую почетную вахту в суровых условиях Арктики. Книга вручается от тех, кто первыми высадился на этой суровой целине. Книгу беречь на станции, чтобы каждая смена знала, с чего начиналась здесь жизнь».

Книгу прочитал, не отрываясь, мысленно сравнивая время прошедшее с нынешним. Если проследить историю открытия острова Б.Ляховской, то она уходит в далекое прошлое. В 18 веке эти края посетил купец Иван Ляхов с целью промысла песка и добычи мамонтовой кости, в честь которого и назван остров. В 19 веке здесь побывал Эдуард Толль. Мемориальную доску с его барельефом мы видели на противоположной оконечности острова, на метеостанции Шалаурова. Но обживали остров наши современники - Николай Лях и его товарищи. Они высадились на безлюдный берег острова в 1934 году, когда в СССР начиналось освоение Арктики и, прежде всего, Северного морского пути, с чем и была связана организация полярных станций на всем северном побережье и островах.

И вот я стоял на берегу бухты, где под брезентом провели свою первую ночь зимовщики. Все как будто бы соответствовало описанию Н.Н.Ляха - сама бухта и гора Санникова, возвышающаяся, как и тогда, над полуостровом, а также фантастические останцы-кигиляхи.

Только по иному выглядела сама метеостанция. На высоком берегу белели основательные постройки: радиоцентр, механические мастерские, жилой дом. На фоне неба четко вырисовывались конструкции антенн. Метеостанция выглядела обжито и надежно. Не зря испытывали энтузиасты сложности первых зимовок, эстафета их перешла в надежные руки.

Покидая полуостров, мы еще долго видели на горизонте контуры кигиляхов - «каменных людей». А в памяти остались не только эти феномены природы, но и простые живые люди, несущие нелегкую вахту.

Увы, не знаю, как сейчас, в начале двадцать первого века, обстоят дела на Кигиляхе и Шалаурова - может быть, и прервалась столь необходимая арктическая вахта.

В оставшиеся до пенсии 17 лет я проработал на всех Новосибирских островах и архипелаге Шпицберген. Но излагать эту эпопею, вероятно, было бы скучновато. Поэтому я попытаюсь о дальнейших годах в Заполярье рассказать в двух мини-

зарисовках об острове Фаддеевском и архипелаге Шпицберген - «Островной сезон» и «Земля Снежной королевы».

Островной сезон

С каждым весенним днем наша городская жизнь все больше шла на убыль. И чем меньше оставалось времени до отъезда в поле, в геологическую экспедицию, тем больше накапливалось неотложных и срочных дел. Предотъездная суматоха утомляла до предела. Спокойно отдохнуть и расслабиться мы смогли только в кресле самолета.

Этот момент всегда становится ощутимым рубежом в смене жизни. За тонкой оболочкой корпуса самолета остаются родные и близкие, а также городская суэта. Все, что опоздали или забыли сделать, так и остается невыполненным. Пропасть между городской и предстоящей полевой жизнями увеличивается со скоростью полета самолета. В конечной точке нашего пути величина этого разрыва становится впечатляющей как по расстоянию (более 6 тысяч км), так и по времени (8 часов разницы с московским), ведь маршрут рейса, начинаясь в Ленинграде, заканчивается на северо-востоке Якутии, в Чокурдах.

За более чем десятичасовой полет вся наша «команда», состоящая из восьми человек, отлично выспалась и к концу полета стала с нетерпением поглядывать в иллюминаторы. Половина нашего отряда - начальник Геннадий, техник Володя и я, не один год проработавшие в этих краях, по знакомой излучине Индигирки узнали приближение Чокурдах. Для инженера Валерия, вездеходчиков Эдика, Вити и повара Саши панорама приближающейся земли была открытием «terra incognita». Не успели на высоком яру промелькнуть белые домики и палатки экспедиционной базы, как колеса самолета коснулись бетона.

Через полтора-два часа мы уже размещались на базе. Потом наступила всегда приятная миссия - раздача писем, посылок прибывшим ранее и обмен новостями. Последняя часть этой процедуры продолжилась за полночь в нашей палатке под аккомпанемент гитары и сдвигаемых эмалированных кружек.

Последующие дни были заполнены получением снаряжения и продуктов. А когда всё оказалось подготовленным к переброске, вылет на Новосибирские острова к месту работы задержался на неопределенное время. Кто работал в экспедиции и особенно на Севере, тот знает, что обстоятельства порой бывают сильнее намеченных планов. И нам оставалось запастись одним из важнейших свойств, необходимых для геолога вообще, - терпением.

После нескольких «репетиций», когда груз то загружался, то выгружался из вертолета, с трассы наконец-то пришла благоприятная погодная сводка, и мы покинули уже совсем по-весеннему теплый Чокурдах.

Через пару часов вертолет приземлился на самом крупном острове архипелага - Котельном, где находилась подбаза экспедиции. Мы снова попали в раннюю арктическую весну, когда тундра ещё местами закрыта снегом и белая «крупа» нет-нет да и сыпанет с неба. На Котельном нас ждал ещё один член отряда - рабочий Виля. И, как оказалось, не один. С месяц назад, бродя по тундре, Виля наткнулся на совсем ещё маленького, видимо, осиротевшего песца. Принёс его на базу, сколотил для него ящик и поставил в своей палатке. Песца называли Яшкой. Это был маленький, юркий, пушистый комочек с острой мордочкой и по-летнему серой шкуркой. С жизнью в палатке он освоился быстро, еду брал у Вили из рук. Но других людей песец остерегался - вздрагивал и прятался, когда кто-нибудь пытался его погладить, а кое-кого и покусывал своими острыми зубками. Днем Яшку выпускали из ящика, и он

пользовался свободой в пределах палатки. Повадки его были вполне щенячьими, но не хватало привычной для людей собачьей ласковости.

За неделю весна набрала силу, и в конце июня весь лагерь вышел провожать наши тяжело нагруженные машины, выглядевшие непривычно. Чтобы разместить больше груза в кузовах, борта вездеходов мы нарастили высокими фанерными стенками, закрытыми крышей. В такой фургон можно было нагрузить много, и непогода в нем не страшила. А на крыше кабины одного вездехода возвышался ещё и ящик - временный дом песца Яшки. Виля таки уговорил нас взять его с собой.

Итак, начинался последний этап похода к месту работы на остров Фаддеевский и, несомненно, самый трудный. Предстояло пересечь с запада на восток о. Котельный и пустыню Земли Бунге, Дабы не вызывать недоумения возможностью перебраться с острова на остров по суше, следует уточнить островное положение о. Фаддеевского. В начале 19 века разделяющая острова Котельный и Фаддеевский низменная равнина Земли Бунге (всего лишь несколько тысячелетий тому назад бывшая морским дном) либо была еще островом, либо ее ошибочно признали таковой. Даже на современных картах середины нашего века Земля Бунге показывалась отделенной от острова Фаддеевского проливом Геденштрома - сказывалась недостаточная изученность этого отдаленного района. На самом же деле она связана с о. Фаддеевским узким перешейком Стрелки Анжу. Таким образом, статут островов обе эти территории сохранили только в силу исторических традиций.

Ведущей по намеченному пути машиной становился то вездеход Геннадия, то мой. Внешне простые функции ведущего - смотри на карту и командуй водителю «вправо», «влево» - требуют большого напряжения. Внимание буквально приковано к местности и карте, достаточно немного отвлечься - и собьешься с маршрута.

За два дня наш маленький караван пересёк Котельный с его довольно пересеченным рельефом, четкими долинами и высокими увалами. Неожиданно с высоты последнего увала открылась панорама плоской песчаной низины с невысокими сопками в центральной части. Это была Земля Бунге, настоящая арктическая пустыня. На десятки километров простирались безжизненные безводные пески. Ни птицы, ни зверя на протяжении суточного перехода.

Напряжение спало только тогда, когда пески оказались позади, а бурая тундра Фаддеевского обрадовала своей вполне живой окраской. Наконец-то мы были на своем острове, не прошло и месяца, как добрались!

Место для первого лагеря выбрали чуть выше устья небольшой речки. Здесь и вода была ещё пресная и побережье завалено плавником, единственным нашим топливом. Когда мы в палатках, топить приходится непрерывно. Островное лето теплом не балует, дневная температура редко поднимается до 5-7 градусов выше нуля.

Тундра одета по-летнему и, хотя здесь она бедна растительностью, в этот период радуется глаз обилием цветов. Голубыми, белыми, светло- и ярко-желтыми звездочками дриад, мытников, лютиков, камнеломок, маков расцвечена её бурая поверхность. Местами цветы образуют куртины - своеобразные арктические клумбы. Кочки и бугры-байджерахи изрыты ходами леммингов, маленьких северных грызунов, которых в этом году изобилие. Они прижились и в палатках. Нет-нет, и слышится их негромкое попискивание, а время от времени показываются симпатичные мордочки этих зверьков.

Привычными стали и резкие крики чаек, обычных обитателей приморских тундр. Но однажды нам повезло увидеть и редких гостей, розовых чаек. С осторожностью наблюдали мы за этими изящными небольшими (около полуметра

длиной) птицами с красивым характерным оперением. Брюшки у них розоватые, лапки красные, а головы и шеи окаймлены черным пером.

В рекогносцировочный маршрут отправились втроем - Геннадий, я и Виля. Шли берегом по узкому пляжу. Осматривали высокие береговые обрывы, сложенные иногда интенсивно смятыми пластами бурых углей и глин. Местами они были подмыты у основания морем и нависали над пляжем в виде выступов и карнизов. Обратный ход по берегу был отрезан морским приливом и возвращаться пришлось кочковатой тундрой..

В лагере нас ждал горячий ужин и, конечно, крепкий полевой чай. Этот напиток в экспедиции не столько ритуальный, сколько самый необходимый и любимый. Всегда геологи, возвращаясь из маршрутов, мечтают о глотке крепкого чая, который и согреет, и силы восстановит. Полевой чай заслуживает не этих скупых строчек, а целой поэмы, когда-нибудь её обязательно напишут.

На следующий день снова маршрут. Для того чтобы точнее можно было представить рядовой, так сказать, типовой экспедиционный день, опишу его подробнее с начала и до конца.

Итак, утро. В палатке нас трое - Геннадий, Валерий и я. Температура воздуха чуть выше нуля, а в спальнях мешках тепло и вылезать не хочется. И всё же пора вставать. Ждём, пока Валерий растопит печку - сегодня его очередь. Заготовленные с вечера дрова и растопка вспыхивают моментально и через пару минут воздух в палатке нагревается до комнатной температуры. Натягиваем брюки, свитера, болотные сапоги и бежим мыться. В кухонной палатке слышится звон посуды, и вот Саша подает команду завтракать. Плотно заправившись на весь долгий рабочий день, расходимся по своим палаткам. Заканчиваются последние приготовления к маршрутам, отбираются и проверяются карты, аэрофотоснимки, просматриваются сумки, рюкзаки. Сигналом к сбору служит заработавший двигатель вездехода.

Вездеход довозит до исходной точки, дальше отправляемся пешком - Гена и Володя в съёмочный маршрут, а я с Вилей - на геологический разрез. Наш разрез - высокий береговой обрыв, сложенный глинами и песками, которые предстоит обследовать, опробовать и задокументировать. Забираемся на открытый всем ветрам обрыв и приступаем к работе. Не проходит и часа, как начинает одолевать холод. Прежде всего мерзнут пальцы - приходится прощупывать мерзлую породу, писать в дневнике, а в перчатках этого не сделаешь. Потом ветер студит нос, уши, забирается под ватник и даже свитер. На ногах налипают пудовые комья глины, песок скрипит на зубах. К концу разреза с носа свисают капли, ноги теряют чувствительность, а рюкзаки, набитые образцами, оттягивают плечи. Шум вездехода застаёт на пределе сил и мы с трудом переваливаемся через борт в кузов. Здесь мы немного отогреваемся. Но по-настоящему кровь расходится только в столовой. Геннадий с Володей возвращаются в лагерь пешком усталые, но не замерзшие - от них чуть пар не валит! За миской горячего супа делимся сегодняшними наблюдениями. Потом Гена уходит на радиоперекличку, а оставшиеся, не торопясь, потягивают чай.

После ужина растапливаем печку в своей палатке и начинаем камералить. В соседней палатке слышны молодецкие удары доминошников, пора и нам на отдых. Валерий берется за книгу, Гена уходит к «козлятникам», а я незаметно засыпаю...

...Вдали багряно извивается пламя большого костра и слышатся удары бубна. У огня в неистовой пляске корчится шаман, окруженный людьми в звериных шкурах. Меня никто не замечает. Шаман в конвульсиях падает на землю и с криком бросает в огонь

фигурку мамонта. Мужчины, размахивая факелами и дубинами, устремляются к болоту, на краю которого пасется стадо мамонтов. Громадный вожак, почуввав опасность, трубит тревогу, и стадо бежит по единственному свободному пути к болоту. Несколько небольших мамонтов вязнут в трясине. Остальные исчезают вдаль, а обречённых окружают люди и добивают палками и камнями. Вместе с охотниками, нагруженными добычей, возвращаюсь в стойбище. Вдруг меня замечают. Заросший волосами великан показывает на меня пальцем и что-то кричит. К моим ногам приносят огромный бивень. А жар костра жжет всё сильнее..., и я просыпаюсь!

В палатке жарко, печка раскалилась докрасна. Пора вставать, начинается новый рабочий день. В основном он будет похожим на прошедший, за исключением сказочного сна. Но в то же время он будет и другим. Ведь новый маршрут пройдет по новому месту, природа всегда подарит что-то неизведанное, надо только быть внимательным. А может быть, удастся добыть и мамонтовый бивень, приснившийся ночью. Здесь бивни обильно насыщают вечномерзлые породы, которые во множестве хранят и другие костные остатки вымерших млекопитающих. Подобные находки, появляющиеся в обрывах по мере оттайки мерзлоты, помогают нам уточнять возраст вмещающих отложений. Возвращаясь к мамонтовым бивням, следует добавить, что Новосибирские острова издревле были богатым районом промысла мамонтовой кости, ценнейшего сырья для различных поделок.

За последующую неделю отработали весь участок вокруг лагеря, где пешком, где с заброской вездеходом. Дни простояли, в основном, погожие, иногда даже штилевые. В безветрии синее море отражало белоснежные или слабо зеленоватые причудливо фигурные льдины и темные стены берегов. А когда занепогодило, использовали это время для обработки полученных материалов. Дошла очередь и до бани, процедуры необходимой и приятной.

Привычная походная баня организуется быстро. По общему авралу кто-то ставит палатку поближе к реке, кто-то заготавливает дрова и камни, кто-то вырубает дно бочек. Под одной из бочек разводятся костер, куда закладываются и камни. Когда все готово, камни вносятся в палатку, где температура от раскаленной печи и так вполне приличная. Не мешкая, пока не остыли камни, в палатку забираются самые отважные любители - Гена и Володя. На весь лагерь разносятся их блаженные вскрики, пугающие куликов и чаек.

Вскоре начали готовиться к переброске в другой лагерь и, в первую очередь, печь хлеб. Под руководством нашего несравненного пекаря, Володи-радиста, соорудили хлебную печь. В береговой откос врыли бочку, покрыли её дно кирпичами и затопили отборными сухими дровами. Тем временем Володя растаривал в жаркой палатке из деревянного бочонка поспевшее тесто по формам. Когда дрова прогорели, а жар в печи по его мнению стал подходящим, Володя подал команду: «Несите формы!». Быстро, чтобы не остудить, и в то же время осторожно, чтобы не расплескать тесто, поднесли на лопату формы, а пекарь заложил их в печь. Через пару часов на столе дышали жаром и ароматом румяные буханки. Володя выпекал вкуснейший хлеб - одна-две буханки съедались, не успев остынуть.

Сделав две выпечки и разобрав печь, переехали на новое место. На этот раз лагерь разбили на высоком мысу с обрывистыми берегами. Он обдувался всеми ветрами, но зато какой был вид! К югу уходили темные сопки тундры, а с севера до горизонта открывался морской простор. Пляж здесь был широкий и чего только на нем не попадалось. И водоросли, остро пахнущие йодом, и простейшие морские организмы, и множество различных раковин. В тихую погоду в море можно было увидеть

любопытные мордочки глазастых нерп, близко подплывающих к берегу. На чистой мелкой воде розовато просвечивали студенистые медузы. Но чаще всего над нами дули ветры и серое небо сливалось с такого же цвета морем.

Береговые обрывы здесь были другие, сложенные четвертичными отложениями с мощными жильными ископаемыми льдами. Местами казалось, что 30-40-метровые обрывы целиком сложены льдом, выпукло выпирающим в их средних частях. А у подножья обрывов темнели вымытые морем глубокие ниши, из которых веяло холодом и сыростью. Новосибирские острова - классический район для изучения ископаемых льдов и рельефа, который на них формируется. Фотографии ледяных берегов Фаддеевского, Новой Сибири, Большого Ляховского, медальонных и полигональных тундр, различных форм термокарста (протаивания) и байджевахового микрорельефа украшают учебники и научные монографии.

Ледяные берега интенсивно разрушаются, отступая по 5-6 метров в год, но площадь островов не сокращается за счет переотложения наносов и наращивания отмелей на других участках побережья. Все эти явления мы описываем во время маршрутов, пытаюсь разгадать процессы и историю накопления отложений, а также образование самих островов.

В конце июля вездеходы перевезли нас в глубь острова и мы встали лагерем на берегу самой крупной его реки - Улахан-Юрэх. Здесь первым делом пришлось отправиться на поиски горючего, сброшенного в этом месте с самолетов еще на снег. Баки машин опустели и вся дальнейшая работа зависела от того, на месте бензин или нет. К счастью, мы нашли все бочки и только две из них оказались пустыми.

Всё это время песец Яшка скрашивал наши будни. Но и хлопот он доставлял тоже немало. На переездах Яшка бурно проявлял своё недовольство, скулил и тявкал, царапал решетку ящика коготками. Основные же неприятности он доставлял в лагере - тащил все мелочи, уносил их в тундру и прятал. Многие недосчитались мыльниц, носков, рукавиц, у меня он «прихватил» парочку образцов! За все эти проделки Яшке доставалось, после чего он долго урчал и тявкал, забравшись под раскладушку. Но в конце концов обиды с обеих сторон забывались. Песец явно становился всё более ручным, охотно играл с нами, позволял брать себя в руки и даже гладить.

Спокойнее стало, когда у Яшки завелся четвероногий друг. Как-то нам привезли собаку, молодую светлошерстную лайку по кличке Дружок. Пес сразу начал гоняться за Яшкой, в лагере поднимался лай и визг. Дружок легко настигал песца и тот спасался либо в палатке, либо под вездеходом, куда Дружку было не забраться. Лайке хотелось поиграть, а песец этого не понимал, боялся и очень сердился. Теперь Яшке было не до того, чтобы таскать наши вещи.

Маршруты в этой части острова оказались сложными. Ориентировку затруднял плоский рельеф. Проходимость же осложнялась множеством глубоких оврагов и широких заболоченных низин - аласов, образовавшихся на месте осушенных озер. Меняя лагерь за лагерь, мы приближались к южной оконечности острова.

К концу августа белая ночь стала быстро сокращаться, тундра по-осеннему порыжелая, чаще стала портиться погода. Однажды в маршруте по берегу Восточно-Сибирского моря мы набрали на охотничью избушку. Низкий деревянный сруб с наклонными стенками, узким оконцем, обложенный снаружи дерном послужил нам хорошим укрытием от августовской непогоды. Мы затопили печку, зажгли свечу и колеблющееся пламя высветило дощатый стол с лежащей на нем тонкой ученической

тетрадкой. Это был короткий дневник охотника, зимовавшего здесь в шестидесятые годы.

Записи отличались лаконичностью, отражали нелегкий труд и своеобразный быт добытчика пушнины и к тому же были не лишены лиризма. Трудно удержаться, чтобы не воспроизвести некоторые из них.

2 августа 1965 года. «Занимался подготовительными работами. Во-первых, в течение трех дней капитально отремонтировал избушку - обложил чуть ли не метровым слоем земли, поставил новое стекло, сделал завалинку. Теперь на избушку любо смотреть. Издалека похожа на стог сена — вся зеленая. Во-вторых, отремонтировал все ближайшие пасти (так называют охотники капканы на песцов). В-третьих, скучил вокруг плавник. И в-четвертых, изготовил километра в двух от избушки вешала и сложил на них мясо жирного бура (олень-бык). Так что эта изба к зимнему сезону готова. Теперь до осени ей придется пустовать. До свиданья, родная, до встречи!»

Через три месяца сделана такая запись: «Сегодня приехал сюда. Дорога очень плохая -езде торосы и торосы. Ото льда протерлись полозья нарт. Хорошо, что взял мало груза, и нарты из строя не вышли. Собаки устали, как черти! Четыре взрослых и трое щенят хорошо работали всю дорогу. Ну, и трасса у меня нынче. Четвертый год пошел, как я стал охотником, приходилось ездить вокруг островов Бельковского, Котельного, Бунге и никогда не встречал такой тяжелой трассы. Завтра буду охотиться на оленей, если только они есть в этом районе».

Запись 23 декабря очень коротка: «Сегодня выезжаю в сторону Анжу. Ветер шквальный, встречный. Нынче год не песцовый. По сей день у меня всего 11 песцов».

И больше записей о том сезоне нет, видимо, он был неудачным. К дневнику охотник вернулся почти через полгода, в августе 1966 года. Вновь описал подготовительный период, а в октябре записал: «От Центральной все время ехал по тундре. Торосы такие, что по побережью и пешком не пройдешь, а дальше от берега открытое море». Далее он описывает охоту на оленей, а 17 декабря заносит в дневник следующее: «Охота на песцов в разгаре. Нынче сезон выдался более урожайный. Поймал 65 песцов, а за весь прошлый год - 33. Нынче и трасса тоже хорошая, поэтому на душе легко и весело. Знай только, соревнуйся с другими охотниками.»

Последняя запись датирована январем 1967 года: «Приехал из центральной. Из пастей снял 9 песцов, а всего поймал 171 штуку!»

Ни имени, ни фамилии охотника из дневника узнать не удалось. По-видимому, это был молодой, энергичный, трудолюбивый и неунывающий человек. О невзгодах суровых арктических условий зимовки он не упомянул ни словом. И все-таки по этим записям мы представили морозную торосистую трассу, ледяной ветер, пургу, а главное, одиночество в долгую полярную ночь. И неутомимый труд - надо вовремя взять песка, поставить новую приманку, а пастей-то не один десяток. Мы долго молчали, осознавая, в каких условиях работал безымянный охотник, а их в Якутии тысячи. Встреча с этой избушкой и её незримо присутствовавшим хозяином надолго запала всем в память.

В последних числах августа Яшка подолгу исчезал в тундре. Приходил только вечером к ужину. А потом Виля заметил, что возле лагеря появился второй песец - не иначе, как Яшка нашел себе подругу. За прожитое время мы привязались к Яшке, но все-таки перед следующим переездом решили не брать его с собой и оставить на

свободе. Когда Яшка прибежал в последний вечер, все были с ним особенно ласковыми - гладили его, играли, подбрасывали лакомые кусочки. Мы прощались с Яшкой. Покидая утром лагерь, все долго всматривались в окрестности, и наконец, Володя разглядел среди тундры два маленьких уже чуть побелевших силуэта. Для Яшки начиналась новая пора жизни, а наша работа приближалась к завершению.

Наконец-то мы вышли на южную оконечность Фаддеевского. В начале сентября сюда прилетели два «Антон» (АН-2) и на бреющем полете сбросили бочки с горючим на обратную дорогу. В этом же лагере произошла радостная встреча с коллегами по экспедиции - буровиками. Когда мы похвалились, что почти весь сезон нашим спутником был песец Яшка, начальник бурового отряда Виктор заметил: «У нас тоже был свой воспитанник, но только пернатый». Оказалось, что кто-то из буровиков подобрал одинокого совенка. Весь август Филя, как его прозвали, путешествовал с отрядом также в ящике. На прогулку его выпускали во время стоянок.

Сначала, несмотря на внушительный и даже грозный вид, он ничего не умел - ни ходить, ни есть, ни тем более летать. К людям Филя относился терпимо — ведь они его кормили.

К середине августа Филя, смешно переваливаясь с боку на бок, начал ковылять по лагерю. С него сошел детский пух и птица покрылась красивым оперением полярной совы — белыми перышками с коричневыми кончиками. В конце месяца Филя стал самостоятельно подлетывать и планировать, будучи подброшенным человеческой рукой. В начале сентября он встал на крыло и улетал в тундру на охоту за леммингами. И всё-таки всегда возвращался в лагерь. Лишь незадолго до нашей общей встречи, Филя улетел и остался в тундре. Правда, я успел познакомиться с совенком, так как до этого навесил буровиков и даже сфотографировал его на память.

Оба эти случая из нашей полевой жизни свидетельствуют о том, что и дикие звери могут мирно уживаться с человеком, если он не злоупотребляет своей силой, а дружески опекает их, не забывая, что это братья наши меньшие.

Последний наш лагерь перед обратной дорогой раскинулся на берегу большой осушенной озерной котловины. Наш повар, студент кулинарного техникума Саша, отлично зарекомендовавший себя и как будущий специалист и как отличный товарищ, попросился как-то прогуляться по борту котловины. Очень ему хотелось отыскать мамонтовый бивень на память. С тундрой Саша за лето освоился, сходил несколько раз в маршруты. Лагерные окрестности он знал хорошо, и мы его отпустили, наказав вернуться засветло. Конечно, с собой дали на всякий случай карабин. К вечернему контрольному сроку Саша не вернулся. А осенние вечера на севере коварны. Смеркаться начинает постепенно, а темнеет очень быстро. В этот раз обстановка осложнилась внезапно наползшим туманом и мы вынуждены были отложить поиск. Зажгли фары вездеходов, но свет их пробивался едва ли метров на пятьдесят. Стали периодически стрелять из карабина и ракетницы. А потом включили двигатель вездехода. Заблудиться в этом месте было трудно, оставалось предположить, что с Сашей приключилось что-то непредвиденное. Мы разбрелись в разные стороны, не отходя далеко от лагеря. Я отошел метров на пятьсот, шум вездехода был слышен уже слабо. Время от времени кричал и стрелял из карабина. Наконец, услышал невдалеке приглушенный выстрел. Тут же выстрелил в ответ.

Минут через пятнадцать послышались шаги и показался силуэт человека. Только в двух-трех метрах можно было отчетливо разглядеть нашего Шурика. Он шел довольно быстро, тяжело дышал и нес на плече мамонтовый бивень. В палатке, увидев, что Саша бледен и возбужден, не стали его ругать, а, напоив чаем, выслушали.

Отошел он от лагеря довольно далеко, но палаток не терял из виду. Обнаружив торчащий в обрыве бивень, начал его откапывать. А когда извлек, начало уже смеркаться. Километра за два от лагеря стемнело и опустился туман. И тут впереди показался силуэт большого полярного волка. Саша обошел его и наскочил на второго, идущего наперерез. Он выстрелил в него, волк невредимым отскочил в сторону. Саша слышал наши далекие выстрелы и шел к лагерю, но не напрямую, так как волки всё время отрезали путь. Когда волки подходили слишком близко, Саша стрелял. Только в непосредственной близости от лагеря волки отступили, растаяв во тьме. При встрече со мной в Сашином карабине оставался только один патрон.

Удачный полевой сезон чуть не закончился бедой. И не без нашей вины - в тундру по-одному не ходят. С другой стороны, всех обрадовало, что наш поварёнок не растерялся и даже не бросил бивень, в сложной ситуации показал себя настоящим парнем!

Обратная дорога на базу до острова Котельного заняла шесть дней.

На этот раз заснеженную и скованную морозом Землю Бунге мы проскочили очень быстро. Уже у самой базы, на виду у палаток вышел из строя двигатель одного из вездеходов, но теперь это было не страшно, работа закончилась. В этом сезоне наш дружный отряд отлично справился со своим заданием. Теперь оставалось осмыслить всё сделанное и успешно завершить обработку полученных материалов.

В заключение поделюсь еще одним происшествием, о котором узнали на корабле, вывозившем нас на материк.

На теплоходе мы увидели большого бело-черного кота, появление которого на борту оказалось весьма необычным. По пути к Новосибирскому архипелагу теплоход «Атлантика» проходил проливом Карские Ворота. Погода стояла не по осеннему безветренная. Ледовитый океан слабо дышал, вздымая пологую волну с битым льдом. Милях в семидесяти от берега, вахтенный, заметив почти по курсу белуху (зубатый кит, обитающий в арктических водах), обратил внимание на небольшое темное пятно чуть в стороне. Когда вахтенный направил на пятно бинокль, глазам не поверил. На льдине был кот! Теплоход сбавил ход, высыпавшие на палубу матросы убедились, что вахтенный не ошибся. Все были поражены - в Баренцевом море встретить кота!

Застопорили машину, спустили шлюпку и сняли мурлыку со льдины. Мокрого и дрожащего подняли его на борт, укутали в теплое и передали под присмотр доктора. Моряки терялись в догадках, как кот оказался в море. Оставалось предположить, что он упал за борт прошедшего часа два назад тем же проливом другого теплохода. Выловленный кот продержался в море не менее двух часов. Правда, неизвестно, сколько времени он купался, так как сняли его со льдины.

Всему услышанному трудно было бы поверить, если бы мне самому не пришлось гладить Мишку, названного так в честь своего спасителя.

Одна из девушек-геологинь, также добиравшаяся на теплоходе до материка, взяла Мишку под свое попечение. Вымыла, подлечила разбитую лапу, и перед нами он предстал уже вполне здоровым и красивым котиком.

Всем нам, работавшим в том сезоне на острове Фаддеевском, лето запомнилось не только успешно проведенными исследованиями, но и встречами с Яшкой, Филей и Мишкой. Не часто можно услышать о почти прирученных песце и сове, диких и сторонящихся обычно людей. И если мы сумели, с одной стороны, пробудить доверие

Яшки и Фили, то, с другой стороны, они помогли нам самим стать душевно богаче и добрее.

Земля Снежной Королевы

Грумант. Шпицберген. Свальбард - слова, овеянные романтикой странствий, начавшихся ещё походами поморов к Студёному острову. Не так уж много на земле мест, в историю которых вписано столько имён известнейших путешественников и влекущих к себе до сих пор «кочевников» самого различного толка.

До недавнего времени и для меня Шпицберген был островом неисполненных желаний. С тем большим нетерпением представлял я первую встречу, надеясь с палубы теплохода увидеть вырастающие из океана скалы и ледники. Увы, знакомство произошло несколько прозаичнее - с борта самолёта. Но всем пассажирам нашего рейса сопутствовала редкая удача - чистое небо над Шпицбергенем. В иллюминаторах, как в быстро бегущих кинокадрах, заснеженный берег, охваченный ледяным припаем, сменился грядами остроконечных гор, расчленённых языками ледников, широкими троговыми долинами и врезающимися в сушу фиордами.

Наконец, величественную панораму ледяного и каменного царства Снежной Королевы закрыло задравшееся почти к зениту крыло самолёта, и красавец ТУ-154 пошёл на посадку.

Вторая часть пути была более длительной и насыщенной впечатлениями. В течение двух часов плавания до Баренцбурга мало кто покинул палубу буксирного теплохода «Заря», о котором, в свою очередь, следует сказать пару слов. Этот труженик моря постоянно пребывал в походах — забросках участников научных экспедиций, в частых рейсах на Пирамиду, в Лонгиербюен. За несколько лет работы «Заря», по словам капитана Л.Ф.Шутова, исколесила все водные дороги архипелага.

А теперь и мы - пассажиры «Зари», которая, минуя узкий Адвент-Фиорд, сжатый плосковершинными горами, вышла на торную дорогу острова - Ис-фиорд. Этот крупнейший фиорд Шпицбергена врезается в него на глубину около 100 км. И сверху напоминает гигантскую руку с растопыренными пальцами-ответвлениями. «Заря» испарывала зеркально спокойную тёмно-синюю водяную гладь, оставляя за кормой пенящийся бурун. На воде покачивалось множество уток, сноровисто нырявших при приближении теплохода. Ближайший юго-восточный берег, освещенный косо падающими лучами солнца, ограничивал фиорд почти отвесными скалами песчаников, за которыми виднелись белоснежные шапки вершин. Далёкий противоположный затенённый берег дрожал в мареве, и лилово-синие конусообразные горы Земли Оскара с белыми пятнами ледников, казалось, вырастали прямо из воды.

Проследовали мимо прилепившихся к подножью скал домиков законсервированного рудника Грумант, с которого начинается история советских угольных разработок на Шпицбергене. За ним показались пустые причалы Колсбея. Кое-где между этими посёлками ещё виднелись остатки короба, закрывавшего связывавшую их узкоколейку. Вскоре показалась вертолётная станция на мысу - «пригород» Баренцбурга, и «Заря» вошла в устье Грен-фиорда. Через несколько минут мы увидели и сам Баренцбург - административный центр советских угольных рудников на Шпицбергене. За высоким конусом террикона на крутом ступенчатом склоне запестрели выстроенные рядами разноцветные домики, у причала толпились встречающие.

И вот мы у начала знаменитой лестницы, насчитывающей 350 ступенек доверху (сосчитал их, конечно, позже). Первое строение на склоне - теплица, за стёклами

которой цветы и плантации свежих овощей. Вторая остановка на площадке у трехэтажного каменного дома - одного из самых популярных в поселке. Имею в виду столовую, которая почти непрерывно в течение суток кормит всех его жителей. На высоте 80 м от уровня моря последний дом, наша геологическая база. День закончился посещением столовой, где нас вкусно и бесплатно, как и всех баренцбуржцев, накормили.

На следующий день погода стала похожа на обычную северную, низкая облачность закрыла небо и горы, задул свежий ветерок. Это не помешало, не торопясь, осмотреть посёлок, который размещен очень компактно и располагает всем необходимым для работы и отдыха.

Двухэтажные жилые коттеджи Баренцбурга не только радуют глаз разнообразной расцветкой, которой так не хватает в заполярной природе. Их «начинка» отвечает всем современным требованиям (все коммунальные удобства, чистота) и скрашивает быт зимовщиков.

В центре возвышается кирпично-стеклянный куб Дома культуры с примыкающим к нему спортивным залом и бассейном. Трехэтажная каменная гостиница с кафе «Троянда». Чуть выше выделяется большой кирпичный жилой дом, рядом с ним строится ещё один такой же. Немного ниже расположен особняк советского консульства с алым полотнищем на крыше. Но самым главным является здание шахты. Здесь всегда людно. Кто-то, закончив работу, отправляется на отдых, другие же шахтеры готовятся к началу смены.

За шахтой новая больница, которая может украсить любой город. Поселок пересекают несколько автомобильных дорог, устланных бетонными плитами. Есть и знаки дорожного движения - «кирпич» и «осторожно, дети». В поселке очень чисто, а многочисленные мусорницы-пингвины из металла не только функциональны, но и красивы. Всё это обрамлено горами и зеленоватыми водами неширокого Грен-фиорда, по дну которого от озера Стеммеван проложен трубопровод - источник водоснабжения Баренцбурга.

С прилётом самолета в поселке появились новички. Большая часть из них шахтёры, которым на площади у столовой была устроена торжественная встреча. Кроме нас, геологов из Москвы, прилетели артисты, гляциологи и кинооператоры Сердюк и Головня, кинодокументалисты, побывавшие более чем в 60 странах мира. На Шпицберген они попали впервые для съемки документального ролика по сценарию известного и давно работающего на острове гляциолога Е.М.Зингера.

За недельное пребывание в Баренцбурге мы быстро освоились с местной жизнью и приспособились к спуско-подъёмам по лестнице от нашей базы до столовой и клуба. Для себя я воспринял их в качестве предварительной тренировки перед горными маршрутами.

Но первый участок нашей работы оказался, как ни парадоксально, не горным. В середине июля вертолёт высадил наш маленький отряд на тундре Эрдмана, небольшом плоском участке суши, приютившемся у подножья гор Земли Оскара на северном берегу Ис-фиорда. Полевая жизнь началась с обычного - с разбивки лагеря. Правда, мне впервые пришлось ставить не палатку, а КАПШ (каркасная арктическая палатка Шапошникова), но трое моих коллег быстро приобщили к этому, в общем, нехитрому делу. Выросший за час дом обжили с того момента, как затопили печку и запахло готовым обедом.

Лагерное место выбрали удачно, на высокой морской террасе, с которой открывался вид на большую часть Ис-фиорда. Особенно оценили мы это, когда установилась теплая (6-7 градусов) солнечная погода. За синеющей полосой фиорда открывалась панорама гор и ледников. В ясную погоду можно было простым глазом разглядеть большинство поселков острова - норвежский аэродром Лонгиербюен, рудник Грумант, Колсбей и вертолетную станцию Баренцбурга. Сам же Ис-фиорд, несомненно, оправдывал название торной дороги. Не было дня, чтобы мы не видели силуэтов проплывающих кораблей - грузовых, исследовательских, пассажирских. Особенно красивы были последние, с белоснежными, желтыми, красными палубами и надстройками, заплывающие сюда для показа туристам экзотических островов Снежной Королевы.

Геологические будни проходили в ежедневных маршрутах. Моим спутником оказался симпатичный и веселый выпускник Арктического училища Сережа. Когда мы, усталые, возвращались в лагерь, здесь нас с нетерпением ждала заботливая хозяйка отряда - Мария Ефимовна, чтобы ублажить опустевшие за маршруты желудки. Вечерами любовались фиордом и его окрестностями, слушали тишину и Сережино пение под гитару.

Ис-фиорд радовал не одними пейзажами. Это не только наиболее обжитое, но и теплое место Шпицбергена, населенное многочисленной, особенно водоплавающей живностью. В первый же вечер на морскую отмель у лагеря приземлились два белоголовых красавца гуся с черными шеями и серо-черными крыльями. Они были очень похожи на горных гусей, жителей центральноазиатских плоскогорий. Как они сюда попали? Конечно, в орнитологии мы не более, чем дилетанты и могли ошибиться.

Рядом с КАПШей обнаружили сидящую на гнезде куличиху. Её оперенье настолько сливалось с тундрой, что заметить птичку можно было лишь с 2-3 метров. Рядом с ней воткнули колышек, чтобы случайно не наступить на гнездо. Такую же вешку пришлось ставить с другой стороны палатки у гнезда гаги, крупной утки со скромным серым пером. А сколько мы встречали мамаш-птах в маршрутах и каждый раз преклонялись перед их самоотверженностью. Отвлекая опасность, они убегали от гнезда, чуть расправив крылья, припадая к земле и останавливаясь, предлагая себя в жертву. Как тут не проникнуться уважением к силе и благородству материнского инстинкта. Гаг-селезней мы видели больше всего на воде «в мужской» компании, так как после выбора гнездовья они считали свой долг перед семьей выполненным. Селезни выделяются своим красивым оперением - черными крыльями, черной «шапочкой» на голове, белыми спинками и грудью. Как знать, может быть, из-за этого оперенья инстинкт и заставляет их держаться вдали от гнезд, чтобы не демаскировать их. Не подумайте только, что я пытаюсь оправдать мужской эгоизм!

На изрезанных каменисто-обрывистых берегах тундры Эрдмана в расщелинах скал гнездятся другие, более мелкие утки - краснолапки (чирки). Птица очень изящная, чем-то напоминающая голубя, но с более длинной шеей и уплощенной головой. Она почти вся черная, за исключением белых перьев в средней части крыла. Лапки и зев у нее красные.

Воды Ис-фиорда густо заселены водорослями, особенно морской капустой, которая в отлив покрывает все отмели, распространяя резкий запах йода. И уж, конечно, велико здесь семейство чаек. Самые крупные и красивые - бургомистры (альбатросы) с белоснежной головой и грудью, белыми и светло-серыми крыльями размахом более двух метров. Много куцехвостых серых глупышей. Есть и чайки: разбойники-поморники. Они преследуют своих более мелких собратьев до тех

пор, пока они не отрыгнут проглоченную пищу. Наиболее же интересны маленькие чайки-крачки с острыми, как у ласточек, загнутыми назад крылышками и разветвленным хвостом. Они виртуозно летают. Приноравливаясь к потокам воздуха, взмывают вверх и зависают наподобие вертолетов, быстро-быстро размахивая крыльями и распушив хвосты-тормоза. Потом молниеносно и почти отвесно пикируют вниз к воде, выхватывая замеченную сверху добычу. Кричат они очень неприятно, резко и часто.

В одном из маршрутов на нас пахнуло историей. На склоне берега заметили покосившийся кол. Оказалось, что это была растрескавшаяся и посеревшая от времени деревянная вежа с вырезанными латинскими буквами: V.RUSANOV. 1912. Итак, это был один из 28 заявочных столбов над выходами углей, который известный исследователь оставил на Шпицбергене за год до своей трагической гибели.

Возвращаясь к фауне острова, нельзя не упомянуть о четвероногих животных, обитающих преимущественно по ту сторону Ис-фиорда. Это северные олени, часто появляющиеся и в окрестностях Баренцбурга. Позже мы не раз встречались с ними, и олени подпускали нас метров на пятьдесят. Здесь они непуганые, так как практически лишены своих вечных врагов. Волков на острове нет, а от посягательств людей их надежно защищает закон об охране природы.

Наиболее же любопытными животными Шпицбергена до недавнего времени были ровесники мамонтов овце-быки, завезенные сюда из Гренландии. Стадо овце-быков, насчитывавшее несколько десятков голов, облюбовало для себя окрестности Колсбея. По описаниям, быки невысокие (чуть выше пояса человека), с длинной, почти закрывающей короткие ноги шерстью и тупо срезанной головой, увенчанной изогнутыми рогами. Их мощные копыта помогали и зимой добывать корм из-под снега, а рога - обороняться от врагов. Утверждают, что овце-быков сторонились даже белые медведи. Несмотря на большой вес (до 500 кг), они отличались завидной подвижностью и быстрой реакцией. В этом убеждались не в меру навязчивые любопытные, ломавшие даже конечности при бегстве от них по обрывистым склонам.

Один из очевидцев поделился впечатлениями от встреч с овце-быками. Пытаясь однажды сфотографировать овце-быка, вызвал его недовольство. Пришлось спасаться бегством вокруг стоящего поблизости помойного контейнера, куда фотограф в конце концов был вынужден забраться. В другой раз он убедился в силе удара овце-быка, наблюдая, как тот штурмовал со всего разбега бетонную стену пустого дома в Колебее. Только после 4-5 ударов бык прекратил свои атаки. Так что портить настроение быку было делом опасным, в целом же это животное мирное, но не терпевшее фамильярности.

К сожалению, об овце-быках, былой достопримечательности Шпицбергена, приходится говорить в прошедшем времени. В гололёды последних нескольких лет они почти все погибли, а оставшихся увезли опять в Гренландию. Мне же удалось увидеть лишь чучело овце-быка в самом северном музее мира, созданном на общественных началах.

На тундре Эрдмана погода нас баловала. И солнцем, и частыми штилями, когда почти объемную тишину нарушали лишь крики чаек да далекий стук мотора. Были вечера, когда горы и облака, подобно перевернутым двойникам, отражались в зеркальной воде Ис-фиорда, переходящей у горизонта в голубое небо. Но даже самая лучшая фотография из тех, что мы нащелкали пятью фотоаппаратами, и словесные описания не могут воспроизвести красоты чудесницы-природы.

Закончив работу на побережье Ис-фиорда, мы вернулись в Баренцбург. После небольшого перерыва, уже в августе, вертолеты перебросили отряд на восточное побережье Шпицбергена, Агард-бухту. Новый лагерь расположился на берегу широкого Стур-фиорда у мыса Дююфферин. От открытого моря отделял только едва видимый вдали остров Эдж. Наше семейство пополнилось курсантом мореходки Володей и шкипером - капитаном лодки «Прогресс» Вадимом Гордеевичем, много лет работающим в этих краях. В КАПШе стало тесновато, но жили мы дружной семьей, по принципу «в тесноте, да не в обиде».

Первый же день принес неожиданность. Вадим Гордеевич, подготавливающий лодку к плаванию, случайно подняв голову, увидел метра в шестидесяти белого медведя, о чем спокойно и поведал, вернувшись в палатку. Сказано это было так буднично, что мы сначала не поверили. Но выйдя из палатки, увидели, что мишка, поднявшись на задние лапы, обследует лодку. Вооружившись фотоаппаратами и карабином, пошли к незваному гостю. При нашем приближении мишка двинулся по косе и прыгнул на льдину. Потом его желто-белая спина мелькнула у обрыва, с которого он и нырнул в воду. Вечером мишка показался с другой стороны лагеря, удалился к морю и больше не появлялся. Так единственная за этот сезон встреча с белым медведем, оказавшимся вполне корректным, окончилась наилучшим образом. Место лагерной стоянки было сурово красивым — камень, горы и море. Побережье представляло собой чередование бухточек и вдающихся в фиорд каменных мысов, на которые обрушивались каменные волны. На пляжах и отмелях вместе с плавником лежали остатки костей китов. Особенно много было позвонков, каждый не менее метра в диаметре. Попадались и ребра длиной до пяти метров. Эти останки напоминали о черных днях в истории Шпицбергена, о так называемой китовой войне, начавшейся в 17 веке. Хищническая добыча китов привела к тому, что через двести с лишним лет они почти исчезли в этих морях, оставив на берегах белеющие кости.

Метрах в двухстах от моря начинались предгорья, переходящие в крутые каменистые склоны, заканчивающиеся гребнями 500-600-метровых вершин. Наконец мы попали в царство гор и ледников, знакомство с которым и в первом же маршруте оказалось нелегким. Тем не менее пот, пролитый при восхождении на гору, компенсировался необыкновенным чувством, которое испытывает покоривший вершину, пусть и не очень высокую.

Погода часто портилась, шли дожди, на море штормило. Ненастье приходилось переживать в лагере по 2-3 дня, особенно, когда маршруты были связаны с лодочными переходами. И все-таки в одном походе море сыграло с нами злую шутку. Случилось это на самом дальнем участке у скалистых гор Остборнфьеллет. Тридцатикилометровый путь туда прошел благополучно, хотя свежий ветер сильно кидал наше суденышко. В маршруте поднялись на высоту 625 метров, под которой широким языком распластался ледник Рихардбреен, обрывающийся крутым уступом в море. Когда вернулись к лодке, море бушевало, с грохотом обрушивая двухметровые волны на берег. Попытка проскочить накат окончилась неудачно. Лодку развернуло, залило водой и мы, мокрые с головы до ног, едва вытащили ее на берег. Пришлось ждать погоды. Развели костер, кое-как высушились и так и прокоротали всю ночь у огня. Под утро стало тише и наш капитан Вадим Гордеевич успешно возглавил операцию по преодолению наката. Вдали от берега море было спокойнее, и через час мы вернулись в лагерь.

Переброска на последний участок работы - в бухту Квалвоген намечалась на конец августа. Вертолеты прилетели в ненастную погоду. Быстро загрузились,

поднялись в воздух. До самой бухты летели в тумане низко над морем. Квалвоген встретил сильным ветром, дождем и низкой облачностью, закрывавшей и море, и горы. На этот раз с установкой КАПШа пришлось повозиться. Часа через два палатка надежно укрыла нас от непогоды. Два дня буйствовал ветер с сильными зарядами дождя, нельзя было даже осмотреться на новом месте. Когда прояснилось, бухта покорила своей неповторимостью. Палатки стояли на плите песчаников, обрывающейся крутым уступом в рокошующее море. Севернее плиту ограничивали горы Зингера с острыми гребнями, а западнее белел огромный ледник Стронгбреен, за которым до горизонта синели дальние горные цепи. Открытое Баренцево море еще несколько дней накатывало высокие валы на береговой уступ.

В первых маршрутах нас почти все время преследовал туман. Когда туман был низким, а горы высокими, удавалось освободиться из его плена. Однажды мы брели в густой влаге, которая каплями оседала на бороде. По ходу различался только узкий кусочек гребня. С высотой постепенно становилось светлее, и на отметке 500 метров мы вырвались на безоблачный простор. Картина была фантастическая. Внизу под нами, как ватное покрывало, белела облачность, а над ней торчали отдельные пики вершин, освещенные ярким солнцем. На горе было тепло и безветренно.

С 7 сентября началось «бабье лето», установилась солнечная тихая погода, и мы успешно завершили маршрутные работы. Вечерами всех восхищали золотисто-розовые закаты с постепенно голубеющим и гаснущим небом. Мы не были новичками на Севере, но как хорошо, что не разучились удивляться его покоряющей красоте.

Ночью стало подмораживать и темнеть. Засверкали первые звезды. В один из вечеров низко над безоблачным морем показался ярко-оранжевый краешек луны. Она быстро увеличивалась и превратилась в огромный чуть сплюснутый шар, на поверхности которого четко различался лунный рельеф. Вероятно, примерно так видится и наша Земля из космоса. 16 сентября, оповещенные заранее по радио, пронаблюдали почти полностью лунное затмение.

Работа наша закончилась, подошла пора возвращаться. В течение трёх дней над лагерем проследовали к югу стаи гусей, улетающих от снега. А через день северный ветер принес в Квалвоген снежный заряд, который в этом году и так уже запоздал. Изменилась бухта и особенно горы, которые уже до весны не сменяют белого наряда.

Приближался наш отъезд. Как всегда, было жалко расставаться с обжитым лагерем, с пройденными маршрутами и особенно с людьми, с которыми сдружился за три шпицбергенских месяца. Срок невелик, но экспедиционные дни не поддаются арифметическому счету. На этих горах и берегах прошел кусочек нелегкой полевой жизни, им мы отдали долю своих сердец и памяти...

А вот и зарокотали из-за мыса двигатели вертолетов. Прощай, а лучше, до свидания, земля Снежной Королевы.

Это был далёкий 1978 год, после которого я не прощался со Шпицбергенем в течение 12 лет. За это время только юг острова, Северо-Восточная Земля и острова Эдж, а также Баренца остались вне пределов моей досягаемости.

На глазах хорошели Баренцбург и Пирамида, старушку «Зарю» сменил новый корабль с тем же названием, геологи шпицбергенской партии, наравне с метеорологами и гляциологами, получили в свое владение современную комфортабельную базу.

Несколько моих командировок затянулись до 6-7 месяцев, встречал я и Новый Год на острове, познав полностью тяготы и экзотику полярной ночи. Менялись люди, изменялись поселки, остров гор и ледников оставался таким же, как и миллион лет назад.

Наступил 1990 год, год моего последнего посещения Шпицбергена. И в этот последний полевой сезон работа привела меня вновь на восточное побережье, в Агард-бухту, с которой началось мое пребывание на острове много лет назад. Сезон оказался коротким, но насыщенным впечатлениями. Во-первых, тихая прежде Агард-бухта стала теперь местом паломничества туристов, преимущественно французов, с которыми у нас сложились самые дружеские отношения. А во-вторых, бухту облюбовали медведи и встречи с ними доставили немало хлопот. На второй же день после нашего прибытия мишка, забравшись в продуктовую палатку, сожрал всё наше масло. Пол-ящика масла ему не показалось много, мы же придерживались иного мнения. Пришлось одному из нас (а чаще всего это был я) оставаться в лагере и дежурить, так как медведь с неделю далее полукилометра от нас не удалялся. И всё же он еще раз совершил разбойничий рейд уже в жилую палатку, сократив наш продуктовый запас до минимума.

Учитывая столь сложное положение, норвежская администрация разрешила нам разместиться в домике, что почти на все время обеспечило безопасность, а главное -возможность работать всем составом.

А в конце августа, за день до возвращения в Баренцбург, медведь атаковал домик. Рано утром мы проснулись от ударов, сотрясающих дверь. Ждать, пока мишка её выломает, смысла не имело. Поэтому мы выстрелили в верхнюю часть двери, надеясь остановить атакующего. Но напрасно. Тогда последовал выстрел в нижнюю часть двери. Медведя мы ранили, но не добились. О происшествии тут же сообщили по радиации. На следующий день прилетел вертолёт и забрал нас в Баренцбург, а медведя пристрелили норвежцы.

Через два дня мы были уже в Лонгьербюене. А я, садясь в самолёт, теперь уже окончательно промолвил: «Прощай, земля Снежной Королевы. Не видать мне больше твоих чертогов, но в памяти, пока жив, ты останешься навечно!»

Подводя итоги вышесказанному, память моя возвращается к концу пятидесятых годов на Мойку 120, в наш любимый геологический дом. Тогда весь состав (несколько сот человек) Института геологии Арктики размещался под крышей этого дома. То было время, когда в институт влилась большая когорта молодых специалистов, которые вместе с ветеранами стали истинными энтузиастами в познании заполярных недр.

Мы, молодые, только знакомились с геологами-полярниками, часто бывшими фронтовиками, обосновавшимися здесь со времени основания института в 1948 году или работавшими в Арктике еще до войны в системе Главсевморпути.

...Худощавый, небольшого роста, классик стратиграфии кайнозойских отложений, В.Н. Сакс ходил по институту в темном «главсевморском» кителе. Из вестибюля часто раздавался громкий голос и заразительный смех крепыша, бывшего фронтовика С.Л. Троицкого.

На втором этаже бывший пехотинец, зоркоглазый и остроязычный О.В. Суздальский что-то обсуждал, весьма критически.

На втором этаже лабораторного корпуса с кем-то негромко беседовал, слегка картавя, интересный мужчина в очках, будущий Генеральный директор НИИГА - Севморгеологии Игорь Сергеевич Грамберг. В библиотеке с дамами любезничал женский угодник и вечный холостяк Я.И.Полькин...

А как выглядел Ученый совет института, заседавший в 16 комнате: И.П.Атласов, Ф.Г.Марков, А.И.Гусев, В.Н.Сакс, Г.Л.Вазбуцкий, К.К.Демокидов, В.М.Лазуркин, М.Ф.Лобанов, С.И.Иванов, Н.А.Шведов, М.Н.Рабкин...

Возглавляли Совет корифеев директор института, душа - человек Борис Васильевич Ткаченко и железный умница Михаил Григорьевич Равич. Светлая память этим многосторонним, замечательным людям и геологам.

По праздникам эта же 16^я комната не могла вместить всех желающих, особенно, когда выступал дуэт певцов-куплетистов Ю.Н. Кулаков и В.Н. Захаров. Да, было время...

Сейчас в здании на Мойке 120 пустота и тишина. Редко промелькнет кто-то совершенно незнакомый. Только в фондах царствует «осколок прошлого», бывший фронтовик и почти бессменный профсоюзный вожак советских времен Вадим Александрович Преображенский. Да в 16^й комнате, преобразованной ныне в музей, хлопочет энтузиастка и ветеран института Антонина Ивановна Архипова.

Остается поблагодарить судьбу за то, что она соблаговолила связать мою жизнь с самой интересной областью человеческих знаний - геологией и географией с пропиской в Институте Геологии Арктики. А главное, свести с такими интересными и прекрасными людьми, которые могут быть только в экспедициях, особенно заполярных.

Бондарев В.И.

На Новой Земле

Во время работы в НИИГА - ВНИИОкеангеология основным районом моей деятельности была Новая Земля. Из тридцати полевых сезонов в Арктике более двадцати были проведены на Новой Земле, Вайгаче и Пай-Хое. Мне пришлось участвовать в проведении геологической съемки масштаба 1: 1 000 000 и 1: 200 000, увязочных работах и подготовке к изданию листов государственных геологических карт масштаба 1: 200 000, специализированных работах по стратиграфии этого района, а также в проекте по изучению узловых районов на Новой Земле, проводимых отделом стратиграфии и Ревизионной партией Полярной экспедиции в 1973-1979 годах.

В общей сложности период полевых работ на Новой Земле, Вайгаче и Пай-Хое занял более 40 лет - с 1953 по 1989 год. Сорок с лишним лет - вообще-то исторически значимый отрезок времени. На Новой Земле за это время произошла смена всей структуры: от промыслово - охотничьей к милитаристски ориентированной. На моих глазах произошла ликвидация прежнего уклада жизни и возникновение нового. Я еще был знаком со многими местными жителями, промышлявшими на юге Новой Земли. Я знал и легендарного Тыко Вылко, участвовавшего в экспедициях В.А.Русанова в начале XX-го века. Еще в студенческие годы я работал коллектором у А.А.Петренко, который в 30-е годы был руководителем Новоземельских работ в АНИИ, но тогда я еще не знал

этого, не знал и того, что моя жизнь будет связана с Новой Землей. На моих глазах формировались коллективы новоземельских геологов 50-х и 70-х годов. В этот период на Новой Земле менялось все, но, несмотря на хорошее освещение в прессе геологических работ 30-х и последних лет, осталось мало что известно о том, как практически проводились работы, какие возникали экстраординарные ситуации. А они были, как бывали и потом в моей практике. Многое известно мне и по рассказам. Так, на Б.И.Тест, работавшую в 1934 году на юге Новой Земли, напал медведь. Она отделалась порванными брюками, а в виде компенсации ее именем был назван мыс в губе Рейнеке*. Или другое - в 50-х годах, по рассказам самой Ю.С.Бушканец, она с группой геологов работала на лодке в районе губы Глазова - заливе Норденшельда и попала под волну от упавшего в воду айсберга; лодка утонула и метров 50-100 все они в одежде плыли к берегу. Как они выжили там - не знаю. Слышал я и о том, что в начале 50-х годов на катере в экспедиции, которой руководил К.К.Демокидов, ночью случился пожар и, когда главный механик экспедиции по фамилии Черепов разбудил К.К.Демокидова, тот ему ответил, что это у тебя пожар, ты его и туши, а сам повернулся на другой бок. Спал или не спал - неизвестно, но эту байку рассказывали. Это все живая история, оставшаяся только в нашей памяти.

А вот несколько моментов из моей личной практики. Они не отражены в отчетах, но они были. Впервые на Новую Землю я попал в 1953 году, после окончания Ленинградского Горного института. Целая группа выпускников ГСПС-48 была распределена в НИИГА. В составе этой группы, помимо меня, были Ю.Е.Погребицкий, В.И.Ушаков, В.А.Милашев, Д.А.Вольнов, В.А.Виноградов, Ю.П.Ершов. На выборе места работы, естественно, сказались романтика Арктики, широкие просторы и, конечно, личные перспективы. Буквально через пару недель после окончания института я в составе Новоземельской экспедиции отправился на Новую Землю и был включен в северную партию, проводившую геологическую съемку на мысе Желания. Руководил партией А.Н.Наумов, работавший до 1953 года на Сибирской платформе. В геологический состав партии входил и В.А.Шершнева - человек с военным прошлым и определенной геологической практикой. В составе отряда были также радист, два рабочих и моторист. В качестве транспорта у нас была шлюпка Ял-6 с двенадцатисильным мотором. Опыта работы в регионе ни у кого из нас, кроме В.А.Шершнева, не было, тем более работы на море с морским транспортом. База экспедиции в 1953 году находилась на фактории Крестовая губа, а добирались мы из Архангельска на пароходе «Прончищев». Это был грузовой пароход, на котором твиндек (один из трюмов) был оборудован для перевозки пассажиров в пределах Арктики. Никаких особых впечатлений этот переезд у меня не оставил, как и сама база в Крестовой губе, где у экспедиции был поставлен барак, в котором мы разместились, и дом, в котором находились административные службы. После некоторой акклиматизации на базе, получения снаряжения и продуктов, мы на ледокольном пароходе «Г.Седов» пошли на север вдоль Новой Земли милях в 5 - 10 от берега. Тогда я увидел почти весь западный берег Северного острова Новой Земли со стороны. Погода, мне помнится, была ясной, видимость прекрасная и я проторчал на палубе почти все время, пока мы шли к мысу Желания. Это было впечатляющее зрелище - горы, ледники, море. Жаль, что тогда я имел еще слабое представление о географии Новой Земли и не мог привязать свои впечатления к конкретным губам, заливам - все это было уже потом. На мыс Желания мы пришли к ночи, правда, какая там ночь в июле на широте 77 градусов. Но выгружаться мы не стали и заночевали на пароходе. Мы пытались спать в трюме, где были навалены матрасы, ими мы и покрывались - и

* Об этом рассказ Л. Куклина в данном сборнике

было очень холодно. Сгрузились на берег мы в туман и в морозящий дождичек и устроились в аэропорту - на мысе Желания тогда была аэровзлетная полоса и необходимое оборудование для приема самолетов в зимний период. Был там и склад, подготовленный для экспедиции И.Д.Папанина, где оставался рис, была печка и какое-то место для жилья. Там мы и обосновались и стали готовиться к походу на юг по западному побережью и ждать погоду. Попутно мы подготовили и лодку - закрыли переднюю часть фанерой, сделали что-то вроде рубки, а, чтобы якорь удобнее лежал на носу, там мы не стали закрывать лодку. Вышли на встречный ветер и хоть волна была небольшой, но для нашей перегруженной шлюпки ее вполне хватало. Повернуть назад под прикрытие мыса Желания А.Н.Наумов опасался (вдруг перевернет), и мы шли к мысу Серебрянникова, что в 8 км западнее от мыса Желания и где можно было укрыться от этого ветра и волны. Тогда мы чуть не утонули - вода поступала через открытый нос шлюпки, где удобно лежал якорь, и набрав порядочно воды мы подошли к мысу Серебрянникова и остановились для реконструкции надстройки нашей шлюпки, необходимость которой была очевидна. Мы закрыли нос шлюпки, но потеряли нашего моториста. Он сказал, что он уже пожилой человек, у него жена и дети и оставлять их без мужа и отца он не желает. А.Н.Наумов отпустил его на мыс Желания, где он и находился до конца сезона. Ну, а мы, - оставшиеся шесть человек, пошли дальше - работа должна быть сделана. Погода, в общем, была приемлемая, и мы без происшествий дошли по западному берегу до залива Мелкий, где за ледником Петерсена планировали поставить лагерь. Дошли, поставили лагерь на морене, слегка вытянули шлюпку на берег и стали совершать маршруты в промежутке от ледника до ледника. Потом возникла необходимость переходить на другой пятачок за ледник Бунге. Опять после шторма, когда утихла погода, пошли на юг за ледник Бунге, где вошли в устье реки, текущей от ледника, поставили временный лагерь и провели работу. Там мы нашли силурийские граптолиты и должны были двигаться на юг, к заливу Иностранцева, к крайней точке съемочного планшета. Но берег в том районе ровный, без каких-либо бухт и укрытий и, как мы уже поняли, пристать на нашей шлюпке к нему крайне сложно. Учитывая то, что какая-то информация от предшественников о геологии этого района была, мы решили не ходить на юг, а вернуться в свой лагерь у ледника Петерсена. Когда ветер стих, хотя волнение еще оставалось, мы решили вернуться на постоянный лагерь. Но здесь опять возникли проблемы - остановился двигатель. Как я сейчас понимаю, замусорился бензопровод. Нашу шлюпку стало сносить к берегу (хорошо, что не от берега). Но подойти к берегу мы не смогли - у берега был мелкий битый лед, в который попала наша шлюпка. Она была раздавлена льдинами и затонула, не доходя до берега. Нам удалось выбраться на берег, вытащить кое-какое имущество, но шлюпка была разбита окончательно. При высадке ударом льдины повредило ногу радисту, но до лагеря, который был на этом пятачке, мы добрались. Передохнули несколько дней, пока радист не пришел в порядок, и через активный язык ледника Петерсена пошли на мыс Желания. Естественно, часть имущества мы оставили, взяли только образцы, продукты, палатку и спальные мешки и в резиновых сапогах - на ледник. Ледник Петерсена на выходе из гор не очень широкий, но сильно трещиноватый. Эти два километра поперек языка ледника мы шли часов семь, шли в связке, ни разу никто не сорвался, и к вечеру мы перешли на северную морену ледника - а дальше до мыса Желания по прямой километров 50 - 70. Дня за два мы дошли до мыса Желания, где нас ждали сбежавший моторист и В.Д.Шершнев со своим рабочим, выполнявшие маршруты в районе мыса Желания. База экспедиции была проинформирована о потере шлюпки и нам организовали переброску на зверобойном судне на юго-восток, к краю нашего планшета. Здесь мы должны были совершить три кольцевых маршрута до ледника

тремя парами. И опять В.Д.Шершневу совершал самый северный маршрут с выходом на мыс Желания, я совершал южный маршрут, южнее мыса Спорый Наволок. А Анатолий Николаевич Наумов шел кольцевым маршрутом между мной и Шершневым с выходом в точку встречи со мной где-то на побережье южнее мыса Спорый Наволок. В маршрут мы шли в максимально облегченном варианте - палатка, один собачий спальник, мешок, необходимые продукты и собранные образцы. Дня за три -четыре мы прошли маршрут от берега до ледникового щита, собрали более или менее приличные образцы, провели наблюдения, и все это на глазомерной основе, без контактной печати аэросъемки и снова вышли на берег. Вышли мы на берег очень удачно - прямо на выброшенную в войну бочку спирта. Что за спирт - вопрос. К этому времени пришел А.Н.Наумов и с ним еще два человека. Поставили мы лагерь у бочки, связались с базой экспедиции и стали ждать какого-нибудь транспорта, чтобы выехать на мыс Желания. А бочка спирта стоит тут же у палатки и покоя никому не дает. Мне Анатолий Николаевич Наумов говорит: «Ты только что кончил Горный институт и должен знать, как отличить метиловый спирт от этилового». Но не учили нас этому в Горном институте, не учили. Так прошли сутки, и тут нам один из двух рабочих, бывших с нами, говорит: «А что вы все спорите - хороший спирт, я вчера вечером выпил немного и все в порядке». Но Анатолий Николаевич Наумов человек был осторожный, говорит: «Выпьем на этом холоде чайничек пунша, а там посмотрим». А я был человеком непьющим и от этого пуншика воздержался. Ночью рабочий, что ходил в маршрут со мной и ночевал со мной в одной палатке, стал жаловаться на здоровье. Плохо чувствовал себя и второй рабочий, который пробовал спирт раньше. Как единственный здоровый, я вынужден был выполнять функции врача. Я заставил почти всех выпить по литру теплой мыльной воды с тем, чтобы их вытошнило. Но один рабочий, который пил спирт раньше, отказался. У нас в запасе была сгущенка и после процедуры я поил всех молоком. К утру очень плохо стало первому рабочему. Днем плохо почувствовали себя и все остальные. Хорошо, что в тот вечер радисту удалось передать на базу сообщение о ситуации, сложившейся у нас. Ночью умер первый рабочий. Я несколько часов делал ему искусственное дыхание, а остальные пили молоко, смотрели на всю ту суету, что я развел с умирающим, и ждали помощи. На следующий день подошла зверобойная шхуна, которая доставила нас на мыс Желания, где была посадочная площадка, принимавшая самолеты ЛИ-2. На следующий день из Диксона пришел санрейс и всех больных и труп рабочего вывезли в Диксон, а там была больница, врачи. Дня через два, как я потом выяснил, все больные поправились и были вывезены в Ленинград. Ну, а мы, не принимавшие участие в опробовании этого спирта, остались доводить работу до конца. А.Н.Наумов передал мне 1500 рублей, пикетажки, карты и руководящее указание - действовать. Опять с помощью базы экспедиции, на зверобойном судне, нас - две маршрутные пары - забросили на юг, к мысу Константин, и мы двумя параллельными маршрутами пошли по снежку к мысу Желания. Дошли, собрали кое-какие образцы, описали маршруты и получили на мысе Желания указание базы - готовиться к вывозу на Большую землю. В тот год Новоземельскую экспедицию должен был вывозить большой пароход с островов Пахтусова (партия Б.С.Романовича) и из бухты Крестовой всю экспедицию. Мы подготовились, упаковали имущество, сдали на полярную станцию лишние продукты, Находимся на связи через полярную станцию и ждем. Днями на острова Пахтусова зашел пароход, снял партию Б.С.Романовича и ушел через Маточкин Шар в Крестовую за остальной экспедицией. А мы были не по дороге, и пароход с экспедицией и начальством ушел в Архангельск, а нас поручили заботам Штаба перевозок Главсевморпути в Диксоне. Главсевморпуть - организация большая, а наш отряд - маленький, и нас, наверное, с месяц не вывозили. Только руководство экспедиции слало нам радиogramмы с обещаниями, а потом и они

стали приходить все реже и реже. А мы подготовились уже к отъезду и сдали продукты на полярную станцию. Работаем на прокорм в аэропорту и на полярной станции - пилим дрова, топим баню для полярников и ждем. Наконец, начальнику аэропорта стало нас жалко, посадил он ледовый разведчик, написал я гарантийное письмо об оплате и нас вывезли на Диксон. А на Диксоне мы опять ждем самолета. Хорошо, что начальник аэропорта на мысе Желания выписал нам билет до Архангельска и проблемы на Диксоне сводились к тому, где жить и как питаться (денег у нас практически не было). Спасло нас то, что НИИГА в 1953 году еще входил в состав Главсевморпути. Нас поселили в недостроенную больницу, где ранее располагались наши товарищи, вывезенные из района после отравления, а на питание нам в аэропорту дали талоны опять же под мою гарантию оплаты. Через неделю мы вылетели в Архангельск. Прилетели к вечеру в аэропорт на Кегостров. Разгрузились, и я в аэропорту иду к начальству и начинаю опять свое... я такой-то, мне нужно в Ленинград, и я гарантирую..., а меня оттуда прямо-таки послали и пояснили, что Полярная авиация в Архангельске кончается, в Ленинград летает ГВФ, нужно платить живые деньги и покупать настоящие билеты. А в Архангельске в 1953 году - террор, как в «Холодном лете 53-го» - пришли пароходы из Норильска, и на большую землю вывезли заключенных. А кто мы такие - поди догадайся, документов у нас нет, правда, есть винтовка (французский Lebel) и тюки и ящики с барахлом. Что в них там - интересно и амнистированным и милиции. Но обошлось! На следующий день отвезли мы барахло на железнодорожную станцию, сдали его в багаж. Чтобы оплатить провоз груза и свой переезд в Ленинград, Витя Шершнева на базаре в Архангельске продал посуду, примусы и полмешка папанинского риса, прихваченного нами на мысе Желания. Денег хватило как раз, чтобы оплатить билеты, багаж и пообедать в столовой. Вечером сели на поезд и через полтора суток голодными и с деньгами только на трамвай прибыли в Ленинград. Ну в общем, нормальная полярная экспедиция. Удивило меня только то, что когда мы вышли на работу, в комнату зашел тогдашний директор НИИГА, Б.В.Ткаченко и спрашивает, что слышно от Бондарева с мыса Желания. Так вот же он - ответили ему. Б.В.Ткаченко удовлетворенно хмыкнул и ушел. Мне это показалось странным - ходит директор и интересуется каким-то начальником отряда и его группой. Но нужно отметить, что никакой информации в институт я не давал, денег на проезд не просил. Трудности мы преодолевали сами, по мере их возникновения. Потом зам.директора НИИГА В.И.Захаров меня учил, как надо было действовать - барахло нужно было бросить на мысе Желания и рваные палатки, спальные мешки, посуду и прочее не тащить на самолете через пол-Арктики. Но разве мы могли бросить «социалистическое имущество»? Не то воспитание! Потом начались разборки в связи с гибелью человека, всякие объяснения, особенно того факта, почему я не пил тот злополучный спирт - все пили, а я не пил и в конце концов мне дали премию - рублей 150 (так получалось по бухгалтерским выкладкам), а все остальное в расчет не принималось. Но определенный имидж в институте я уже заимел и на следующий год был назначен начальником геолого-съемочной партии на юге Новой Земли.

1954 год был уже не только годом арктических приключений на Новой Земле, но и годом настоящей съемки. Правда, организационных проблем и там было предостаточно. В 1954 году началось мое сотрудничество со Светланой Всеволодовной Черкесовой, которое существенно повлияло на результаты работ в этот год и в последующие. Светлана Всеволодовна к 1954 году была уже прекрасно подготовленным стратиграфом - палеонтологом. Она могла определять возраст палеозойских пород непосредственно в полевых условиях, и эту ее особенность в тот год мы и использовали - она сделала разрез палеозойских толщ в проливе Карские Ворота - один из лучших разрезов палеозоя на Новой Земле. Всю остальную работу по

съемке сделали я и В.Козырев. И в 1954 году у нас с транспортом постоянно существовали проблемы. Нас очень поздно забросили в район работ - в начале августа. Затем, после рекогносцировки по разрезу Карских Ворот, начался северо-восточный шторм, который полностью исключил возможность использования шлюпки за мысом Меньшикова. В середине августа мы решили съемку, кроме опорного разреза, проводить без транспорта, пешком. Так была отснята практически вся территория, но это дорого нам стоило - в конце сезона маршруты мы проходили с трудом. Тем не менее, съемка была сделана, высоко оценена приемочной комиссией, и в конце сезона мы еще помогали доснимать соседний район.

Следующий сезон 1955 года проходил в районе губы Митюшихи. В тот год экспедиция снимала территорию от губы Крестовой на севере почти до Маточкина шара на юге. Наш планшет располагался на юге. В составе съемочной партии были С.В.Черкесова и О.П.Дундо. Этот сезон, помимо очень сложной геологии района, был примечателен тем, что мы (экспедиция) сильно задержались в Архангельске и чтобы быстрее попасть в район работ, согласились идти на Новую Землю в трюме сухогруза, где, кроме нас, были уголь, катера и емкости с дизельным топливом. В горле Белого моря и дальше мы попали в шторм. Лежим мы на угле, закрытые брезентом, вдыхаем трюмный воздух с запахом солянки и еще сверху капает на нас конденсат - до сих пор страшно вспомнить. А трюмы, чтобы не заливало забортной водой, задраены. И так двое суток. Но выжили. Сезон 1955 года памятен еще и тем, что где-то в конце августа я сорвался с обрыва, отбил пятки и мог передвигаться только на носках. Выезжать из района работ я не стал, но в маршруты ходил как балерина - на пуантах. Осенью, когда экспедиция уже вся была вывезена на базу в поселок Шумилиху в Маточкином шаре, мне пришлось участвовать в операции по спасению экспедиционного катера и двух человек, находившихся на нем. Началась новоземельская бора, и ночью катер сорвало с якорей и унесло в пролив. На катере были Н.И.Шаргаев и радист. Мотор был в ремонте. Начальник экспедиции Л.П.Смирнов организовал спасательную экспедицию на открытой шлюпке со слабым мотором. На это дело пошел сам Смирнов. Он прихватил меня (как «опытного» морехода), а я для команды взял Дундо, который работал со мной. По ветру на шлюпке мы быстро догнали катер, увидели, что люди находятся на борту, но при попытке подойти к катеру мотор у нас залило. Мы попытались на веслах подойти к берегу, но вскоре поняли бессмысленность этого и выбросились на противоположный берег пролива, куда чуть позже выбросило и катер. Слава богу, что на базе не было плавсредств и начальство было с нами, поэтому там не могли организовать новую спасательную команду. А мы, команда со шлюпки, после того, как нас выбросило на берег, пошли в поселок Лагерное, где в 1955 году уже находился административный центр Новой Земли. Остаток ночи провели в милиции (было и такое заведение на Новой Земле), а утром через администрацию дали информацию на базу, что живы. Выждали пару дней, и зашедшая в Маточкин Шар зверобойная шхуна перебросила нас на базу в Шумилиху. Так закончился сезон 1955 года.

Новоземельская экспедиция в 1956 году просуществовала еще полгода. Писали отчеты, готовили геологическую съемку на востоке Новой Земли, в районе Пахтусовых островов. Я за эти полгода сделал головокружительную карьеру - был назначен главным геологом экспедиции и в этом качестве пребывал целых три месяца. Но в том же году Новую Землю, кроме самого юга, закрыли, и мы (я и Светлана Всеволодовна Черкесова) работали на юге Новой Земли по досъемке планшета R-40, 41-XV, XVI в масштабе 1:200 000 и вели специализированные работы по стратиграфии силура и девона. Последними занималась Черкесова. Транспортировка в районе работ

осуществлялась на двух шлюпках-четверках с подвесными моторами (у каждого отряда была своя шлюпка). Погода в этот год, как и в предыдущие, была плохой. Когда мы занимались увязкой в районе залива Рейнеке, нас сильно потрепало, но там были хорошие отстой и укрытия для нашей перегруженной шлюпки. Но когда мы вышли к мысу Меньшикова и дальше нужно было идти по Карской стороне на север вдоль открытого берега, оказалось, что наш транспорт для этого не очень-то пригоден - не только перегруженная шлюпка-четверка, но и подвесной мотор - слабый и не пригодный для работы на море. Но здесь нам помогли полярники с мыса Меньшикова. Они дали нам моторный вельбот с английского судна «Бесканам», которое село на банки где-то у реки Савина. Команду английских моряков с судна сняли, а само судно, спасательные шлюпки и катер англичане бросили, судно - на банках, катер - на берегу. Так катер попал к полярникам, а потом и к нам. Он смотрелся более надежно, чем наша шлюпка с подвесным мотором. От мыса Меньшикова мы шли на север вдоль полосы льда. Иногда нас прижимало к берегу, иногда мы уходили в море. Так дошли до реки Казакова и вошли в устье. Отсюда провели работы по съемке северной части листа R-IX, X. Это была рядовая съемочная работа - ходили в маршруты, перебрасывали вглубь острова легкие лагерь, отбивались от медведей - все было как обычно. А в базовом лагере в устье реки Казакова оставался моторист, которому очень нравился английский мотор на вельботе, и он его каждый день запускал для прогрева. И однажды при запуске моторист то ли сместил опережение зажигания, то ли еще что-то, но произошло зажигание в выхлопном коллекторе, и последний разорвало. Как следствие, мотор вышел из строя. Обратном нам пришлось уходить под парусами. Нашли на берегу подходящую для мачты лесину, соорудили прямой парус из палаточного тента, выбрали погоду и пошли. Ветер был не сильный, дул в сторону берега, но к вечеру усилился, а нам нужно было обходить мыс Перовского и поворачивать против ветра, на что наш вельбот без кия и при прямом парусе был не способен. Пришлось выбрасываться на наветренный берег у мыса Перовского. Нас на подходе к берегу залило, но основное «барахло» мы вытащили. А вельбот залило и разбило. Пешком мы добрались до мыса Меньшикова, выждали погоду и на своей лодке пришли на место выброски, забрали сохранившееся имущество, вернулись на мыс Меньшикова и на следующий день на своей лодке пошли в поселок Русаново, где была наша база. В обмен за разбитый английский вельбот нам пришлось отдать полярникам свою шлюпку.

Следующий полевой сезон я проводил на острове Вайгач и севере Пай-Хоя. К этому времени мы приобрели в Архангельске два спасательных вельбота со стационарными двигателями и обрели определенную независимость от морской стихии. Поскольку доставка этих вельботов и имущества партии планировалась на начало июля, то в конце мая - начале июня мы с Черкесовой решили провести пешую рекогносцировку в районе. Спланировали мы ее так: прилетаем в Амдерму, нанимаем собачью упряжку и едем в поселок Хабарово (в Югорском Шаре), а оттуда пешком на Вайгач через пролив в поселок Варнек и далее вдоль всего Вайгача в поселок Долгая губа на север. Гладко было на бумаге... В Амдерму прилетели на самолете и там с помощью местной власти довольно быстро нашли ненца-каюра с упряжкой собак. Договорились с ним, и он попросил у нас задаток. Не искушенные в обычаях аборигенов, мы этот задаток дали, но когда на следующий день пришли к этому каюру, то он был «никакой». Была упряжка мелких ненецких лаек, были нарты, был каюр. И мы решили, что сами запрягаем собак, кладем каюра на нарты в том виде, как он есть, и выезжаем. Стали с Толей Бурским запрягать собак, а они не лезут в ошейники. Как нам потом сказали, у каждой из них есть свое место, а мы этого не знали. И что у них должен быть вожак, а кто вожак, неизвестно. Одним словом, отстали мы от собак и

перенесли отъезд на следующий день. Потом, когда каюр пришел в себя, переход из Амдермы в Хабарово прошел нормально. Из Хабарово на южном берегу пролива Югорский Шар мы пешком перешли на северный берег пролива в поселок Варнек, отсюда начали переход вдоль острова Вайгач на север. Проход проходил в распутицу с одной ночевкой в устье реки Талаты в брошенной избушке, покрытой дерном, без крыши. Как сейчас помню, шел дождь, и мы всю ночь спасались от протечек в крыше. Зато переход от устья Талаты до поселка Дыроватый (это около 60 км) шли без ночевки 28 часов. Был дождь, ветер, тундра начала раскисать, а мы шли от перекура к перекуру и остановиться на ночевку не могли - не было с собой палатки. Дошли до брошенного поселка, устроили там дневку, через день перешли губу Долгую и пришли на факторию, где жил зав.факторией, его жена и собачка легавой породы - экзотика для Арктики. Потом маршрутом перешли Вайгач поперек за полярной станцией Болванский Нос, установили радиосвязь, вернулись в губу Долгую, а там уже подошел пароход, на котором были наши вельботы, снаряжение и основной состав партии. Потом пошла рутинная работа на обнажениях, морские переходы вдоль Вайгача и до Амдермы - все без особого экстрима, но слава отчаянных «мореходов» в глазах аборигенов закрепилась за нами устойчиво. Мы обрели уверенность, набрались опыта и на своем вельботе в один из сезонов пересекли пролив Карские Ворота с острова Вайгач на Новую Землю. Позже, в 80-х годах, когда обзавелись более мореходными плавсредствами, чем шлюпки, совершили переход через два моря из Новой Ладоги на Новую Землю. Сам по себе переход не представлял особой сложности в плане мореплавания. У нас был 15-ти метровый палубный катер с 40-сильным дизельным двигателем, был морской компас, но не было морской радиосвязи - средневолновой и УКВ- радиостанции (была только обычная экспедиционная КВ-радиостанция с фиксированными сроками выхода на связь). Сложно было только в плане бюрократическом - не оформленный регистром катер ограниченной мореходности, не было разрешения на выход в пограничную зону и, главное, не было разрешения нашей администрации на такой эксперимент. Оформить все эти документы было полностью нереально - кто бы мог взять на себя такую ответственность. Поэтому я все делал на свой страх и риск, опираясь на опыт нашего капитана - Николая Ивановича Шаргаева, не один сезон плававшего по рекам и вдоль морского побережья в Арктике. В этом переходе был и трезвый расчет. Если бы не делать этого перегона, пришлось бы везти катер по железной дороге, а он не габаритный. Пришлось бы срезать надстройку, а потом где-то опять приваривать ее на место и дальше катер нужно было бы перевозить на пароходе. На это ушел бы почти весь полевой сезон. А так мы перегнали катер из Новой Ладоги до юга Новой Земли за десять дней, были на базе уже в начале июля, и весь полевой сезон был сохранен.

Помимо экстремальных ситуаций на море, на Новой Земле постоянно возникали проблемы с белыми медведями. В 50-е годы, когда на Новой Земле еще жили промысловики и не существовало запрета на отстрел белого медведя, встречи с медведем и экстремальные ситуации возникали редко. После 1960 года белый медведь стал подлинным хозяином архипелага. Его не промышляли, а население на Новой Земле сосредоточивалось в поселках и на «точках». С 1961 года наземные испытания атомного оружия были прекращены и медведи жили вольготно. Бродили по острову, заходили в поселки, где питались на помойках, а в начале 80-х годов на полярной станции Мыс Желания даже погиб полярник. В моей практике только дважды были прямые стычки с медведями. Как правило, это были молодые особи, не знакомые с человеком. Один случай произошел в губе Северной Сульменево, когда в лагерь пришел молодой белый медведь. Он гулял по лагерю и терроризировал народ, пока не напал на Н.Н.Соболева, который ходил к ручью за водой. Медведь погнался за

Соболевым и бывшим с ним коллектором. Соболев отступал, повернувшись лицом к медведю, споткнулся и упал. Медведь зацепил его ногу, но бывший рядом коллектор поставил Соболева на ноги, а тот ударил медведя по морде пустым ведром. Зверя это отрезвило. А мы были вынуждены гонять этого медведя, используя оружие. Второй случай произошел уже в 80-е годы. Мы стояли лагерем недалеко от устья реки Нехватова. Наши две палатки - КАПШ с иллюминаторами. Медведи - звери очень любопытные, и этот медведь стал заглядывать в иллюминатор, а палатки были уже старые, и медведь прорвал палатку и сунул голову внутрь. В этой палатке спали бывшие тогда в нашем отряде женщины - Черкесова, Катя Бондарева и Таня. Медведь сунул голову к кровати, где спала Светлана Всеволодовна, она схватила молоток и ударила медведя по носу. Молоток сломался, а медведь отбежал от палатки и стал охлаждать нос в снежнике. Переполошившиеся в соседней палатке мужчины выскочили с винтовкой и готовы были убить медведя, но Светлане Всеволодовне стало жалко зверя и она вместе со своим братом, Олегом Всеволодовичем, нарубив мелкие кусочки мяса, отвела медведя от лагеря. Больше медведь не приходил. Я потом спрашивал Светлану Всеволодовну, как она ухитрилась так ударить медведя, что сломался молоток. Оказалось, она ударила его молотком плашмя - ей было жалко зверя. Вообще-то медведей на Новой Земле было много, особенно на Карском побережье. Бывало, у мыса Спорый Наволок за маршрут встречалось до 10 медведей, но мы удачно расходились с ними.

Умка – белый медведь...*Моей маме посвящаю*

Фотоснимок на плотной глянцевой бумаге выцвел и пожелтел, но эта благородная патина времени придавала ему особенную достоверность.

На снимке, весело ощерив неровные зубы, смеялся мужчина лет тридцати, худощавый - кожа жестко обтягивала выступающие скулы, в потертой кожанке и с большим футляром не то от “Лейки”, не то от “Кодака”, поставленным на колено. Худощавый человек одной рукой опирался на этот старомодный прямоугольный футляр, сидя, видимо, на канатной бухте или крышке люка: за его спиной виднелась рулевая рубка не очень крупного суденышка, а на спасательном круге ясно читалась надпись “Вайгач”. Слева над плечом мужчины чернела округлая горловина вентилятора, похожая на любопытное настороженное ухо. Рядом с мужчиной сидела, вывалив язык, крупная красивая полярная лайка. Ее влажная и, вероятно, пахнущая шерстью тень косо ложилась на фигуру худощавого мужчины.

Снимок, несмотря на общее потускнение фона, был резким, выдержанным - заметны были четкие морщины у уголков губ, какие бывают при смехе, и вдобавок мужчина невольно щурился и морщил лоб от яркого, видимо, в ту пору солнца, освещавшего его чуть спереди и сбоку сильным прожекторным светом.

- Бабушка, это кто? - спросил десятилетний Алешка, перебиравший в большой палехской шкатулке с лихой тройкой на крышке семейные фотографии. - Похож на комиссара из кинофильма. Только маузера нет...

Старая женщина мельком кинула взгляд на прямоугольничек картона, который вытащил внук: не надо быдо долго разглядывать его и, вздохнув, она продолжала покрепче пришивать оторванную вешалку на хрусткой капроновой курточке...

- Бабушка! - не унимался Алешка. - Это капитан? Ты с ним знакома?

- Знакома, внучек. Очень хорошо знакома... – прошептала бабушка. Пальцы ее отчего-то сильно задрожали, и она, подслеповато нащупав подушечку для булавок, ткнула туда иголку. - Это... это твой дедушка Алексей... когда был молодым...

[†] Известный российский поэт и прозаик. Окончил Ленинградский Горный институт в 1954 году по специальности - инженер-геолог. Автор более сорока книг для детей и взрослых, а также - многих персональных песенных сборников. Обращался и к кино, и к драматургии: по его сценариям поставлен ряд художественных и документальных фильмов («Ночи полчаса», «Его звали Роберт», «Песни и праздники», «Балтийцы»), а так же - музыкальные спектакли: оперы «Меч кузнеца», «Утренний снег», «Песни Белого моря» и т.д. Автор более 150 очерков и литературоведческих работ. За четверть века на стихи Льва Куклина разными композиторами написано более двухсот песен, среди которых такие широко известные, как «Голубые города», «Качает, качает...», «Песня о первой любви», «Что у вас, ребята, в рюкзаках?», «Сколько нас?» и многие другие. Родителями Л. В. Куклина были известные арктические геологи Валерий Александрович Куклин, сотрудник Арктического института, давший имена нескольким географическим объектам в Арктике, и Буня Исааковна Тест, сотрудница НИИГА-ВНИИОкеангеология, именем которой назван мыс на юге Новой Земли. Именно ей, своей маме, посвящает Л.В. Куклин публикуемый ниже рассказ.

- Алексей? - засмеялся Алешка. - Как я, только по-взрослому?

- Тебя и назвали в память дедушки... - объяснила старая женщина. - Как раньше говаривали: в его честь. Он не дождался тебя, Алеша...

- В его честь? - задумчиво повторил мальчик, усваивая новое для него понятие. - Это когда офицеры приветствуют друг друга? Он был военный, а, баб?

- Нет, он был геолог. Полярный исследователь...

- Но он был смелый человек? - допытывался внук: все-таки, понимал он, зря в честь кого-то не называют. - Он на фронте погиб?

- Он умер в блокаду... от голода...

- От голода? - недоверчиво усмехнулся мальчик. - Он что, не мог пойти в магазин и купить,, ну хоть хлеба с колбасой за два двадцать? Или сварить манную кашу?

В его маленькой голове никак не укладывалось, как взрослый человек может умереть... от голода, когда кругом сколько хочешь еды! Столько, что даже есть не хочется!

- А... - догадался он. - Он был болен? Или - не было денег? Ну конечно - не было денег!

- Нет, внучек, нет... Во всем городе не было никакой еды. Никакой...

Она вдруг остановилась, постигнув всю невозможность задачи объяснить современному ребенку, что такое подлинный, страшный, тот блокадный голод. Глаза ее наполнились бессильными слезами, она на какое-то время перестала видеть, а внуку сквозь сильные стекла очков ее слезинки казались неправоподобно, пугающе большими...

- Бабушка, зачем ты плачешь? - удивленно спросил он, подойдя к ней вплотную, и стал убирать пальцами слишком большие, как ему казалось, слезы с глаз бабушки.

Но они сейчас сделались обычными...

- Я лучше отвечу тебе на вопрос, смелым ли человеком был твой дедушка, - загоня слезы внутрь, внешне уже почти совсем спокойно сказала старая женщина. - Вот скажи мне, - мог ли бы ты пойти на медведя с голыми руками?

- С голыми руками? - недоверчиво переспросил внук. - С совсем, совсем голыми? - и он, вытянув вперед свои кисти, несколько раз повернул их перед собой ладонями вверх-вниз, внимательно разглядывая тонкие слабые пальцы. - На дрессированного?! - довольный своей догадкой, рассмеялся он...

- Нет, на самого-самого настоящего!

Внук оторопел. Трудно было представить на девятом этаже современного крупнопанельного дома с лифтом и ванной - и вдруг: медведь!

Но он любил сказки, и любил, когда бабушка рассказывает. Поэтому он поерзал, поскрипел стулом, устраиваясь поудобнее и приготовился слушать...

- Это было давно, очень давно... - начала бабушка. - В середине тридцатых годов...

- До революции? - спросил внук.

- Нет, уже после... Мы с дедушкой родились до революции, а в то время мы были сильными, молодыми. Мне было двадцать пять лет... - она боковым зрением увидела, как внук недоверчиво улыбнулся... - а дедушка на три года старше...

- А война уже была? - деловито уточнил Алеша.

- Какая война?

- Ну, какая, какая... Обыкновенная... Где эти...тачки...нет, тачанки с пулеметами, и неуловимые, и Штирлиц... И ракеты - вж! Вж!

“Боже мой! - пронеслось в голове у седой женщины. - Как же это удивительно: память... и жизнь. То, что для нас - вся жизнь, почти век, долгий и мучительный, то для них - это всего лишь краткий, стремительный миг, где все смешалось... Но у них впереди - своя жизнь, свой век, свои ошибки, а у нас - остается только этот миг, и длинная-длинная память, в которой любовь, и войны, и смерть медленны и подробны...”

Но всего этого она не стала говорить внуку, а продолжала попроще, попонятней для этого маленького человечка - который тоже был частичкой ее длинной собственной жизни...

...- Так вот: ранней весной тридцать четвертого года, где-то в середине июня...

- Бабушка, ты что? - засмеялся внук. - Ты путаешь! Июнь - это же лето!

- Нет, Алеша... Это здесь, у нас, июнь - лето. А там, на Севере, это еще весна. Даже метели бывают! И только-только разошелся лед в море, от деревянного города Архангельска, где даже мостовые были деревянными, прямо на Север отплыл пароход “Вайгач”. Вот он-то как раз и виден на том снимке.

Наша полярная экспедиция отправлялась изучать большой остров Новая Земля. Я потом покажу его на карте. Сейчас он весь изучен, а тогда - о нем почти ничего не знали, и на картах условно отмечалось только его побережье. Мы с твоим дедушкой, а моим мужем, оба геологи, были членами этой экспедиции. Среди нас были и другие научные сотрудники, например, географы, зоологи, коллекторы и просто - рабочие. Мы везли с собой научное оборудование, ящики с консервами, мешки с мукой, бочки с горючим, коробки с патронами, и даже - две собачьи упряжки с нартами.

Нарты - это такие специальные прочные сани, в которые впрягают собак или оленей. У собак был свой начальник, их хозяин, погонщик, ненец по имени... сразу и не выговоришь... по имени Утыргын. Лицо у него, помню, всегда сияло, как начищенный медный таз, черные прямые волосы челочкой падали на лоб, глаза глядели щелочками, а по-русски он говорил очень плохо и смешно. Но он был опытный охотник, не раз бывал на Новой Земле, - пробирался туда на собаках по льду, зимовал там, и вообще был для нас хорошим проводником и очень нужным помощником.

Мы его звали по-русски: Николаем, и он охотно откликался на это новое красивое имя.

В море было еще много битого пловучего льда, - целые футбольные поля! - и наш пароход пробирался между большими льдинами, сворачивал туда-сюда, чтобы не столкнуться с какой-нибудь толстенной громадиной, лавировал, нырял в разводья... Было еще холодно, хоть в небе стояло незакатное солнце, над нами летали чайки и сердито кричали. Среди них были чайки розовые и большие белые

альбатросы. А на льдинах иногда виднелись нерпы - очень симпатичные, с гладкими, словно выбритыми головами и с усами. Они лежали на льдинах, как на пляже, и смотрели на нас своими круглыми глазами с большим любодытством... А над нами все время летели стаи перелетных птиц - лебеди, утки, гуси...

К берегу пароход пристать не мог, потому что пристани не было - ее еще не построили... Все наши грузы сначала спускали в лодки, по-морскому - в шлюпки, и потом уже везли на берег. А на берегу - голо и пусто, ни жилья, ни дымка - ничего еще не было.

Должно быть, больше недели мы выгружались, целые горы наворотили всякой всячины. Да ни за что бы мы сами не справились, если бы нам не помогала команда парохода. Особенно досталось, когда выгружали уголь из трюма - для будущих печей... В общем аврале участвовали все, без различия возраста и званий, и все мы ходили усталые и черные, как негры...

Первое время мы жили в палатках, и спали в спальнях мешках из гагачьего пуха, очень легких и теплых. У нас получился на берегу целый палаточный городок, вроде пионерского лагеря: была палатка-столовая, палатка-склад, палатка-лаборатория... А наши рабочие плотничали, собирали хороший, просторный, добротный дом. Не рубили из бревен, из деревьев, а именно - собирали, как детский конструктор из деталей... Надо тебе сказать, что на Новой Земле ничего не растет - это каменистая или заболоченная пустыня, кое-где покрытая серым мхом и лишайником. Ничего нет: ни травинки, ни кустика, ни самого маленького деревца. Поэтому все, что нужно для дома, мы тоже привезли с собой: бревна, брусья, доски, рамы и стекла для окон, кирпич для печек, даже стулья и железные кровати-койки...

Дом рос быстро, и мы все радовались, что скоро будем жить со всеми удобствами. И конечно, когда у нас выдавалась свободная минутка, мы помогали плотникам, как и чем могли.

Только свободного-то времени было очень мало: нужно было успеть сделать очень многое за короткое, как заячий хвостик, северное лето. Пароход наш прогудел и исчез в тумане, и должен был вернуться за нами осенью, успеть до того, как море замерзнет. А вдруг - не успеет? Вдруг - что-нибудь случится? Тогда мы должны были быть готовы зазимовать на острове до следующей весны.

Вот почему нам и был нужен теплый дом с печкой...

А у самого берега плескались моржи, ныряли, а потом вылезали на галечную отмель погреться на солнышке...

- Моржи? - удивился внук. - Это такие... с рогами?

- С клыками... - поправила бабушка. - Почти бивни. Как у слона... Ночами они ревели - да там ведь белые ночи, солнце не заходит.

- Бабушка, а как режут моржи?

- Как режут? - переспросила старая женщина и задумалась, припоминая. Безусловно, она лучше помнила, как режут авиабомбы, рушащиеся на ее город, на ее квартал, нацеленные на ее дом. Она помнила всем своим телом противный визг снарядов, а - как режут моржи...

- Пожалуй... - слабо улыбнулась она, - они режут... похоже на громкое мычание больших коров. Ну вот как в деревне режут быки...

Внук никогда не слышал, как режут быки в деревне... - На нашем острове вообще было очень много животных и птиц. Это же был непуганый край! По тундре бродили дикие олени, на маленьких озерах и болотцах хлопали крыльями белые лебеди и серые гуси. Они совсем не боялись человека и подпускали очень близко - можно было палкой достать. А среди гусей попадались небольшие, очень красивые, с красным пятном на горлышке - краснозобые казарки.

Вся тундра была покрыта птицами! Гоготанье, писк, ссоры у гнезд! А на прибрежных скалах чайки устраивали свои гнездилища - птичьи базары. Мы туда ходили за птичьими яйцами...И еще там были гаги...

- Это кто такие? Гуси, гуси, га-га-га?

- Это такие полярные утки. У них на груди очень нежный и очень теплый пух. Матери-гаги выщипывают этот пух своими клювами и выстилают им гнезда, чтобы птенцам было тепло и мягко. Мы собирали этот пух и делали стеганые одеяла. Легкие-легкие! А гусиными перьями набивали подушки...Очень интересно и весело было тогда на острове!

Боялись мы только белых медведей...

- Белых... медведей?! - задохнулся от восторга внук.

- Да... Утыргын называл их: "умка"...

- Это потому, что они - умные?

- Может быть... Они умные, сильные и очень красивые крупные звери. И могут проплывать большие расстояния среди льдин в холодном море. Охотятся на рыбу, моржей и нерп. А какая у них шуба!

- Белая... как снег?

- Почти как снег. С небольшой желтизной, но в общем - белая. Когда медведь подкрадывается к нерпе, лежащей на льдине, он даже прикрывает лапой кончик своего черного носа, - чтобы нерпа или морж не заметили его раньше времени... Очень хитрый зверь.

- И они довольно часто нас навещали: подойдут к жилью, стоят на пригорочке и носом поводят из стороны в сторону. Иногда песцов отгоняли от помойки... Те сердились, тывкали, лаяли хрипло, как простуженные собаки. Песцы бегали драные, линючие... Житья от них не было!

Начальник нашей партии всех обязал носить ружья - на всякий случай. Когда медведи совсем уж близко подходили, чуть ли не к дверям - их отгоняли выстрелами.

И шутки у нас были "медвежьи". Я вообще-то не очень трусиха, но медведей не только я боялась. И меня мужчины иногда пугали: "Таня! Сзади - медведь!"

Я первое время - сразу бежать! Даже не оглядывалась. Кругом смеются... А потом мало-помалу привыкла и уже на такие крики перестала обращать внимание...

И вот как-то однажды...

Направились мы в дальний многодневный маршрут, - изучить местность, посмотреть, какие тут геологические породы, нанести их на карту.

Дедушка твой, я, два техника-коллектора, рабочий - погрузили мы палатку и припасы на нарты, но Утыргын на этот раз с нами не пошел. Собаки к нам уже привыкли и слушались.

Разбили, помню, мы наш палаточный лагерь на берегу ручья. Чистый ручей, светлый, до донышка, рыба в нем играет... Мужчины быстро на уху натаскали, костер развели, котел поставили - стали воду кипятить и рыбу разделывать.

А я совсем недалеко отошла, ну метров триста: меня там обнажение заинтересовало, скальные выходы коренных пород. Думаю - пока уха готовится, я этот выход осматрю, опишу как следует и образцы отобью...

Ну вот, сижу я, пишу в полевой дневник, отбитые образцы рассматриваю, все мечтала следы оруденения найти. Совсем увлеклась. И вдруг слышу громкие крики: "Таня! Медведь!" Ладно, ладно, думаю, нечего меня пугать, знаю, что шутите, мы - люди привычные... А сзади не унимаются, и отчаянно так, слышу и Алексей кричит: "Таня! Медведь, Таня!"

Я обернулась - и прямо похолодела вся, и карандаш у меня из рук выпал: между мной и лагерьем появилась медведица с медвежонком...

У костра люди прыгают, руками машут, а медведица - быстро так, и - прямо ко мне! Мне и бежать некуда... (Обнажение в виде стеночки, подковой. Наверх мне не прыгнуть, а у выхода медведица...)

Я от страха заревела, глаза руками закрыла да в мокрый снег лицом и ткнулась...

А надо тебе сказать, что на мне костюм был полярный, теплый, кожаный: куртка на меху и такие же штаны, в сапоги заправленные... Медведица, видно, и приняла меня в этой блестящей черной коже за моржа или тюленя - близко совсем подкралась да лапой своей когтистой меня по заду ка-а-ак хватит!

Треск только раздался, кожа на штанах лопнула - и она меня по живому телу сильно зацепила. Я, конечно, заорала, что было мочи - шутка сказать, меня медведица уже есть начала! - и сознание потеряла... .

Потом уже другие рассказывали: они бегут, стреляют в воздух, потому что в меня попасть боятся, а собак спустить не догадались...

А дедушка твой всех опередил, несется вперед огромными прыжками, да без ружья, в руках у него - только геологический молоток на длинной ручке, а сам орет страшным голосом и полевой сумкой размахивает...

Так прямо на медведицу и двинулся, и сумкой на ремешке над головой крутит, как пращой. И - прямо в морду медведице сумку и запустил!

А в сумке-то лежал изрядный кусок жареного гуся... Ну, а жареные гуси, как известно, - большие мастера пахнуть...

Старая женщина запнулась и усмехнулась, невольно поймав себя на нечаянной цитате: она очень любила Чехова...

- Медведица носом повела - и давай сумку когтями драть! Прямо стонет от удовольствия!

Пока она до гуся добиралась, обо мне на секунду-другую забыла, - я в сторону отползла, меня дедушка твой на руки подхватил, я идти не могла...

А кто-то из наших в этот момент еще медвежонка ударил - тот заверещал, обиженный, и наутек пустился. Медведица сразу за ним вдогонку поковыляла, - а в зубах так гуся и унесла...

Через два дня Утырган за меня отомстил: выследил медведицу и убил ее, сказал - опасный зверь... Шкура у нее была огромная, так руки в шерсти и тонули. Мы с дедушкой эту шкуру в Ленинград привезли, тогда еще это было можно, на пол, как ковер, постелили - всю комнату она закрыла. На этой шкуре твоя мама выросла, - в полярников да индейцев на ней играла...

А шрам у меня... медвежья отметина на этом самом месте... так на всю жизнь и остался...

- Очень больно было? - сморщившись, словно собираясь заплакать, спросил Алеша.

- Я сначала-то, честно говоря, боли даже не почувствовала

- Очень уж перепугалась... "Твою маму рожать было больней..." - добавила она про себя.

- А мысок, где наш лагерь тогда стоял возле ручейка, где все это случилось, - геологи потом назвали в мою честь "Танин мыс"... На подробных картах Новой Земли это название так и сохранилось. Когда-нибудь я тебе покажу...

- Твое имя? На карте?! - так и подпрыгнул внук. - Значит, все-таки, дедушка и ты - очень смелые люди?

Старая женщина вздохнула, ничего не ответив, и только подумала, что жизнь - это длинная-длинная цепь, состоящая из счастья, и горя, встреч и разлук, рождений и смертей, и усталости от любимой работы, и что прожить эту огромную человеческую жизнь, краткий слепящий миг в бескрайней черноте Вселенной, - просто и честно прожить ее - это и есть, пожалуй, настоящая, самая главная смелость.

Но внуку своему, понятно, она этого не сказала...

Немного из прошлого НИИГА

В 1949 г. на распределении в Горном институте из кабинета, где заседала комиссия, вышел профессор М.М.Тетяев – декан нашего факультета - и не без некоторого неодобрения в голосе сказал: “На Игоря и Вас (И.С. был болен и на распределении не был) есть заявка из НИИГА, но ведь вам же там придется заниматься нефтью! Разве Игорь согласится?”

В наше время в Горном институте нефтяной специальности не было. Петрографию осадочных пород, в отличие от магматических и метаморфических, читали весьма скромно – всего один семестр. Игорь Сергеевич и я проходили практику в Забайкалье, Карелии и на Кольском полуострове, а потому считали себя знатоками-магматистами. Я стояла расстроенная и озадаченная. Вдруг ко мне подошли двое мужчин, как оказалось впоследствии, ученый секретарь М.Ф.Лобанов и тогда еще сотрудник отдела кадров А.Ф.Салманов, и сказали: “Вы не огорчайтесь – у нас очень хороший институт и Вы никогда не пожалеете, что поступили к нам на работу”.

Прошло почти 60 лет, и ни Игорь Сергеевич, ни я, ни наши однокурсники, работающие в институте, никогда об этом не пожалели. Я пришла в институт в мае. В здании еще был ремонт – функционировал только второй этаж. А.Ф.Салманов, прочитав в моей анкете, что место моего рождения г. Западная Двина, очень серьезно задумался, а не за бугром ли это? Но, узнав, что это Смоленщина, успокоился.

Следующее испытание ждало меня у М.Ф.Лобанова, который направил меня на работу в литологическую лабораторию, хотя я уверяла его, что не знаю методов исследования осадочных пород. Ответ был – учитесь!

Все лаборатории тогда располагались в первом этаже. А литологическая лаборатория долгое время базировалась в ЛИИЖТе, где Н.Н.Лапина, заведовавшая лабораторией, преподавала. В лаборатории были две сотрудницы - Н.К.Дьячек и Е.И.Белова, выполнявшие гранулометрические анализы. Минералогов не было – пришлось мне быть первой. Надо было учиться. В помощь нам, молодым, в институт приглашались прекрасные специалисты: В.Б.Татарский, проф. ЛГУ, Е.И.Нефедов – доктор г.-м. наук (ВСЕГЕИ). Я еще пользовалась консультацией В.А.Атеносяна (ВНИГРИ).

Для постижения геологии Арктики М.Ф.Лобанов поручил мне вести протоколы на Ученом совете. Раньше этим занималась К.Ф.Невская, когда и нарисовала свою замечательную картину “Заседание Ученого совета”. Надо сказать, что шаржированные фигуры изображенных там лиц удивительно тонко отражают не только вид, но и их характер. Одной из дам очень не понравился ее “портрет”, и она пожаловалась в РК КПСС. Был получен строгий, почти “скалозубовский” приказ: “Собрать все фотокопии и сжечь”. Но, конечно, такой замечательный человек как Б.В.Ткаченко, который, не споря, всегда поступал как считал нужным, сохранил экземпляр и теперь он украшает зал Ученого совета ВНИИОкеангеология, напоминая о старейших сотрудниках нашего института.

Все вновь принятые в институт до получения “допуска” обитали в комн.11 - “чистилище”, а до этого мы даже не могли входить в другие кабинеты. У меня первое время даже не было ни микроскопа, ни иммерсионных жидкостей. Я все брала у Я.Л.Стахевиц, но, чтобы это получить, я стучала в дверь кабинета, где она работала.

Обычно В.Н. Сакс или Ф.Г. Марков, замечавшие меня, говорили: “Ягна Львовна, к Вам пришли”.

Когда я работала в литологической лаборатории, мне приходилось делать различные определения. Однажды в нашу комн. 11 вошел разгневанный мужчина и строгим голосом спросил: “Кто здесь Ронкина?” Я робко встала. А этот мужчина сказал: “Вы или этот молодой человек с усами мне все наврали!” Повернулся и вышел. Так я впервые познакомилась с М.Г. Равичем. А дело в том, что рентгеновское изучение состава глинистых минералов еще только зарождалось. Определения этим методом для М.Г.Равича делал В.А.Черепанов, а я определяла оптическим путем. Как оказалось впоследствии, мы оба были правы, но только определяли состав из разных по размерности фракций. В процессе изучения вещественного состава я позднее выяснила, что соотношение не только глинистых, но и обломочных минералов имеет непосредственную зависимость от размерности.

Пока институт был в составе ГУСМП, были у нас ночные дежурства. Вместе с вахтером дежурный сотрудник в 12 часов ночи и в 6 часов утра обходил все здание института, а после 12 часов заваливался спать на диване в кабинете директора. В диване даже завелись клопы, иногда дававшие о себе знать сидящим на диване во время заседаний Ученого совета, которые, как правило, проходили в кабинете директора. Знающие этого дивана избегали.

Редкие заседания проводились в комн.16. Тогда все сотрудники картографического отдела отпускались домой, в кабинет вносились стулья, до этого мирно стоящие в вестибюле. Здесь же проходили всякие собрания и торжества, на которых выступали наши замечательные поэты-песенники Ю.Н.Кулаков, В.И.Захаров, А.М.Городницкий.

В 1952 г. меня перевели в тематическую партию В.Н.Сакса. Я впервые поехала в Арктику. Полет был ужасен – через каждые три часа посадка. Меня всю дорогу травило, а бедный В.Н. уже не знал, где добывать газеты на кульки. Но не обошлось и без смеха. В Красноярске в самолет ЛИ-2 со скамейками вдоль бортов вошли два весьма поддатых, судя по форме, речных начальника. Один из них совсем не мог сидеть – он склонял тяжелую голову на плечо своего коллеги, а ноги клал на колени сидящей рядом дамы. Та невозмутимо, не говоря ни слова, сбрасывала его ноги, открывала сумочку, доставала одеколон и протирала руки. Через некоторое время все повторялось вновь и вновь. И так всю дорогу до Туруханска. Это созерцание и возглас В.Н.Сакса: “Смотрите, Бутакова!” даже облегчило мое состояние. Очень хороший петрограф Е.Л.Бутакова отличалась какой-то болезненной брезгливостью. Она никогда ни с кем не здоровалась за руку. Если ей нужно было достать деньги, она открывала сумочку, надевала тонкую черную перчатку и только потом подавала деньги. По институту она ходила с мешочком на руке, в котором лежали бумажки, с помощью которых она открывала двери, поворачивала выключатель. Бросая при этом бумажки, где попало. Так все знали – здесь проходила Е.Л. Бутакова.

Работая на теме у В.Н.Сакса, я изучала минералогический состав мезозойских отложений из различных регионов Арктики. При просмотре образцов В.В.Захарова с островов Карского моря у меня возникли некоторые сомнения в их датировке. Я тихо вздыхала за своим микроскопом, но все замечающий В.Н.Сакс сказал: “Что Вы мучаетесь, позовите В. Захарова”. В.Н.Сакс обратился к нашей новой сотруднице М.Б.Бурдыкиной, только что окончившей школу, ставшей впоследствии палеонтологом, с вопросом: “Рита, Вы знаете Володю Захарова? Попросите его зайти к Зинаиде Зиновьевне”. Через несколько минут робко открывается дверь в наш кабинет и

просовывается только голова всегда такого вальяжного зам. директора В.И.Захарова, который спрашивает: “Зинаида Зиновьевна, Вы меня вызывали?” От неожиданности я смогла только спросить: “Рита, кого Вы позвали?” А она невозмутимо: “Захарова”. Хорошо, что В.Н. Сакс смог извиниться, меня же разбирал хохот. Б.В. Ткаченко, который всегда обо всем знал, что делается в институте, мне, смеясь, говорил, что В.И. Захаров не любит вспоминать, как я его вызывала.

В институте было принято после командировок за рубеж, тогда редких, докладывать на Ученом совете свои научные и личные впечатления. Р.М.Деменицкая – прекрасный ученый и организатор, была весьма экстравагантной дамой. Приехав с геологического конгресса из Индии, она, взобравшись на стул на заседании совета, демонстрировала, как надо надевать сари. У нее весьма неловко получалось, но она уверяла нас, что это просто, а одеяние это очень-очень удобно. Раиса Михайловна всегда была полна передовых идей и по части моды. Как-то она устроила дома фуршет. Но Борис Васильевич и Михаил Григорьевич есть стоя “студню” не признавали и первым делом потребовали стулья. Постепенно уселись все. Перед моей защитой диссертации Раиса Михайловна поинтересовалась, продумала ли я свой туалет, и порекомендовала в первую очередь думать об этом. А В.Н.Соколов, вернувшись из Осло, где он жил в отеле, сообщил нам, что в номере, даже в туалете, есть телефон, по которому ему звонили. В.М.Лазуркин, вернувшись из Польши, рассказывал, какие короткие платья носят пани, не смущаясь демонстрировать ножки и многочисленные кружева. Ф.Г.Марков, глава нашей первой “крупной” делегации в Канаду (В.Н.Сакс и М.И.Рабкин), весьма неодобрительно отзывался о нравах их прессы.

Б.В.Ткаченко при всей своей доброжелательности и терпимости очень не любил, чтобы сотрудницы ходили в брюках, считая, очевидно, что это необходимый атрибут только в полевых условиях. А брюки тогда едва-едва входили в моду. Н.А.Борщева, проработав несколько лет за границей, ходила в брюках. Она часто курила в коридоре, по которому нередко в партбюро проходил Борис Васильевич. Как-то, увидев Н.А.Борщеву, он сказал: “Наташа, ну что ты всегда в брюках ходишь? Если у тебя нет денег на юбку, я тебе дам”.

Однажды в институт пришла телеграмма из Москвы от высокого начальства: “Сообщите возраст оленьих рогов Дибнера”. В.Д.Дибнер был на полевых работах, все были в недоумении. На помощь пришел В.Н. Сакс, сообразивший, что речь идет об урочище Оленьи рога, которое находится на р. Танаме, притоке Енисея. Здесь В.Д.Дибнером были обнаружены выходы отложений верхнего мела. В 1952 г. наша партия посетила это урочище. Путешествие было не простое, т.к. этот район находится под действием нагонных ветров, все время меняющих уровень воды. Во время прилива на лодке залило магнето, и нам пришлось на веслах и парусе, сшитом из двух вкладышей спального мешка, плыть вначале вниз по р. Танаме, а потом вверх по р. Енисей. У нас были две тяжелые лодки, а гребцы - В.Н.Сакс и моторист. Путешествие длилось с раннего утра почти до ночи с разными приключениями. Одно из них такое. Довольно утомленные плаваньем, мы, наконец, вблизи поселка поставили палатку и легли спать. Через некоторое время мы были разбужены каким-то большим зверем, бегающим вокруг палатки и цепляющим веревки-оттяжки. Все испуганно присели в своих мешках. Наш моторист, набравшись храбрости, взял ружье и стал осторожно пробираться к выходу. Выглянув из палатки, он увидел корову, на любимой лужайке которой мы, по-видимому, поставили палатку. Отогнать корову стоило усилий.

В середине 50-х годов в институт из Норильска вернулся Н.Н.Урванцев. Я впервые увидела Н.Н.Урванцева в 1952 г. в геологическом управлении Норильского

комбината. По коридору прошел высокий худощавый, чуть сутулый мужчина в ватнике, ни с кем не здороваясь и не останавливаясь. В.Н.Сакс сказал мне, что это Н.Н.Урванцев, фамилию которого вычеркивают из всех работ. Позже он рассказал мне о Николае Николаевиче подробнее. Сотрудников в институте было много – сидели в кабинетах весьма скученно. Николаю Николаевичу хотели создать более благоприятные условия и предложили ему место в кабинете рядом с первым отделом. Там на окнах были решетки. Увидев их, Николай Николаевич сказал: “Благодарю, так я уже сидел”, повернулся и вышел. Через некоторое время он оказался в нашем кабинете - В.Н.Сакс стал на недолгое время зам. директора по науке, а Н.Н.Урванцев – начальником отдела геологии. Не смотря на тесноту, мы, как и почти во всех кабинетах, жили дружно и не мешали друг другу работать. Но иногда чуть-чуть расслаблялись, тем более что у нас в комнате сидела Л.Н. Шилова-Ильченко, которая в то время верховодила строительством наших кооперативных домов. Николай Николаевич неважно слышал и вообще умел отключаться. Но однажды не выдержал – снял очки, бросил ручку и сказал, что спокойнее всего ему работалось в Норильске, когда у дверей его комнаты стоял часовой. И вообще Николай Николаевич иногда оригинально вспоминал прошлое “житье”. На частые жалобы одной сотрудницы на зубную боль заметил: “Ну что ты все мучаешься, выдерни их и сделай искусственные. Вот у меня сталинские (постучал костяшками пальцев по зубам), могу орехи разгрызть”.

Можно еще много вспоминать историй, чаще смешных, иногда не очень. Конечно, и у нас в коллективе были всплески эмоций. Но они носили локальный характер, никак не влиявший на доброжелательные, уважительные отношения между всеми сотрудниками, не смотря на служебное положение, возраст и заслуги перед геологией Арктики. Созданию такой обстановки институт безусловно обязан старейшим его сотрудникам – первопроходцам и в первую очередь Б.В.Ткаченко.

IV. Эссе

Андреев С.И.

О возрасте руководителей института

Наш институт – НИИГА, был организован спустя всего три года после окончания Великой Отечественной войны, еще при И.В. Сталине и Л.П. Берия, в эпоху, когда словами не бросались, человеческое слово и дело имели высокую цену, а за болтовню и разгильдяйство сурово наказывали. Сегодня, в канун 60-летнего Юбилея, не вредно знать своих героев, как они работали, жили, развлекались и шутили.

Первая плеяда руководителей и ведущих геологов НИИГА появилась на свет в начале XX века, в первом десятилетии, или несколько позднее. Признанный организатор нашего института Виктор Михайлович Лазуркин родился в 1910 году, т.е. свершил свое главное жизненное предназначение в 38 лет. Он работал в институте до самой смерти в 1992 году, в самых различных должностях: начальником экспедиции, заведующим отделом лабораторных исследований, Председателем экспертной Комиссии, официальным и негласным членом многочисленных редакционных коллегий. Пожалуй, только теперь становится ясно, что он самочинно возложил на себя, со свойственным ему максимализмом, функции чистильщика – либеро, заботясь о наилучшем решении самых разных аспектов своего детища – нашего института. Первый директор НИИГА – Борис Васильевич Ткаченко, родился в 1907 году. Он занял эту должность, когда ему было немногим за 40 лет. Большинство начальников отделов и лабораторий: Н.А. Шведов (1907), Ф.Г. Марков (1907), А.И. Гусев (1908), М.И. Рабкин (1909), М.Ф. Лобанов (1910), В.Н. Сакс (1911), Р.М. Деменицкая (1912), С.И. Иванов (1912), Н.Н. Лапина (1913), а также заместитель директора по научной работе М.Г. Равич (1912) и заместитель директора по общим вопросам В.И. Захаров (1908), составляющие ядро первой волны руководителей, оказались востребованы в возрасте, немного превосходящем 40 лет. Относительными старожилами на их фоне казались Н.Н. Урванцев (1893), Л.М. Вазбуцкий (1898), В.А. Вакар (1900), Н.А. Гедройц (1901) и И.П. Атласов (1902). В целом же, эта плеяда замечательных людей изначально отличалась безупречной гражданской позицией, свойственной истинно «государевым людям». Вокруг них сложился уникальный коллектив и человеческий климат, сохранившийся в институте по сие время.

Следующий всплеск заметной активности наблюдается у сотрудников с датами рождения 1915-1923 гг.: Я.И. Польшин (1915), В.Н. Соколов (1916), Б.Х. Егизаров (1918), Ю.Н. Кулаков (1921), В.Я. Кабаньков (1926), С.Л. Троицкий (1922), В.И. Устрицкий (1923), Л.А. Чайка (1922), О.В. Суздальский (1922), Р.С. Рубинович (1922), Д.А. Вольнов (1923). В их числе – академик И.С. Грамберг (1922). В 1972 г. он становится вторым директором нашего института в возрасте 50 лет.

Вторая волна руководителей и ведущих специалистов родилась при подходе и на рубеже 30-х годов. Это Г.И. Гапоненко (1926), В.С. Соловьев (1926), Д.С. Сороков (1926), В.А. Даценко (1926), З.З. Ронкина, И.М. Русаков (1927), А.М. Иванова (1927), Б.В. Гусев (1929), В.И. Бондарев (1930), Ю.Е. Погребницкий (1930), В.И. Ушаков (1930), В.А. Милашев (1930), Г.К. Пичугина (1930), А.М. Карасик (1930), Д.В. Семевский (1930), Л.И. Аникеева (1930), М.К. Иванов (1931), О.Г. Шулятин (1931), Л.С. Егоров (1932). К ним примыкают бессменные при И.С. Грамберге заместитель директора по науке В.Л. Иванов (1932) и Ученый Секретарь Э.М. Красиков (1932). Эту же возрастную группу, спустя 2-4 года, дополняют сотрудники, родившиеся в период 1933-1938 гг.: И.Н. Горяинов (1932), Г.Э. Грикуров (1934), С.И. Андреев (1934),

А.И. Айнемер (1935), Г.Д. Гинсбург (1935), Д.А. Додин (1936), М.К. Косько (1935), Е.Н. Каменев (1936), М.А. Холмянский (1936), Э.М. Литвинов (1938), О.И. Супруненко (1937). К ним примыкает группа совсем молодых: С.Г. Краснов (1952), В.В. Траубе (1952), Е.Е. Мусатов (1957), С.П. Мащенко (1958). Представители второй волны составили профессиональную элиту эпохи И.С. Грамберга, ознаменованной крупными успехами в изучении геологии и минеральных ресурсов Арктических побережий, островов и шельфа, Мирового океана и Антарктиды. Этот коллектив сохранил себя и институт в сложное перестроечное время и, частично, вошел в XXI век, когда стало ясно, что природные ресурсы России в час роковых испытаний являются единственным и решающим богатством, позволившим сохранить целостность и державность государства, вывести его из глубочайшего социальной и экономической пропасти.

Третья волна руководителей института формируется у нас на глазах. Третий директор – Валерий Дмитриевич Каминский, заступил в 2002 г. в возрасте 55 лет. Его заместители имеют широкий возрастной диапазон: одни только что перевалили за 50 лет (А.Ю. Опекунов, Г.А. Черкашев, А.Н. Смирнов), другие уже на пятом десятке (А.Е. Овсянников, А.И. Школа, С.А. Козлов), третьи в зрелом возрасте за 60 и более (В.А. Поселов, О.И. Супруненко). Что касается заведующих отделов, секторов и ведущих специалистов, то среди них встречаются представители относительно молодого (до 40 лет) возраста (Л.Л. Мазуренко, Т.В. Матвеева, В.В. Иванова, А.А. Селин), зрелого – до 50 лет (Е.А. Гусев, Г.Л. Лейченко, В.В. Сулова), немного выше (Б.Г. Ванштейн, В.И. Петрова, А.Н. Евдокимов, В.Ю. Глебовский, С.И. Петухов, В.А. Соловьев), и, наконец, те, кто составляет старую гвардию: В.А. Даценко, В.И. Бондарев, В.Л. Иванов, Ю.Н. Топорский, С.И. Андреев, А.З. Бурский, Д.А. Додин, Д.В. Лазуркин (мл), А.М. Иванова, И.А. Андреева, Е.Г. Юдовный, Н.Н. Куликов и кое-кто еще, о ком скромно умолчим. Таким образом, третье поколение лидеров представлено смешанным по возрасту и полу составом, в полном объеме отвечающим условиям толерантности нового времени. Согласно намечающейся тенденции, четвертый директор будет иметь возраст около 60 лет, либо, по циклическому закону, институт вернется к исходным рубежам с руководителем в районе 40 лет. Будем оптимистами – поживем, увидим.

V. Стихи

Грамберг И.С.

На внешней орбите

Хоть воды Мойки не боржом,
А НИИГА пока не Дубно,
Но широко за рубежом
Известно стало это судно.

Его научный экипаж,
Досель бродивший лишь по тропам,
Теперь шагает по Европам
И пополняет свой багаж.

Приобретя костюм и шляпки
И обувь строго по ноге,
В Канаду едут Сакс и Рабкин
И возглавляющий Ф.Г.*

Найдя везде прием отличный,
Они, как водится порой.
На все ответили «Столичной»
И банкой с паюсной икрой.

Все б хорошо, да поутру.
Не соблюдая политеса,
В Канаде раззвонила пресса
Про русских, водку и икру.

Ф.Г. промолвил: «Ну и ну!»
И захотел в свою страну.

Мы за рубеж, и к нам с визитом
Проникло несколько персон.
Средь них профессор Гаррисон
И группа менее именитых.

Какой предпринят был маневр,
Мне вам описывать не надо:
Известна всем Гаррисонада
Сей поэтический шедевр.

Мы не забыли до сих пор.
Хоть время мчится метеором,
Ковром покрытый коридор
И нынче ставший нам укором
Роскошный в досках туалет
(Теперь рабочий кабинет).

И как склонились люди низко,
Когда свободно по-английски
Чуть-чуть небрежно, на ходу
Сказал В.Н.* "How do you do!"

Все видели как Гаррисон
Был этой речью потрясен.

Да! Завертелась карусель
Во сне такого не приснится —
Б.В.* , известный всем досель
Иммунитетом к загранице,

И тот теперь как птица мчится
В столицу Бельгии — Брюссель.

М.Г.* на что уж хлипок с виду,
А ведь объездил сколько стран —
Работать ездит в Антарктиду
И отдыхать за океан.

Он славу громкую снискал,
Ему премьер заокеанский —
Никто-нибудь Новозеландский
С большим почтеньем руку жал.

Р.М.* слегка наводит форс
В связи с поездкой в Гельсингфорс.

Но всех счастливей Дибнер Витя,
К нему теперь не подступиться!
На заседание и крюшон
Он нынче в Польшу приглашен.

Мельканье стран и блеск столиц
Судьба играет с нами «блиц»:
То поманит внезапной славой.
А то напустит вдруг удава,

Иль на конгресс на полпути
Продержит Раю взаперти.

Ну перед кем судьба в ответе?
Взяла и даму в туалете
На час иль боле заперла.

Ну. ладно, дама та была
Весьма подвижна и смела,
Надежд друзей не обманула
И через стенку сиганула.

А ведь возникнуть мог в момент
Международный инцидент.
Про этот случай я читал
В стихах Захарова-поэта.
Он клялся, что все правда это,
Но может быть и наклепал?

И быть бы в Индии беде,
Ведь просто счастье, что М.Г.
Весьма поджар и сух на вид
И не внушает аппетит.

К тому же тот удав-агрессор
Не ведал, что М.Г. — профессор,
А то б от счастья задрожал —
Профессоров еще не жрал!!!

Да, что уж там, на самом деле
Подвижен стал меридиан:
То Лондон, то поездка в Дели,
И в Прагу выброшен десант.

Пусть три научные туриста,
Но в то же время два танкиста
И с ними на одной ноге
Слегка обученный М.Г.

Хоть было тут не до парада,
Но наш бесстрашный гарнизон
Друг другу сделал три доклада
И обсудил со всех сторон.

Затем допив запасы водки,
Не подкрепленные едой,
Они дождались самоходки
И отбыли к себе домой.

И здесь их каждого спроси —
Везли бесплатно на такси.
И ждал, болел и трепетал
Битком набитый НИИГА-зал.

Что ж, зарубежные поездки
Не сняты и сейчас с повестки.

Года, года мелькают быстро,
Уже сменились два министра,
И каждый нас закрыть хотел,
Но не сумел иль не успел?

И пусть история ответит
Успеет ли закрыть нас третий?

То правда почва наша зыбка,
Но наш фрегат в воде, как рыбка.
И смело мы глядим вперед:
Нам мал фрегат — нам нужен флот!
И уж одно я твердо знаю,
Что этот флот достанет Рая.

* Ф.Г. — Федор Григорьевич Марков. Б.В. — Борис Васильевич Ткаченко,
В.Н. — Валентин Николаевич Соколов, М.Г. — Михаил Григорьевич Равич,
Р.М. — Раиса Михайловна Деменицкая

Река Оленек (письма Н.Д. Василевской)

Скоро неделя как дует «юг»,
Небо над нами как мытая миска,
Давно написал бы, да все недосуг,
Погода торопит — ведь осень близко.

Фортуна теперь меня не щадит,
Наносит удары то слева, то справа:
Первый нокаут — радикулит,
Второй — «ЧП» в партии Дава.

Случай этот, как дикий сон,
Какие бывают в трудном походе —
Кажется жив еще Леенсон
Смеется, работает, где-то ходит.

Чтоб Вы представить могли сполна,
Скажу, что в тот день от порывов ветра,
От берега к берегу шла волна,
А переправа — два километра.

В такую погоду кто поплывет?
И все же нашлось три лоботряса,
Уселись компанией в вездеход
И в путь — на поиски свежего мяса!

Уж тут ни добавить, ни досказать,
Что будешь делать с такою бедою?
До берега было рукой подать,
Когда вездеход захлестнуло волною.

Нет это было все не во сне:
Недаром пять дней говорят ребята
Про вездеход, что лежит на дне,
И про Сашу, что был когда-то...

Время бесстрашно уходит вперед,
И нам пора приниматься за дело:
Достать пытаемся вездеход,
Да ищем вдоль берега Сашино тело.

Письмо невеселое, не обессудьте.
Только как- тут напишешь иначе,
Да и на сердце такая муть,
Что хочется лаять и выть по-собачьи.

Отгородиться б нам всем от бед,
Да только нет подходящей дамбы...
А как там у вас? Всем знакомым привет.
Не забывающий Вас

Игорь Грамберг.

Ветеран

Я стих тебе, Устрицкий, написал:
Ты славно жил и воевал умело,
И пусть твое слегка короче стало тело,
Дух не ослаб, он даже тверже стал!

Кто может предсказать возможность
человека?

Врачи сказали — с палочкой пойдет...
По тундре отшагал ты четверть века,
И ничего... лишь отрастил живот.

Жизнь — высшая из мыслимых наград,
Нам с каждым днем бег времени заметней
Мы разомкнем ряды 50-летних...
Вот место для тебя — встань в строй, солдат!

**Избранные фотографии из архива
И.С.Грамберга - З.З.Ронкиной - В.И.Петровой**

И.С. Грамберг и его школьные друзья, 1940 год

И.С. Грамберг
студент Горного института

Забайкалье, на производственной практике, 1948 год

Первомайская демонстрация 1948 г. –
наши друзья из группы ТСМС – НЗ – “все девочки в шляпках”
Л. Жданова, Е. Владимирская, И. Грамберг,
В. Юдина, Г. Карцева, З. Ронкина, В. Кабаньков,
З. Баранова, Т. Пчелина, Д. Палферов.

Г.Н. Карцева

Восточный Таймыр, 1955 год
И.С. Грамберг и его коллеги

Восточный Таймыр, 1955 год
И.С. Грамберг (справа)

Коллектор Ю. Клюев, Н.В. Шаровская,
З.З. Ронкина, А.И. Карасева
Малая Хета, 1952 год – у ящиков с керном

Е.Г. Юдовный, Н.И. Шульгина, З.З. Ронкина, моторист
Хатанга – Хета 1955 год

З.З. Ронкина, Н.В. Шаровская, моторист
Отъезд на Танаму 1952 год

Это я, мне 35 лет*

* Здесь и далее (1955 г.) пояснения И.С.Граммберга

Володя Похиалайнен –
студент-практикант 20-ти лет
1955 год

Очаповский Леонид - радист, около 30-ти лет
мыс Цветкова, Восточный Таймыр, 1955 год

Сегодня мы прошли с Володей
По тундре ровно тридцать верст,
Дул прямо в лица нам норд-ост,
Ну или что-то в этом роде...

За работу, товарищи!! - сказал я ещё в 1955 году

Л. Б. Очаповский, И.С. Грамберг

Мы работали не покладая рук, не зная ни минуты отдыха...

единственный случай, когда мы присели на несколько секунд, отображен на этой фотографии.

Усилия наши не пропали даром.
Вот какой рюкзак
нам удалось набить образцами!!!
Л.Б. Очаповский, И.С. Грамберг

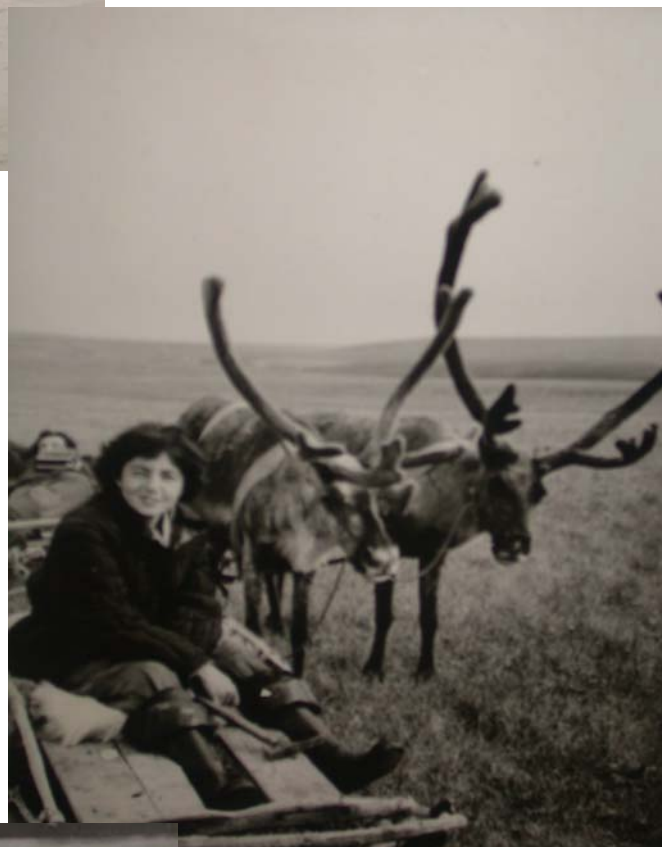
И.С. Грамберг, В. Похиалайнен,
Л.Б. Очаповский
Эти три скромных бескорыстных человека
на себе перетаскивали огромные бревна,
чтобы помочь своему товарищу
укрепить бытовую сторону жизни

З.З. Ронкина,
1959 год
Возвращение
с о. Бегичев (в самолете)

Е.Г. Юдовный, Л.Б. Очаповский, З.З. Ронкина
Спасение увязнувшей в пливуне р. Илистый
о. Бегичев, 1959 год

З.З. Ронкина и наш транспорт
о. Бегичев, 1959 год

В.Н. Сакс, В.А. Басов
р. Хета, 1961 год

Д.С. Сороков, З.З. Ронкина, С.С. Седов
р. Маймеча, 1971 год
“очень вкусный шашлык”

50 – летие И.С. Грамберга (1972 год)

И.С. Грамберг в своем кабинете

И.С. Грамберг, А.Э. Конторович с портретом И.С. Грамберга

И.С.Грамберг, В.Д. Наливкин

И.С. Грамберг, С.И. Андреев, Л.И. Аникеева

И.С. Грамберг, В.А. Басов, В.И. Бондарев

Два директора института И.С. Грамберг, Б.В. Ткаченко

А.А. Щеглов, И.С. Грамберг

М. Питчер с супругой (США) и мы – Р.Е. Соркина, З.З. Ронкина, И.С. Грамберг 1970 г. во время редакции книги “Геология Арктики” на англ. яз., вышедшей в 1973 г.

И.С. Грамберг – Валдайский лес

В.И. Устрицкий, И.С. Грамберг
в Валдайском лесу

Ю.Н. Кулаков, В.И. Захаров
Юбилей Н.Н. Урванцева, 1973 год

Е.Г. Юдовный, З.З. Ронкина, Б.Х. Егиазаров, Л.Н. Ильченко

Юбилей Н.Н. Урванцева, 1973 год
И.С. Грамберг, Е.И. Урванцева, Н.Н. Урванцев

Защита Крутоярского

– А что до ваших крепких мер –
не те у вас таланты!

Кто выступал здесь, например? –
сплошные дилетанты!

Хоть через ряд здесь шулера,
а также ретрограды –
вам не побить – не та игра –
моей прогнозной карты!

Вы думаете – легкий труд?

Я год почти авралил,
пока загнал поля структур
в рулоны и спирали.

Я популярно наметал,
чтоб разобрались массы,
как лед тащил в пролив металл,
накопленный с триаса.

Как перейдя на материк,
он выгреб все заначки,
и в тех местах, куда проник,
рассеял однозначно.

Я два сезона в поле мерз,
скитался в непогоду.
Я дал уверенный прогноз
на сушу и на воду.

В ответ меня, как шалуна,
по заднице вожжами!
Пусть Иванова, пусть она
меня не уважает.

Но с нею на один манер,
не прав и неумерен,
развыступался Айнемер –
я так был в нем уверен!

В отчете, мол, не тот уклон...

Ну ладно, я ручаюсь,
что с ним однажды за углом
вплотную повстречаюсь.

А тот, кто мало говорил
и переврал все жутко,
мог заглянуть и сам в пролив, –
вот так, товарищ Жуков!

Итак, кругом все не правы,
хоть на расправу скоры.

Оригинальные труды
вы рубите под корень!

В Объединении разброд,
и не понять, кто главный,
в то время, когда весь народ
опережает планы.

Подайте шляпу и пальто,
не надо ваших премий!
Я побежден? Плевать на то!
Меня оценит время!

1983

Перелет

(дорожная зарисовка)

Сказали летчики, ссылаясь на приказ,
что груз возьмут, а вот с людьми – накладка!
Потом сдались: берут на этот раз,
но чтобы не светились на посадке.

Седьмым подсел настырный капитан,
он горлом взял и голубой петлицей.
Все обошлось, и наш груженный «Ан»
взял курс норд-ост из северной столицы.

И тут же сдвинув животы и локти,
весь перелет пуская на распив,
полярные простуженные волки,
из рюкзаков достали крепкий спирт.

И капитан у ящика-стола
вертелся бесом, сыпал соль и шутку;
четыре года отслужил на островах,
теперь сменился чуть ли не на Кушку.

В Архангельске его снесли на трап,
и снова в воздух, получив заправку.
«Но пасаран! Гуляем до утра!» –
кричал вожак и рвал с себя рубашку.

А мы в хвосте у круглого окна
рядком присели: я и мой попутчик.
Покуриваем «Беломорканал»
и наблюдаем землю через тучки.

Почти молчим, бросая в разговор
поленья слов так, через пень-колоду.
Внизу сквозь дымку зеркала озер,
нечастый лес и частые болота.

Попутчик мой сутул и долговяз,
нескладен, черен, как ночное небо;
допиливает где-то там иняз,
махнул на север за деньгой и снегом.

В нем что-то есть; он жизнью терт и бит,
бросал учиться, начинал сначала;
снимает угол, невезуч в любви,
стихи кропает, как и я случайно.

Я думаю об этом как-то вскользь,
колечками дымя замысловато.
А он худой и жилистый, как гвоздь,
почти по шляпку влез в иллюминатор.

На циферблате времена уже не те,
а я нет-нет и гляну по привычке.
Мы вместо Амдермы подсели в Воркуте, –
нам все равно, нам к черту на кулички!

И снова взлет. Опять ревут винты,
и облака подобны нашей свите.
А волки, что ж, допив до Воркуты,
свалились, наконец, в мертвецком виде.
Летим на солнце, то есть на восток.
От духоты и гула мы закисли.
Но вот и Хатанга. Вздремнули там чуток.
И снова взлет, и курс теперь на Тикси.
Внизу озера в скорлупе молочных льдов.
Лучи светила тундру не согрели.
А в Ленинграде – месяц, как тепло,
и ночи белые, и аромат сирени.
Отбросив ворох читанных газет,
мы смотрим вдаль бездумно и лениво.
А волчья масть, на четверть отрезвев,
выравнивает тонус чешским пивом.
Но позади посадок чехарда.
Туман. Над тундрой шаримся впритирку.
Пункт назначения. Поселок Чокурдах.
Тот самый, что стоит на Индигирке.
Размашисто несет на полосу
груженный «Ан» свои и наши тонны.
Последние секунды на весу;
толчок и покатались по бетону.
Моторы гложут с рыком на басах.
Глаз наугад бросает первый пеленг.
Вокруг невыразительный пейзаж,
даже для этих голых параллелей.
От тундры талой холодом сквозит;
июнь давно, а только вскрылись реки...
Мы грузим в подошедший студебеккер
свой полевой нехитрый реквизит.
Все погрузив, мостимся наверху,
куда-то едем, редких псов пугая.
Вразброс дома стоят на берегу,
с ободранными от ветров боками.
Что ж, городок вполне по северам.
Видать, не время для других и разных.
Три улочки, от грязи непролазных,
два магазина, клуб да ресторан.
Пусть будет счастлив этот мирный берег.
Мы ж обойдя поселок в два конца,
отметили среди аборигенок
два или три улыбчивых лица.
И напрямую, через грязь и хлам,
мы двинулись обратно к магазину.
Мы гости здесь, нас поутру закинут
вертушкой на архипелаг.

Лед

*Толщина ледяного покрова
достигает в Антарктиде
четырёх и более тысяч метров.*

Четыре тысячи метров льда
заполнили чашу материка.
В броню ледяную берег закован.
Над ним лишь ветер да птичий гомон.
Четыре тысячи метров льда
в двадцать пять миллионов лет.
А растают они когда?
Никто не знает ответ.

Четыре тысячи метров льда –
самая чистая в мире вода,
замороженно-голубая –
наша последняя кладовая.
Четыре тысячи тяжкого льда –
кому-то памятная плита.
Шестеро вылетели в полет,
не долетели – врезались в лед.

Белая, белая, белая мгла.
Ни тени вокруг, ни штриха, ни угла.
Вот такие дела,
как у дьявола!
На юге лежит ледяная страна,
полярная, вьюжная сторона.
Бывает и ныне такая цена
за то, чтоб увидеть, какая она.

Четыре с лихвою сплошного льда.
Отсюда, любимая, ты не видна.
С юга накатывают холода,
значит пора нам назад в города.
Четыре тысячи метров льда.
С тобою увидимся мы когда?
К домашним причалам приткнутся суда,
– только тогда...